#### САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ



## ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ



# PHILOSOPHY AND HUMANITIES IN INFORMATION SOCIETY

Выпуск № 4(14) октябрь – декабрь 2016

Санкт-Петербург / Saint Petersburg

## Содержание

О журнале	6
To Our Readers and Authors	7
От редакции	8
Состав редакционного совета журнала	10
Состав редакционной коллегии журнала	12
Философия информационного общества	
Специфика методологии мышления в информационном обществе	
Н. К. Оконская, М. А. Ермаков, О. А. Резник	14
Бытие человека в эпоху информационной цивилизации: выработка новой	
концепции социального футуризма	
Е. В. Кузнецова	24
Репрезентация в изобразительном искусстве информационного общества	
(на примере искусства поп-арт)	
Т. А. Кузина	38
Философия и социология образования	
Новые тенденции социокультурных изменений в студенческой среде:	
причины, особенности, прогнозы	
Ĥ. H. Сазонова	44
Из опыта регионального учреждения высшего профессионального	
образования Беларуси по социальной адаптации иностранных студентов	
Д. А. Канашевич-Адыгезалова (Республика Беларусь)	51
Компенсаторные стратегии как компонент развития коммуникативной	
компетенции при овладении иностранным языком на раннем этапе	
И. Ю. Петрова	70
История	
Современная оценка феномена массовых политических репрессий 1937-	
1938 годов на Черноморском флоте	
В. В. Горохов	80
Из истории отечественной науки	
Психофизиологический подход В. С. Дерябина к изучению вопросов	
прикладной психологии	
О. Н. Забродин	89
Рецензии	
Монография А. А. Лазаревича «Становление информационного общества:	
коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные	
основания»	
С В Оплов Л В Бусел	99

Указатель содержания журнала за 2016 год		
Указатель содержания журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» за 2016 год	105	
Требования к оформлению статей		
Требования к оформлению статей	108	

## Content

About the Journal	6
To Our Readers and Authors (In English)	7
Editorial	8
Editorial Council of the Journal	10
Editorial Board of the Journal	12
Philosophy of Information Society	
Methodology of Thinking Specifics in the Information Society	
N. K. Okonskaya, M. A. Ermakov, O. A. Reznik	14
Human's Being in the Era of Information Civilization: Development of a New	
Concept of Social Futurism	
E. V. Kuznetsova	24
Representation of Information Society in Fine Art (Taking Pop-Art as an	2 1
Example)	
T. A. Kuzina	38
Philosophy and Sociology of Education  Navy Socio Cultural Trands in Student Communities: Passans, Characteristics	
New Socio-Cultural Trends in Student Communities: Reasons, Characteristics, Forecasts	
N. N. Sazonova	44
Social Adaptation of Foreign Students in Regional Institution of Higher	77
Education in Belarus	
D. A. Kanashevich-Adigozalova	51
Compensatory Strategies as a Component of Communicative Competence	0 1
When Learning a Foreign Language at an Early Stage	
I. Y. Petrova	70
History	
Modern Assessment of Mass Political Repressions within the Black Sea Fleet in	
1937–1938	
V. V. Gorokhov	80
From the History of the Science of Our Country  The Daysha Dhysial agical Approach of V. S. Dayshin to the Study of Applied	
The Psycho-Physiological Approach of V. S. Deryabin to the Study of Applied Psychology	
	89
O. N. Zabrodin	0,7
Reviews	
The Monograph of A. A. Lazarevich "The Coming of Information Society:	
Communication-Epistemological and Cultural-Civilizational Foundations".	00
S. V. Orlov, D. V. Busel	99
Content 2016	
Content 2016	105

Философия и гуманитарные науки в информационном обществе, 2016, № 4(14)	www.fikio.ru		
Article Presentation Rules			
Article Presentation Rules	108		

#### О журнале

#### Уважаемые читатели и авторы журнала!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание — журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте <a href="www.fikio.ru">www.fikio.ru</a>. Журнал включен в базу данных РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ №ФС77-54191), ему присвоен ISSN 2309-6888.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дают эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы публикуем работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

В журнале рассматриваются преимущественно проблемы, составляющие содержание следующих групп специальностей научных работников:

09.00.00 – философские науки;

24.00.00 – культурология;

19.00.00 – психологические науки.

Редакционная коллегия

#### To Our Readers and Authors

#### Dear colleagues!

We present the following issue of our Internet journal "Philosophy and Humanities in Information Society".

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

Our journal is published four times a year.

Chief Editor: prof. Sergei V. Orlov. E-mail: orlov5508@ramler.ru

Editorial board

## От редакции

Четырнадцатый номер журнала открывается разделом «Философия информационного общества».

Статья Н. К. Оконской, М. А. Ермакова и О. А. Резник «Специфика мышления информационном обществе» фактически В продолжает линию критики упрощенного представления о современном обществе как об «обществе знаний», некоем царстве знаний. Недостаточная востребованность гуманитарного знания, своеобразная человеческого мышления и деятельности могут быть преодолены с помощью нового, синтетического типа рациональности, предостерегающего нашего современника мифологизированного восприятия действительности. Е. В. Кузнецова в работе «Бытие человека в эпоху информационной цивилизации: выработка новой концепции социального футуризма» также подчеркивает, что многие противоречия информационного общества обусловлены господством технологического над духовным, унаследованным от индустриальной эпохи. Для разрешения противоречий современной выстраивать цивилизации необходим человек, способный гармоничное взаимодействие этих двух сфер. В публикации Т. А. Кузиной «Репрезентация в изобразительном искусстве информационного общества (на примере поп-арт)» показано усложнение приемов репрезентации современной массовой культуре ПО сравнению репрезентацией В классическом искусстве.

В разделе «Философия и социология образования» прослеживаются некоторые особенности современного студенчества, а также применяемых в настоящее время образовательных стратегий. Н. Н. Сазонова в статье «Новые тенденции социокультурных изменений в студенческой среде: причины, особенности, прогнозы» оценивает результаты конкретно-социологического исследования ценностных ориентаций студентов, проведенного в ряде городов и вузов России. Студенческая молодежь стремится к самореализации, оптимистично смотрит на будущее, уважает традиционные отличается многообразием идейных позиций и проявляет определенную Д. А. Канашевич-Адыгезалова социальной зрелости. степень особенности работы с иностранными студентами, обучающимися в вузах Республики Беларусь («Из опыта регионального учреждения высшего профессионального образования Беларуси по социальной адаптации **студентов»**). Иностранные студенты некоторое испытывают культурный шок в новой для них стране, но затем достаточно успешно адаптируются к обстановке. Гораздо большие трудности, чем адаптация к культурной среде, вызывает у них необходимость обучения на неродном языке. Статья И. Ю. Петровой «Компенсаторные стратегии как компонент развития коммуникативной компетенции при овладении иностранным языком на раннем этапе» посвящена развитию в процессе обучения языку основных компетенций, необходимых для

межкультурной коммуникации — лингвистической, социокультурной, психосоциальной и компенсаторной.

«История» В. В. Горохова В разделе помещено исследование «Современная оценка феномена массовых политических репрессий 1937— 1938 гг. на Черноморском флоте». Оно продолжает тему современного понимания роли массовых репрессий 20-50-х годов в истории советского общества и государства, уже поднимавшуюся в нашем журнале. Автор на конкретном историческом материале показывает как необоснованность и пагубное масштабность ИХ большое ЭТИХ мер, так И обороноспособность **CCCP** период, предшествовавший Великой Отечественной войне.

Раздел «Из истории отечественной науки» включает статью О. Н. Забродина «Психофизиологический подход В. С. Дерябина к изучению вопросов прикладной психологии». Опираясь на концепцию своего учителя, И. П. Павлова, В. С. Дерябин уже в 20-х годах прошлого века показал значимость психофизиологических характеристик человека для формирования его как личности, внося тем самым важный вклад в понимание механизма взаимодействия социального и биологического в человеке и обществе. Этот механизм не до конца понятен и современной науке.

Наконец, наш журнал впервые помещает рецензию на актуальное монографическое исследование по проблемам информационного общества (раздел «Рецензии»). С. В. Орлов и Д. В. Бусел делятся своими соображениями о книге А. А. Лазаревича, директора Института философии Национальной академии наук Беларуси, члена редакционного совета нашего журнала информационного общества: коммуникационно-«Становление эпистемологические культурно-цивилизационные основания». И фундаментальном труде белорусского философа дается масштабное обобщение концепции информационного общества, разработанных подходов философами Беларуси, России и ряда других стран, предлагаются варианты решений поставленных ими проблем. Автор монографии подробно разбирает современной социальной информации коммуникации, природу И представления о постиндустриальном и информационном общественном укладе, сущностные черты общества, основанного на знании, проблемы информационной безопасности человека и социума в современном мире, особенности научной рациональности и идеологии в эпоху информационного общества.

Главный редактор

## Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

#### Председатель редакционного совета:

**Боер Виктор Матвеевич** – проректор по учебно-воспитательной работе, декан юридического факультета ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

#### Члены редакционного совета:

**Лосев Константин Викторович** — проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, доцент.

**Лазаревич Анатолий Аркадьевич** — директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (по согласованию).

**Лаура Пана (Laura Pana)** – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедра автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

**Меган Диксон (Megan Dixon)** – преподаватель Колледжа Идахо (США), Ph. D по русской литературе, Ph. D по гуманитарной географии (по согласованию).

**Марахов Владимир Григорьевич** — профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

**Кудашов Вячеслав Иванович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

**Диев Владимир Серафимович** — декан философского факультета Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, вице-президент Российского философского общества (по согласованию).

**Орлов Владимир Вячеславович** — заведующий кафедрой философии факультета философии и социологии Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

**Субетто Александр Иванович** — доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, Заслуженный деятель науки РФ, советник ректора Смольного института Российской академии образования, Санкт-Петербург (по согласованию).

**Комашинский Владимир Ильич** – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры обработки и передачи дискретных сообщений Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича (по согласованию).

**Арефьев Михаил Анатольевич** — заведующий кафедрой философии и культурологи Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

**Выжлецов Геннадий Павлович** — профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

**Комаров Виктор** Дмитриевич — профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, доктор философских наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук (по согласованию).

**Орлов Сергей Владимирович** – профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала.

## Состав редакционной коллегии журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

#### Главный редактор:

**Орлов Сергей Владимирович** – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

#### Члены редакционной коллегии по разделу философии:

**Орлов Сергей Владимирович** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

**Игнатьев Михаил Борисович** — директор Международного института кибернетики и артоники ГУАП, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Президента России.

**Оконская Наталья Камильевна** — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета (по согласованию).

**Выжлецов Павел Геннадиевич** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

**Коробкова Светлана Николаевна** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

### Члены редакционной коллегии по разделу культурологи:

**Смирнова Тамара Михайловна** – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

**Выжлецова Наталья Викторовна** – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

**Гусарова Юлия Васильевна** — преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Юниверсити, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия (по согласованию).

## Члены редакционной коллегии по разделу истории:

**Гусман Леонид Юрьевич** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

**Тропов Игорь Анатольевич** — доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Выборгского филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (по согласованию).

#### Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

**Чиханова Марина Анатольевна** — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

#### Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

**Казанская Валентина Георгиевна** – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры рекламы и современных коммуникаций ГУАП.

**Дмитренко Нина Андреевна** – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, директор Учебно-лингвистического центра Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

#### Члены редакционной коллегии по разделу истории отечественной науки:

Забродин Олег Николаевич — доктор медицинских наук, старший научный сотрудник кафедры анестезиологии и реаниматологии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова (по согласованию).

#### Ответственный секретарь редакции:

**Коломийцев Сергей Юрьевич** – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

## Распределение обязанностей в редакции

Орлов Сергей Владимирович – выпускающий редактор.

Коломийцев Сергей Юрьевич – технический редактор.

Дмитренко Нина Андреевна – переводчик.

**Малкин Иосиф Гиллевич** — эксперт, руководитель информационноаналитического отдела. Философия и суманитарные наука в информационном воществе, 2010, N2 4(14) www.jikio.ru

## ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 165; 316.324.8

## Специфика методологии мышления в информационном обществе<sup>\*</sup>

Оконская Наталия Камильевна — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», профессор кафедры философии и права, доктор философских наук, Пермь, Россия.

E-mail: nataokonskaya@rambler.ru

614010, Россия, Пермский край, Пермь, Комсомольский пр., 29, корп. А, тел.: +7(342)219-80-47.

**Ермаков Михаил Александрович** — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», ассистент кафедры социологии и политологии, Пермь, Россия.

E-mail: sociovampire@mail.ru 614010, Россия, Пермский край, Пермь, Комсомольский пр., 29, корп. А, тел.: +7(342)219-80-47.

**Резник Ольга Афанасьевна** — Автономная некоммерческая организация «Пермский гуманитарно-технологический институт», доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Пермь, Россия.

614010, Россия, Пермский край, Пермь, Комсомольский пр., 74.

### Авторское резюме

Состояние вопроса: Информационное общество предъявляет специфические требования к человеку в силу экспоненциального развития технизации и инноваций. Специализация функций работника гарантирует относительную легкость адаптации человека к участию в новых технологиях, в то время как подготовка профессионалов широкого профиля оказывается более затратным путем.

Результаты: На современном этапе развития информационного общества происходит вытеснение фундаментальных знаний ИЗ разных сфер общественного сознания, связанное со стремлением к максимально быстрому получению прибыли. В первую очередь происходит отчуждение человека от гуманитарной составляющей культуры. Усиливаемый этими статистически значимыми изменениями релятивизм и отрицание роли истины обостряют кризис рациональности. Исключение одной или более фундаментальных областей познавательной активности субъекта приводит ИЗ трансформациям практики познания, как, например, трансгуманизм (взамен

\_

<sup>\* ©</sup> Н. К. Оконская, М. А. Ермаков, О. А. Резник, 2016.

гуманизма) и эмпиризм (взамен диалектики рационализма). В них проявляются новые формы отчуждения человека от его духовности, вызванные технизацией ценностных составляющих его деятельности. Физиологически эти новые формы отчуждения человека могут сопровождаться возвратом к межполушарной асимметрии взамен развитой функциональной асимметрии мозга.

Выводы: Преодоление кризиса рациональности возможно через синтетический тип мышления, объединяющий сильные стороны классического и неклассического типов рациональности на основе практики как критерия целостной активности. Для выработки новой, более современной формы рациональности в познании требуется восстановление фундаментального, прежде всего гуманитарного и экономического знания в качестве главного ориентира высшего и среднего образования. Если образованию и другим институтам информационного общества будут надстроечным параметры синтетического типа рациональности, кризиса общественного сознания, возможно, удастся избежать.

**Ключевые слова:** информационное общество; технизация человека; рациональность; типы рациональности; синтетический тип рациональности; физиология познания; функциональная асимметрия мозга.

## **Methodology of Thinking Specifics in the Information Society**

Okonskaya Natalia Kamilevna – Perm National Research Polytechnic University, Professor of Philosophy and Law Department, Doctor of Philosophy, Perm, Russia.

E-mail: nataokonskaya@rambler.ru 29, Komsomolsky Prospekt, Perm, Russia, 614000,

tel: +7 (342) 219-80-47.

**Ermakov Mihail Aleksandrovich** – Perm National Research Polytechnic University, Assistant of the Department of Sociology and Political Science, Perm, Russia.

E-mail: sociovampire@mail.ru 29, Komsomolsky Prospekt, Perm, Russia, 614000, tel: +7 (342) 219-80-47.

**Reznik Olga Afanasevna** – Perm Humanities Institute of Technology, Associate Professor of the Humanities Department, Perm, Russia.

74, Komsomolsky Prospekt, Perm, Russia, 614010.

#### **Abstract**

**Background:** The Information Society has specific requirements to a person by virtue of the exponential development of mechanization and innovation. His main functions of the employee ensures the relative ease of adaptation of the person to participate in the new technologies, while the preparation of generalist professionals is more expensive way.

**Results:** At the present stage of development of the information society the displacement of fundamental knowledge from different spheres of public consciousness associated with the pursuit of maximum profit quickly. In the first place, there is the alienation of man from the humanitarian component of culture. Strengthens those statistically significant changes relativism and denial of the role of truth aggravate the crisis of rationality. Excluding one or more of the fundamental areas of the cognitive activity of the subject leads to the transformation of knowledge practices, such as transhumanism (instead of humanism) and empiricism (instead of dialectic rationalism). They appear new forms of alienation of man from his spirituality, caused by mechanization value of its constituent activities. Physiologically, these new forms of alienation may be accompanied by a return to the inter-hemispheric asymmetry in exchange advanced functional brain asymmetry.

Conclusion: Overcoming the crisis of rationality is possible through a synthetic type of thinking, combining the strengths of classical and non-classical type of rationality-based practices as an integral activity of the test. To develop a new, more modern form of rationality in cognition required fundamental reconstruction, primarily humanitarian and economic knowledge as the main benchmark higher and secondary education. If education and other institutions of the information society superstructure parameters of the synthetic type of rationality will be asked, public awareness of the crisis may be avoided.

**Keywords:** information society; mechanization of man; rationality; types of rationality; synthetic type of rationality; physiology of cognition; functional asymmetry of the brain.

веке информационное общество XXIвступает Углубляющиеся процессы информатизации становятся осью трансформации цивилизации, создавая новые формы зависимости личности от рационализации общественной жизни. Работа по сознательному усвоению невозможна без рациональных процессов познания. постановки проблемы рациональности в практическом ключе требуется, на наш рациональности историческим дополнить понятие взгляд, содержания рациональности как прозрачности и ясности в мыслительной активности человека. Именно от рациональности зависят мотивы, ценности, понимание смысла жизни. В мифологическом ключе рациональность может быть интерпретирована как традиции, обычаи, установки, определяемые архетипами общественного сознания.

Объективное развитие способностей К логическому вербальному постижению действительности коренится в особом функционировании мозга человека. Эта особенность может быть определена как функциональная асимметрия, характерная только для Homo sapiens. Так как понятие асимметрии не является однозначно философской категорией, позволим себе краткое Асимметрию необходимо обоснование онтологического статуса. его рассматривать как особый способ саморазвития сложных систем. асимметрии системы ориентированы на замкнутость, что (через второй закон термодинамики) оборачивается регрессом. Раздвоение на противоположные стороны как источник противоречий становится маркером прогрессивного потенциала саморазвития любой системы.

Так, предшествующими этапами развития асимметрии как таковой можно назвать физическую (положительные и отрицательные поля), химическую (хиральность), биологическую (анатомическая, анатомо-механическая, половая, др.) виды асимметрии [8]. Онтологической вершиной этапов развития различных видов асимметрии является именно функциональная асимметрия мозга человека.

На основе речи как системы абстрактных знаков через гиппокамп задаются устойчивые центры возбуждения в разных отделах головного мозга, которые приводят к образованию новых нейронов благодаря экспрессии генов. Мозг качественно меняется с каждым новым витком познания человека: усложняются нейронные сети. Сама же по себе «инициатива» создания нейронных сетей, захватывающих все участки высшей нервной деятельности (ВНД), принадлежит именно тормозящей силе слов [10].

Именно новые нейронные сети способны затормозить определенные виды биологической активности. Биологическая мотивация и предопределенность сменяется на искусственную мотивацию, вызванную словами. Человек определяет свое поведение «из своей головы».

К возрасту полового созревания при условии активной социальной жизни в обществе мозг человека приобретает зрелую функциональную специфику, необходимую для речеизъяснения на уровне, превосходящем «говорение машин», то есть на свободном и понятном самому носителю языке интерпретатора с бесконечной интерпретативной возможностью [2; 5; 9]. Согласно междисциплинарным исследованиям, «энергетические ресурсы мозга порождают не только мышление, речь, но и создают основу для функционирования всего спектра эмоционального, духовно-нравственного потенциала человеческой психики» [11, с. 27].

Кроме психологической составляющей у системы рациональности есть более объемная и непосредственно наблюдаемая сторона – технологическая. В информационном обществе противоположная сторона обретаемой эта выступает особенно человеком рациональности ярко. формообразование прямо указывает на бурный процесс преобразования природы, вещество которой оказывается пластической массой для введения "порождающих моделей", как А. Ф. Лосев называл платоновские идеи» [4, с. 8]. Включение в конкурентную борьбу с использованием новейших технологий, требующих полной самоотдачи И нервного напряжения, соответствовать скоростям и мощностям урбанизированной и технизированной природы приводит К глобальным разнонаправленным, неуправляемым последствиям. В биологии человека может наступить слом функциональной асимметрии мозга, выражающийся в латерализации функций полушарий, вплоть до патологий. Тогда наступает преобладание либо правополушарных (чувственно-эмоциональных), либо левополушарных (потеря смысла при сохранении вербальной активности) функций.

Переизбыток рациональных моментов может разрушить правополушарные функционалы, переводя «язык» эмоций и чувств в логико-вербальную область. Риск стрессов, проявляющийся в психических отклонениях и заболеваниях неопознанной этиологии (онкологические и сердечно-сосудистые заболевания) логически объясним разрушением асимметрии функционирования мозга человека.

Однако не только болезни проявляют дисгармонию развития рациональности в современном обществе.

В организме единство так же необходимо, как и в системе общественных отношений, и это единство, объективно охраняемое асимметрией высшей деятельности, находится иогоди возрастающей нервной ПОД атаки рациональности общественных отношений. Человек утрачивает эмоциональную гармонию с собой и с природой, когда он вовлечен в поиски информации, позволяющей, к примеру, доказать свою профессиональную пригодность. Взамен внутренней работы по самоопределению, результатом является знаковое воспроизводство мира в стимулируется извне. Наиболее действенным стимулом к такому повороту в судьбе является включение в конкурентную борьбу с использованием новейших технологий, требующих полной самоотдачи и нервного напряжения, соответствовать скоростям И мощностям урбанизированной технизированной природы.

История рациональности была бы неполна без анализа ее материализации в общественных отношениях. Мы можем предположить, что причиной для возникновения многих проблем человека в информационную эпоху является неустойчивость, вызванная отсутствием системного единства феномена рациональности общества в целом.

Идея единства технических новшеств как необходимость преодолеть глобальные кризисы человечества прослеживается еще на основе аристотелевской картины мира. Мир един благодаря единому центру всех изменений (неподвижное начало, νους, ум — правит подвижным миром). Рассматривая эту идею не в качестве парадокса, а как тонко угаданную истину, мы ставим проблему создания единства и сохранения его устойчивости в мире хаотических технических изменений в качестве центрального звена глобальных проблем.

Связь экономических отношений с отчуждением человека в процессе труда, с его здоровьем и с технико-технологическими проблемами является базисом материалистического понимания истории. Однако рациональность в широком смысле слова позволяет посмотреть на эту же проблему по-новому, с учетом мыслительной разумной активности человека, через процесс познания.

Для исследования рациональности в информационном обществе важно определить тип господствующих приоритетов и ценностей в познании и практическом преобразовании мира.

Уже развернутые к настоящему времени типы рациональности в истории развития общественного сознания мы охарактеризуем (не претендуя на исчерпывающий характер такой типологии) как классический и неклассический.

Сильная сторона классического типа рациональности, которую требуется непременно сохранить, заключается в следующем: объективная истина возможна, мир познаваем. Разум человека всесилен (Р. Декарт), знание – сила Неклассический (Ф. Бэкон). ТИП рациональности также прогрессивные характеристики: снимается идея абсолютности сознания, идея его трансцендентной заданности извне. К человеку, его сознанию, языку познания предъявляются специфические требования, которым человек не может соответствовать априори. Требуется профессиональная подготовка к научной деятельности (через образование и специфическую практику). «В этой связи, как представляется, далеко не случайно, что глобализация получила своё рельефное выражение в постиндустриальную эпоху, когда стал формироваться научный ... труд, требующий для своего выполнения универсально развитых индивидов» [1, с. 18].

Синтез сильных сторон рациональности как особого типа умственной активности, разворачивающейся для понимания ситуаций, законов и срезов бытия, мы предлагаем обозначить как *синтетический тип рациональности*, востребуемый спецификой информационной эры развития общества.

Сильной стороной данного типа рациональности является соединение субъекта с его объективной составляющей, являющейся ведущей в процессе развития. «В XIX веке, по Марксу, удалось перейти в логике познания социума (общества) от абстрактного человека вообще к конкретному системы, построенной на технико-экономическом [7, с. 210]. В этом случае целостность субъекта гарантирована, и возникает кризисов духовности. Синтетический тип рациональности прокладывает свой сложный путь в таких теоретических исследовательских как марксизм и неомарксизм, в концепциях Чижевского, Вернадского, В теории относительности Эйнштейна. Общий стержень, объединяющий эти разнородные парадигмы, – это линия практики, целостной системы. Ведущей методологией становятся материализм и диалектика, одним из принципов выступает антропный принцип. Человек объективно стал главным вектором системы мира, космоса (отнюдь не благодаря своим сознательным устремлениям, а зачастую вопреки им: вопреки слабости своей индивидуальной воли, мизерности своих желаний).

Этот тип рациональности в настоящее время слабо актуализирован в причин научных исследованиях. Одной ИЗ отставания синтеза прогрессивных сторон рациональности в целом являются высокие темпы происходящих трансформаций в обществе. Новая всеобщая форма развития производительных сил – научно-техническая революция, – увеличивает темп общественного развития, начиная с 50-х гг. XX века по экспоненте, воссоздавая человечество как глобальное, сетевым образом связанное воедино целое. «Подобно тому, как конвейер расчленил производство на операции и сделал индустриальное развитие доступным во всех частях мира, научно-техническая возможным применение фундаментального революция сделала являющегося всеобщим, не имеющим хозяев в мире, повсюду» [12, с. 82].

Скатывание к мифотворчеству, распространенному в современной науке, выступает следствием попыток удержаться на уровне стихийного, «бытового» материализма, выступающего следствием преобладания повседневного опыта над всеми познавательными практиками: научными, религиозными, философскими, политическими. Именно в обыденном опыте коренятся атавистические черты рациональности, когда мнения заменяют знания, при этом релятивизм, субъективизм востребованы во всех областях практики человека, кроме узкопрофессиональной технологической сферы, где ведущую роль играет не сам субъект, а новые технологии. Между тем «синтез современного знания (научного, философского, религиозного) о различных уровнях бытия (физическом, биологическом, антропологическом, культурном, духовном и т. п.) позволяет рассматривать мир как многообразные формы реальности, находящиеся в действительности в необходимой связи. Выявление этих связей создает условия для прогнозирования развития человека и мира в космическом пространстве, а также для разработки регуляторов практической жизни человека» [3, с. 80]. Этот уровень познания отражает важность синтетического типа рациональности.

Если в процессе познания субъект не усвоил определенные области знания терминологию В. С. Стёпина сложных, используя академика человекоразмерных (гуманитарных правовых, морально-нравственных, философско-социологических и пр.) систем, то следствием может стать необратимая неспособность видения системных объектов, проблемами человека и общества. Так, моральные проблемы, даже озвученные и проговариваемые, могут не «задевать за живое»; забвение истории родной страны также относится к данному феномену духовной слепоты, вызываемой отсутствием фундаментальных гуманитарных знаний. Именно гуманитарные объекты относятся к сложным системным областям мира, для восприятия которых требуется рациональная перестройка психофизиологических систем познания человека. «На уровне бытия человека борьба за существование становится сознательной. ... На сцену истории должен выйти новый тип человека – homo sapiens explorans – "человек познающий"» [3, с. 83–84].

В силу сложности таких систем материалистических представлений, как фундаментальные открытия физики Эйнштейна или материалистическое понимание истории, синтетический тип рациональности оказывается слабо востребованным. «Технически оснащенный мир сегодня для многих заменен на виртуальные или объемные модели, воспроизводящие запросы общества. Превращенные в образы первичные понятия (еда, одежда, скорость, мощность) взывают к человеку в качестве непосредственных мотивов его активности. Человек с легкостью адаптируется к запросам повседневности, оказываясь неспособным создавать коммуникативную среду с другими людьми. Забывает становиться самим собой, превращаясь в "свое иное"» [6, с. 148].

Проблема рациональности, поставленная исторически, на основе как единичного носителя (человека и его высшей нервной деятельности), так и в целом общественных отношений и их материализации может быть решена через ценности и идеалы синтетической рациональности. Для воплощения этих

достижений познавательной практики в обыденный и теоретический срезы общественного сознания необходимо системно представить все фундаментальные открытия естественных, технических и гуманитарных наук так, чтобы картина мира как база познавательной активности «человека познающего» была лишена мифологических вставок и белых пятен, образуемых в результате кризиса рациональности.

#### Список литературы

- 1. Внутских А. Ю. «Параллельным курсом»: актуальные проблемы информационного общества в программных статьях российских междисциплинарных научных журналов // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2015. № 1 (7). С. 12—25.
- 2. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 6. Научное наследство / под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1984. 400 с.
- 3. Дмитренко Н. А., Коробкова С. Н., Орлов С. В. Презентация теоретического семинара при журнале «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. -2016. -№ 2 (12). C. 76–87.
- 4. Железняк В. Н., Железняк В. С. Будущее во множественном числе: социальная футурология техники в Германии // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2016. N 2. С. 5—17.
- 5. Марков Б. В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации. СПб.: Наука, 2011. 667 с.
- 6. Оконская Н. К. Ловушки атавистической рациональности в современной науке // Успехи современной науки и образования 2016. № 9, Т. 2. С. 146—149.
- 7. Оконская Н. К. Мир философии в просторных рамках современных гуманитарных дисциплин // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. -2009. N = 1. C. 208-220.
- 8. Оконская Н. К. Энтропия и асимметрия глазами философа // Успехи современной науки. -2016. -№ 2, Т. 3. C. 62-65.
- 9. Панов Е. Н. Знаки, символы, языки. 2-е изд., доп. М.: Знание, 1983. 248 с.
- 10. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974. 487 с.
- 11. Соснина Т. Н. Субстратная, энергетическая и информационная составляющие жизненных циклов виртуальных продуктов (методологический аспект) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. № 3 (13). С. 21–36.
- 12. Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008.-608 с.

References

- 1. Vnutskikh A. Yu. In Parallel Course: Actual Issues of Information Society in the Programme Articles of Russian Interdisciplinary Scientific Journals ["Parallelnym kursom": aktualnye problemy informatsionnogo obschestva v programmnykh statyakh rossiyskikh mezhdistsiplinarnykh nauchnykh zhurnalov]. Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve (Philosophy and Humanities in Information Society), 2015, № 1 (7), pp. 12–25.
- 2. Vygotsky L. S. (Yaroshevskiy M. G. Ed.) The Scientific Heritage [Nauchnoe nasledstvo]. *Sochineniya, Tom 6* (Works, Vol. 6). Moscow, Pedagogika, 1984, 400 p.
- 3. Dmitrenko N. A., Korobkova S. N., Orlov S. V. Presentation of the Theoretical Seminar Held by the Editorial Board of the Journal "Philosophy and Humanities in Information Society" [Prezentatsiya teoreticheskogo seminara pri zhurnale "Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve"]. Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve (Philosophy and Humanities in Information Society), 2016, № 2 (12), pp. 76–87.
- 4. Zhelezniak V. N., Zhelezniak V. S. Future in the Plural: Social Futurology of Technology in Germany [Buduschee vo mnozhestvennom chisle: sotsialnaya futurologiya tekhniki v Germanii]. *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatelskogo politekhnicheskogo universiteta. Kultura, istoriya, filosofiya, pravo* (Perm National Research Polytechnic University Bulletin. Culture, History, Philosophy, Law), 2016, № 2, pp. 5–17.
- 5. Markov B. V. People and Characters: Anthropology of Interpersonal Communication [*Lyudi i znaki: antropologiya mezhlichnostnoy kommunikatsii*]. St. Petersburg, Nauka, 2011, 667 p.
- 6. Okonskaya N. K. Traps of Atavistic Rationality in Modern Science [Lovushki atavisticheskoy ratsionalnosti v sovremennoy nauke]. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya* (Successes of Modern Science and Education), 2016, № 9, Vol. 2, pp. 146–149.
- 7. Okonskaya N. K. The World of Philosophy in the Large Part of Contemporary Humanities [Mir filosofii v prostornykh ramkakh sovremennykh gumanitarnykh distsiplin]. *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatelskogo politekhnicheskogo universiteta. Kultura, istoriya, filosofiya, pravo* (Perm National Research Polytechnic University Bulletin. Culture, History, Philosophy, Law), 2009, № 1, pp. 208–220.
- 8. Okonskaya N. K. Entropy and Asymmetry by Philosopher's Sight [Entropiya i asimmetriya glazami filosofa]. *Uspekhi sovremennoy nauki* (Successes of Modern Science), 2016, № 2, Vol. 3, pp. 62–65.
- 9. Panov E. N. Signs, Symbols, Languages [*Znaki, simvoly, yazyki*]. Moscow, Znaniye, 1983, 248 p.
- 10. Porshnev B. F. About the Beginning of Human History (Problems of Paleopsychology) [*O nachale chelovecheskoy istorii (Problemy paleopsikhologii)*]. Moscow, Mysl, 1974, 487 p.
- 11. Sosnina T. N. Substrate, Energy and Information Components of the Life Cycles of Virtual Products (Methodological Aspect) [Substratnaya, energeticheskaya i informatsionnaya sostavlyayuschie zhiznennykh tsiklov virtualnykh produktov

(metodologicheskiy aspekt)]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2016, № 3 (13), pp. 21–36.

12. Fedotova V. G., Kolpakov V. A., Fedotova N. N. Global Capitalism: Three Great Transformation [*Globalnyy kapitalizm: tri velikie transformatsii*]. Moscow, Kulturnaya revolyutsiya, 2008, 608 p.

УДК 130.3; 316.324.8

## Бытие человека в эпоху информационной цивилизации: выработка новой концепции социального футуризма<sup>\*</sup>

**Кузнецова Евгения Владимировна** — учреждение высшего образования «Университет управления «ТИСБИ», кафедра юридических и гуманитарных дисциплин, кандидат философских наук, доцент, Набережные Челны, Россия.

kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru

423825, Россия, г. Набережные Челны, ул. Татарстан, д. 10 (25/14),

тел: 8 (917) 864-11-84.

#### Авторское резюме

Состояние вопроса: В эпоху индустриальной цивилизации обостряются старые проблемы человеческого бытия, среди которых одиночество, репрессивность и агрессивность общества по отношению к человеку, утрата духовного и нравственного начала. Состояние современного социума можно характеризовать как антропологический кризис, возможным путем выхода из которого видится построение информационного общества.

Результаты: К сложностям И противоречиям становления информационной цивилизации ОНЖОМ отнести тенденцию стиранию многообразия унификации И культур, снижение содержания, транслируемого СМИ и массовой культурой, фрагментарность, формирование специфического типа личности – «компьютерных» людей, которые уже сейчас являются своеобразными «клонами» друг друга.

В современную эпоху мы имеем дело с большим количеством противоречий информационного общества, разрешить которые возможно только при правильном описании последнего через реальный анализ концепций культуры цивилизации «третьей волны». Возникла потребность в выработке новых взглядов на жизнь, новой философии, свободной от традиционных утверждений. Необходимо создание механизма снятия угрозы обострения межцивилизационных противоречий и трудностей, совмещения принципов бытия локальных и региональных цивилизаций с универсалиями возникающей на этом фоне глобальной информационной культуры.

**Выводы:** Многие противоречия информационной цивилизации вызваны продолжающимся господством технологичного над духовным, как это было в эпоху индустриальной цивилизации. Снять сложившиеся противоречия возможно лишь при выработке новых взглядов новой философии, когда на первое место выйдет человек, способный построить гармонию между технологиями и духовным содержанием информационного общества.

**Ключевые слова:** антропологический кризис; индустриальное общество; информационное общество; средства массовой информации; массовая

<sup>\* ©</sup> Е. В. Кузнецова, 2016.

культура; унификация культуры; фрагментарность; информационные технологии; демассификация; социальный футуризм.

## Human's Being in the Era of Information Civilization: Development of a New Concept of Social Futurism

**Kuznetsova Evgeniya Vladimirovna** – Naberezhnye Chelny Branch of University of Management "TISBI"; Department of Law and Arts, Associate Professor, Ph. D, Naberezhnye Chelny, Russia.

E-mail: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru 10 (25/14), Tatarstan st., Naberezhnye Chelny, 423832, Russia, tel: +7 (917) 864-11-84.

#### **Abstract**

**Background:** The era of industrial civilization has exacerbated such old problems of human existence as loneliness, society's aggression and repression in relation to people, the loss of spiritual and moral principles. The state of modern society can be characterized as an anthropological crisis. A possible way to resolve it appears to be information society creation.

**Results:** Among the complexities and contradictions of information civilization are the tendency to blur cultural diversity and unify cultural differences, content deterioration in mass media and popular culture, fragmentation, the formation of a specific type of personality, i. e. "computer" people who seem to be "clones" of one another.

Nowadays we are dealing with a lot of contradictions of information society, which can be solved giving an accurate description of the latter by means of a real analysis of the culture concepts of "the third wave" civilization. There is need for a new outlook on life formulated by a new philosophy, free from traditional convictions. It is necessary to establish a mechanism of threat removal in contradictions and difficulties civilizations interaction and to combine the principles of local civilizations existence with universals of global information culture originating on this background.

**Conclusion:** Many contradictions of information civilization are caused by the continuing predominance of technology over spirit, as it was in the era of industrial civilization. To remove the existing contradictions is possible only by holding some new views expressed by the new philosophy, when people able to achieve harmony between technology and spiritual content in information society gain first place.

**Keywords:** anthropological crisis; industrial society; information society; mass media; popular culture; unification of culture; fragmentary; information technologies; "demassification"; social futurism.

Проблема сущности и бытия человека, его места в социуме всегда находилась в центре философских исследований. Но особенно остро она переживалась в переходные моменты исторического развития человечества,

требуя скорейшего разрешения. Реконструирование многих ценностных установок, стремление к крупномасштабному мышлению, новые принципы в управлении — все это означает полное перестраивание действующих социокультурных институтов (семьи, СМИ, образования) требует принципиально иных подходов к решению проблемы человеческого бытия.

XX век занимает в бытии человека особое место. В первую очередь потому, что человек небывалым образом раскрыл свой творческий потенциал. Доказательством тому служит множество открытий и изобретений материально-предметной и духовной деятельности. Но в то же время человек оказался на грани самоуничтожения.

Феномен разрушения стал следствием также деятельности человека. Мы попробуем разобраться, почему случилось так, что многие открытия и изобретения человека обернулись против него самого, и какие проблемы поставили человечество на грань катастрофы. Возможно ли ее избежать?

Одна из характерных черт современности – технологизированность общества и, как следствие, зависимость человека от техники. Г. Маркузе характеризует нынешнее общество, сложившееся на основе технического прогресса, как «одномерное», утратившее «второе измерение». Отсюда термин «одномерный человек» - потребитель, стремящийся к удовлетворению лишь своих потребительских желаний. Человек зависит OT общества, формирование происходит через формирование рационального образа мышления, который оказывает репрессивное воздействие на нравственные, эстетические, духовные ориентации человека [8, с. 92].

Андре Глюксман считает, что суть взаимоотношений в обществе — это подчинение. Поэтому неизбежно, что общество и государство воплощают тоталитаризм [3, с. 120]. Мотив репрессивности и агрессивности, таким образом, становится ведущим в социальном бытии человека в XX веке.

Д. Рисмен пишет, что человек крайне одинок в XX веке, он окружен обезличенной толпой [17].

Э. Фромм полагает, что одиночество – это характерная черта современного человека. По его мнению, одиночество и беспомощность вызваны желанием человека обрести экономическую независимость. Обретение экономической свободы и материального благополучия привели человека к одиночеству, неуверенности и изоляции от внешнего мира. Между тем человек как существо социальное не может вынести изоляции. Как результат – потеря ориентации и ощущение бессмысленности собственной жизни [15, с. 90].

Бунт — еще один мотив бытия человека в XX веке. Многие философы современности (в первую очередь, представители экзистенциализма) считают бунт протестом современного человека против мира обреченности, отчуждения и равнодушия. А. Камю полагает, что все существование человека абсурдно. В своих работах он показывает эту абсурдность. По его мнению, бунт предваряет любую цивилизацию и является ее неотъемлемым элементом. В бунте он видит утверждение права человека на свою жизнь [5].

Еще одна характерная особенность существования человека в эпоху индустриализма – это массовость. XX век предоставил огромный материал для

Это сущности и роли масс. время мировых ДВУХ многочисленных революций, межэтнических и межрелигиозных конфликтов, возникновения и падения тоталитарных режимов, периода урбанизации, разрыва социальных связей, миграции населения. Кардинальные трансформации в различных сферах общества современного означают принципиальное изменение характера деятельности человека, отличительная черта которой в XX веке – массовость. Массовое производство, массовое распределение, массовое распространение, массовое творчество – все это привело к образованию массовой культуры.

Массовость проявляется как тенденция, свойственная действиям или взглядам множества людей, как производство товаров в большом количестве, как широко распространенное популярное потребление этих товаров. В создании, распространении и потреблении продукции массовой культуры принимает участие огромное количество людей, в основном большая часть населения городов, стран, регионов, имеющих развитые интересов, Многообразие взглядов, ЧУВСТВ массовой культуре спрессовываются в клишированных формах стандартизированной информации, рассчитанной на массовую распродажу с помощью различных средств массовой информации.

Ряд техногенных и культурогенных явлений, подобных упомянутым нами здесь, вверг человечество в кризис — экологический, духовный, нравственный. Этой цивилизацией было заложено представление о неистощимости природных запасов и их бесконтрольном использовании человеком, были выработаны ценности неограниченного права человека на Земле как Высшего Существа, обладающего разумом. И, наконец, существующая цивилизация сформировала тип массового потребителя, обладателя таких качеств, как вседоступность и вседозволенность.

«Синдром кризиса» возник еще в XIX веке в разгар экономических, политических и социальных потрясений. Выход из исторического кризиса, в котором оказался современный мир, стал ведущей темой исследования многих ученых в различных областях знания: философии, социологии, психологии, экологии. Однако суждения всех мыслителей роднит общая мысль о том, что причина кризиса заключена в ошибочных действиях человечества, явившегося, с одной стороны, создателем цивилизационных норм и ценностей, а с другой – результатом, продуктом функционирования техногенной цивилизации.

Действительно, основанием для формирования данной цивилизации явились грандиозные достижения науки. Научная техническая революция позволила человечеству сделать много открытий, жизненно важных и необходимых для облегчения его существования. В то же время успехи в области науки и техники сформировали утилитарные представления о безграничной вере в человеческое мышление. «Слишком большая роль отводится логике и рациональности..., поиск ответов на вопросы ведется исключительно с помощью логики и рационального мышления, игнорируются такие формы человеческого познания, как медитация, молитвы, мечты, интуитивное прозрение» (К. Лебак). К. Лебак утверждает, что одна из основных

ошибок человечества заключается в преобладании рационального метода познания как единственно верного [4, с. 150].

Между тем непоколебимая вера в рассудок привела еще к одной беде индустриальной эпохи — утрате духовного и нравственного начал в человеческой сущности. Однако мы можем сказать, что человек состоялся как личность лишь в том случае, если ему присущи совесть и сознание наравне с разумом. И возможный путь спасения человечества лежит в формировании подлинной нравственности — чувства ответственности за свои мысли и действия, осознания собственного несовершенства и, как следствие этого, стремление к постоянному духовному развитию. «Даже то, что я живу в то время, когда это происходит, есть уже моя вина» (К. Ясперс).

Одним из серьезнейших дефектов цивилизационного сознания, породившего глобальный кризис, стало чувство собственного превосходства человека над всем живым, и соответственно, права его господства на Земле.

Р. Атфилд видит причину возникновения глобальных проблем в вере в прогресс, унаследованной от эпохи Просвещения и немецких метафизиков, позволившей безжалостно эксплуатировать природные богатства.

«Совершенно ошибочно считать, – пишет Р. Атфилд, – что если людям – существам моральным – столь всерьез многое вверено, то это непременно должно означать отсутствие моральных запретов на практике. Господь, по Библии, заботится о благосостоянии всего живого, а не только человека, и люди в соответствии с этим обязаны заботиться о природе, не разрушать ее целостность в безжалостном подчинении собственным нуждам» [1, с. 33].

Культ знания, провозглашенный эпохой Просвещения, привел еще к одной беде – созданию идеологических учений, основанных на расовом или классовом превосходстве, богоизбранности, что, в результате, способствовало возникновению тоталитарных режимов, человеку же свойственно делать свой выбор в пользу общества, в котором все продумано «сверху». Однако в таком обществе нравственное чувство, как считает французский социопсихолог Ж. Семлен, притупляется, ибо оно присуще личности, а не массе [10]. Доминирование общества над личностью является угрозой самому существованию нравственности.

Общество, построенное на какой-либо идеологической концепции, старается подавить свободную личность любыми насильственными методами, поскольку для такого общества недопустимы альтернативные идеи, действия («авторитарность, насилие взаимосвязаны»). Отсюда тотальная война, массовое насилие, колоссальное уничтожение человеческих ресурсов в XX веке. Из всего вышесказанного следует вывод, что самая страшная из грозящих нам катастроф – это антропологическая, т. е. «уничтожение человеческого в человеке». В этом случае мы имеем право заявить, что кризис современного мира по своей сути не только и не столько цивилизационный, сколько общественный.

Основную архитектуру общества в эпоху индустриальной цивилизации образовывали техносфера, социосфера, инфосфера. Каждой из сфер была отведена своя роль. «Техносфера создавала и распределяла материальные ценности; социосфера распределяла роли отдельных людей в системе,

инфосфера — информацию, необходимую для работы всей системы» [13, с. 130]. Информационная цивилизация еще только складывается, а некоторые ее черты уже не только обозначили себя, но и детерминируют все бытие человека и общества на новом цивилизационном витке.

демассификация, огромное разнообразие идей, социальных институтов, социальных ролей человека, информации. Здесь, безусловно, отводится особое внимание такой способности человека, как способность творить, созидать, создавать новое. Э. Тоффлер справедливо указывает, что для представителей индустриальной цивилизации более характерна способность к анализу, чем к синтезу. Синтез выходит на первое место во всех отраслях теоретического знания. Узкая специализация остается позади, будущее – за мышлением глобальным, всеохватывающим. В науке уже сейчас на первое области знаний: выходят интегрированные социолингвистика, психолингвистика, лингвокультурология. Изменяется специфика выполнения людьми своих функциональных обязанностей: многие работают дома по гибким графикам [14, с. 201].

В социосфере изменения касаются, в первую очередь, семьи. Так, в странах, достигших высокого уровня в функциональном содержании, можно наблюдать разнообразие типов семьи: договорные браки, семьи с одним родителем, гомосексуальные браки, коммуны.

В инфосфере происходят коренные изменения. Современные СМИ благодаря новым качественным характеристикам обладают огромной властью в обществе. Именно средства массовой информации принято считать основным фактором происходящих сегодня социокультурных изменений.

Действительно, многих футурологических концепций основе информационной формирования цивилизации лежат, как правило, технологические изменения в сфере средств коммуникации, учитывается создание новых форм и систем массового общения, на базе которых возможны качественно новые сдвиги. Одним из главных видов сырья в грядущей происходит цивилизации является информация, И В СВЯЗИ трансформация, в первую очередь, многих культурно-коммуникативных процессов. Но зарубежные авторы не склонны однозначно определять информационное общество. Среди них следует выделить представителей двух течений. Это **ученые**, примыкающие постиндустриализма, которые определяют изучаемый социальный феномен как постиндустриальное общество (Д. Белл, А. Турен, Р. Дарендорф, А. Этулони), и информационного концепции общества (Э. Тоффлер, Дж. Масуда, Дж. Нейсбит). Рассмотрим основные положения каждой из данных теорий.

В 1976 году термин «постиндустриальный» получает официальный идеологический статус в докладе Консультативной комиссии по вопросам политического механизма национального развития. Авторы данной теории полагают, что особое значение в обществе приобретает сфера услуг и потребления. Термин «пост» означает продолжение развития высокоинформатизированного индустриального производства, при этом

сохраняются прежний характер экономической деятельности и структура власти. В работе «Грядущее постиндустриальное общество» (1973) Д. Белл определяет данное общество следующим образом, указывая на признаки:

- переход от индустриального производства к сервисному;
- решающее значение кодифицированного теоретического знания для осуществления инноваций;
- превращение интеллектуальной технологии в ключевой инструмент системного анализа и теории принятия решений [2, с. 145].

Второе течение получило свое развитие в 80-е годы. Дж. Масуда отмечает, что постиндустриальное общество и есть информационное [16]. Дж. Нейсбит, выступая против Д. Белла, утверждает, что в грядущем обществе важнее значение обработки информации, нежели преобладание «белых воротничков». Э. Тоффлер определяет общество новой волны как супериндустриальное, обладающее следующими признаками, которые отличают его от индустриального:

- основные базовые потребности удовлетворены, каждый из людей хочет удовлетворить свои индивидуальные потребности;
  - информация важнее, чем земля, труд, капитал и сырье;
- массовое стандартизированное производство заменяется системой индивидуального производства, в основе которого лежит умственный труд, и конечным продуктом такого труда становятся индивидуальные продукты и услуги;
- развитие нелинейно, так как оно может разрушить то, что достигнуто [14, с. 195].

В отечественной науке также наметился способ определения общества как следствия процесса информатизации. информационного «Информатизация есть продолжение и своего рода надстройка над процессом индустриализации, также, как информационное общество представляет собой постиндустриальное общество, вырастающее на основе индустриального» [9, c. 202].

Таким образом, именно информация, средства массовой информации, различного рода коммуникативные процессы приковывают к себе внимание исследователей. Любое новое культурное явление отражается в общении и фиксируется в языке — основном инструменте коммуникации. Коммуникация является важным интегрирующим звеном системы культуры, определяющим функциональные особенности общения представителей различных социальных и этнических групп — носителей различных культурных ценностей, с целью взаимодействия — передачи и получения смысловой и оценочной информации с целью воздействия коммуникантов друг на друга (в межличностной и внутригрупповой коммуникации), а также с целью влияния на массовое сознание.

Осуществление коммуникации в обществе между его членами происходит путем реализации идей, образов, передаваемых средствами массовой информации. СМИ являются носителем и транслятором культурных ценностей в обществе. Массовые коммуникации, по мнению исследователей, — это

устойчивые информационные обеспечивающие относительно связи, взаимодействие между отдельными группами и институтами, управляющими населением, творцами культуры И ee потребителями. Современные СМИ благодаря демократизации могут способствовать обновлению общества, консолидации демократических сил и общественного мнения. Однако те же средства массовой информации (коммуникации) приводят при определенных условиях и к размежеванию политических позиций, конфронтации, росту радикализма и экстремизма. Это путь и для пропаганды образцов акультурного содержания или с низким культурным уровнем содержания.

Мы прежде всего рассмотрим развитие средств массовой информации в историческом разрезе, чтобы определить их роль на современном общественноцивилизационном этапе развития. Первоначально человечество на заре своего возникновения общалось через сигналы и знаки, в число которых входили Звуковой язык стал важнейшим жесты, мимика, звуки. достижением закрепления человечества способ И передачи производственной Необходимость передачи информации на расстояние стала деятельности. письменности. Так завершился предпосылкой изобретения важнейший этап развития средств массовой информации. (Здесь мы считаем нужным упомянуть, что данный этап представляет собой развитие СМИ в их древнейшей форме – протоСМИ).

Развитие культуры, образование государств, выделение в обществе центров руководства и управления, основание городов требовало новых технических средств для осуществления коммуникативных актов, где бы достигалась максимальная интенсивность общения и информационного обмена.

Книгопечатание – вторая важнейшая веха на пути формирования СМИ, явившаяся толчком для освоения населением грамоты. Потребность мультиплицировании (размножении) информации связана с массовизацией урбанизации. общественных процессов, ростом Массовизация вызвала изобретение современных аудио-видео технических средств: радио, телевидения на третьем этапе развития СМИ.

В реальности средства массовой информации появились в эпоху Великой пресса революции, когда стала только информирования определенных социальных групп о некоторых событиях, а информирования обо Массовое средством всех всем. производство материальных благ индустриальной эпохи предъявляло новые требования к организации и устройству социума, выразившиеся в появлении не только газет и журналов, но и кино, радио, телевидения.

**Четвертый этап развития** СМИ — это начало строительства информационной цивилизации. Он отмечен появлением таких технических возможностей, как: кабельное телевидение, спутниковое телевидение, сеть Интернет. Отсюда — существенное расширение возможностей обратного воздействия реципиента на коммуникатора. Это можно определить как новое свойство СМИ конца XX-ого и начала XXI-ого века — диалогичность как установление оперативного обмена информацией между реципиентом и

коммуникатором. Таким образом, это дает право переименовать СМИ в СМК (средства массовой коммуникации). Основные технические характеристики СМК – это диахронность (передача и сохранение информации через временные промежутки), мультиплицирование (массовое размножение и распространение), репликация (взаимный информационный обмен в коммуникационном процессе), демассификация.

Среди других особенностей СМИ в эпоху информационной цивилизации можно также назвать следующие.

Одна из особенностей СМК — крайняя степень централизации и монополизации рынка крупными теле-, радио- и кинокомпаниями. Здесь мы имеем дело либо с государственными компаниями, либо с жесткой конкуренцией, где позиции лидеров занимают постоянно несколько крупнейших объединений. Следствие этого — существование системы цензуры и контроля над содержанием программ, что неизменно ведет к ограниченности в развитии культуры.

Еще одна особенность — это взаимодействие ряда информационных технологий. «Организаторы телевизионных "ток-шоу" заимствуют из газет идеи относительно сюжета передач, относительно людей, которых нужно на них пригласить. Все они зависят от факсов, компьютеров, электронной обработки текстов, электронных способов набора, цифровых изображений, электронных сетей, спутников и других технологий» [13, с. 35].

Что же собой представляет общество в эпоху информационной цивилизации? К чему привело развитие средств массовой коммуникации при существующих технических средствах? Мы попробуем обозначить ряд явлений, обусловленных информационной цивилизацией.

Первое – это тенденция к неуклонному снижению уровня содержания, которое транслируют на общество СМИ и массовая культура. Это связано, в первую очередь, со всеобщей доступностью информации, пропагандируемой прессой, радио, телевидением, сетью Интернет. Феномен распространения информации преодолевать современной практически любые географические и политические границы. Событие, произошедшее в одной стране, совсем скоро становится известным уже во всем мире, зачастую невзирая па возможную цензуру, поскольку технические средства позволяют вещать теле-радиокомпаниям одних государств и на территории других. Но не ведет ли господство ценностей, доступных и понятных каждому, к духовной деградации? Такой вопрос особенно актуален в рамках современной российской действительности.

В период реформ, с падением «железного занавеса», в связи с отсутствием какой-либо политики в области культуры, в нашу страну «хлынула» «потоком» западная массовая культура, доминирующее звено которой – развлекательность и занимательность. Современная российская массовая культура не имеет ни исторических, ни этнических корней. Она обезличена. Россия вместе со всем цивилизационным миром стремительно движется к обществу потребления. Как избежать духовного Апокалипсиса? Как избежать экологической катастрофы? Эти вопросы, как показал опыт XX века, не имеют технических решений.

Очевидно, что глобальная технологическая культура объективно ведет к стиранию культурного разнообразия и унификации культур, «...выстраивается единая глобальная технологическая цепочка, а все, что не подходит под этот стандарт, выпадает из поля зрения и интересов владельцев технологических средств» [11, с. 64]. К. Т. Теплиц и Э. Шилз анализируют возможность унификации культуры. По их мнению, достижение абсолютно единой культуры невозможно в силу ряда причин. Во-первых, это развитие личности. Во-вторых, интеллектуальный труд «не способствует установлению равенства в области статуса» [11, с. 65]. В-третьих, «продолжает существовать предрасположение к пережиточному консерватизму – родство и его национальная сублимация» [11, с. 73]. Сохранению неравенства в освоении духовных ценностей служат и природное неравенство умственных способностей, и возрастные различия. Природа человека многообразна, и полное развитие индивидуальных черт – прирожденное право человека. Угроза унификации и стирания культурных различий тем не менее сильна именно потому, что облик современной культуры определяется во многом средствами массовой коммуникации.

Быстротечность (фрагментарность, мозаичность) – еще один ключевой признак в определении цивилизации «третьей волны». Если временной общества была перспективой аграрного ориентация на индустриального - адаптация к настоящему, то для сверхиндустриального общества – это ориентация только на будущее и его предсказание. Мы стремительно рвем с ценностями прошлого, отказываемся от прежнего образа мыслей, чувств. Растет психологическая, культурная, социальная пропасть, разделяющая разные поколения. Свобода вводится в некий абсолют. Между тем, человечеству для ведения активной деятельности и реализации своего творческого потенциала необходим запас адаптированности. Кроме того, любое общество, трансформируясь, основывается на системе уже существующих ценностей. Отказ от прошлого может поставить под вопрос способность современного человека адаптироваться, а, следовательно, выживать в новых цивилизационных условиях. Это одна из основных опасностей, таящихся во всеобщей информатизации. Стремительное развитие культуры, техники вызывает много других этических и философских проблем. В частности, клонирование человека - одно из самых противоречивых явлений с точки зрения философии, религии, этики, хотя и ясных с точки зрения биологии.

Информационный прогресс, основанный на новых технологиях, порождает «компьютерных» людей, которые уже сейчас являются своеобразными «клонами», будучи копией друг друга по образу жизни. Имея доступ к массовой информации, человек приобретает сверхвозможности, так как полностью зависим от информационно-компьютерных программ. Это еще одно противоречие новой информационной цивилизации.

Информационные технологии отчасти уже привели к кризису и в государственной политике. Демократия всегда считалась следствием свободы информации. Однако сегодня информация создает предпосылки для нового тоталитаризма, так как повсеместное внедрение информационных технологий

лишает личную жизнь человека приватности. Любой факт биографии рядового гражданина любой страны может стать известным административным органам.

Таким образом, на одно из первых мест в современном мире выходят именно проблемы управления. Возникающая «мозаичная» демократия общества «третьей волны» ориентируется на отдельного индивида. Э. Тоффлер выделяет три основных принципа, на которых строится политическая жизнь информационной цивилизации [12].

- который 1. Принцип меньшинства, должен принцип заменить высокостратифицированного общества, большинства. Вместо в котором блоков образуют большинство, возникает несколько крупных «конфигуративное общество, где тысячи меньшинств находятся в непрерывном круговороте».
- 2. Принцип «полупрямой» демократии, дающий возможность гражданам самостоятельно вырабатывать многие политические решения, т. е. мнение за пределами законодательных органов будет иметь юридическую силу.
- 3. Принцип «разделения ответственности в принятии решений», когда проблемы функционирования транснациональных корпораций регулируются на глобальном уровне, а децентрализация власти обеспечивает передачу части полномочий региональным властям.

Альтернативой мажоритарно-избирательному демократическому механизму является модель «консоциативной демократии» (от латинского «consociatio — соединение, союз, связь).

К институтам и принципам «консоциативной демократии» относятся: сотрудничество между элитами; парламентские коалиции, охватывающие представителей разных групп, соглашения о распределении мест в органах власти; предоставление меньшинствам права вето по жизненно важным для них вопросам; пропорциональная избирательная система; федерализм и автономия; особые электоральные правила, призванные способствовать победе кандидатов компромиссных взглядов. Однако данные институты и принципы нуждаются в значительной разработке.

Таким образом, мы имеем дело с большим числом противоречий разрешить которые возможно только при информационного общества, правильном определении информационного общества через реальный анализ концепций культуры цивилизации «третьей волны». Необходима выработка новых взглядов на жизнь, новой философии, свободной от традиционных утверждений. Необходим механизм обострения снятия угрозы межцивилизационных противоречий и трудностей, совмещения принципов бытия локальных и региональных цивилизаций с универсалиями возникающей на этом фоне глобальной информационной культуры.

Ожидания, возникающие в обществе благодаря новым информационнокоммуникационным технологиям, ожидания творческой насыщенности трудовой сферы, гуманизации всей системы общественных отношений и превращения человека и его бытия в стабилизатор и регулятор общественного развития не могут осуществляться легко и без противоречий. Поэтому на переходном этапе особое значение приобретает социокультурная детерминанта.

Очевидно, что если кризис индустриальной эпохи вызван множеством научных истин и культурных теорий, то и выход из кризиса кроется также в системе духовных ценностей – построении новой модели культуры, которая бы объединила в себе все существующие сегодня в мире самые разнообразные культуры на основе провозглашения таких общечеловеческих ценностей, как ценность Любви к ближнему своему (ценность гуманизма), ценность Природы, ценность Бога как олицетворение Добра и Совершенства, и при этом сохранила бы своеобразие каждой отдельно взятой культуры. Однако произойти это может лишь с развитием информационных инфраструктур как основных средств коммуникации в процессе культурного взаимодействия на стадии цивилизационного развития, определяющей новую направленность поступков, образа жизни людей, новое понимание смысла жизни. «Только в этом случае можно рассчитывать на тысячелетнее царство, которое будет царством нового осмысленного бытия, а не апокалипсисом хаоса научно мотивированных в каждом частном случае, но в целом бессистемных актов, движений, жестов, обещаний, сливающихся В общую какофонию выкриков, мировой постмодернисткой тусовки» [13, с. 302].

Современные процессы информатизации общества, характеризующиеся созданием и внедрением новых средств связи, телекоммуникаций, созданием программной продукции, обеспечивающей компьютеризацию производства и управления, формированием интегрированных систем связи и общедоступных баз данных и знаний, сталкивают различные культуры и национальные традиции в системе мирового обмена идеями, технологиями, информацией. С одной стороны, это способствует универсализации, унификации национальных культур, а с другой – стимулирует тенденцию обострения культурного и самосознания с приобретающими деструктивные Исходя из того, что одной из характерных тенденций проявлениями. современного социального знания является усиление интереса к проблемам обществом, управления предотвращение прогнозирование конфликтов на этнонациональной почве, информационное культурологическое исследование этнических культур, ИХ взаимодействие межкультурных коммуникаций требует особого внимания. Однако ученые во всех вышеперечисленных случаях, определяя новый этап цивилизационого развития, делают акцент на особый вид технологии, не давая при этом фактически никакой оценки социальным аспектам. То есть повторяется та же ошибка: уделяется внимание технологическому элементу, но игнорируется система нравственных и духовных ценностей. Между тем, само употребление термина «общество» обязывает к анализу прежде всего духовного социального аспектов, поскольку цивилизация – это категория технологичная, а общество – категория в большей степени духовная.

Происходит это вследствие продолжающегося господства технологичного над духовным, как и в эпоху индустриальной цивилизации. Это и есть, на наш взгляд, самое главное противоречие информационного общества, вызывающее все другие проблемы: стандартизацию, классификацию, фрагментарность. Снять сложившиеся противоречия возможно лишь при выработке новых

взглядов новой философии, основанной на сохранении «вечных», существующих вне временных рамок духовных категорий при дальнейшем развитии высоких информационных технологий.

Конечная задача социального футуризма – не просто «перешагнуть» через технократию и заменить ее более гуманным, более дальновидным, более но подчинить сам планированием, демократичным процесс эволюции сознательному человеческому руководству. Таким образом, главное действующее лицо – это Человек, создающий как духовные нравственные ценности, так и технологии. И основная задача Человека как гражданина информационного общества – найти то самое гармоничное соотношение духовного и технологичного, которое бы позволило обществу активно функционировать и развиваться.

#### Список литературы

- 1. Атфилд Р. Этика экологической ответственности // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. С. 120–187.
- 2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Наука, 1999. 956 с.
  - 3. Глюксман A. Философия ненависти. M.: ACT, 2004. 380 с.
- 4. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. 496 с.
- 5. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: ACT, 2005. 280 с.
- 6. Кузнецова Е. В. Проблема развития культурно-коммуникативных процессов на этапе формирования информационной цивилизации // Новые идеи в философии. Пермь. Выпуск 3 (24). 2016. С. 294–298.
- 7. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация // Природа. 1988. № 11. С. 30—51.
  - 8. Маркузе  $\Gamma$ . Одномерный человек. Минск: Харвест, 2003. 230 с.
- 9. Ракитов А. И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. -1995. -№ 5. С. 46–62.
- 10. Семлен Ж. Выход из насилия // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности М.: Прогресс, 1990. С. 46–119.
- 11. Теплиц К. Т., Шилз Э. Теория массового общества // Человек: образ и сущность. М.: РАН ИНИОН, 2000. С. 25–147.
  - 12. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2001. 426 с.
  - 13. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2002. 661 с.
  - 14. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2001. 330 с.
  - 15. Фромм Э. Бегство от свободы. Минск: Харвест, 2003. 253 с.
- 16. Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Tokio: World Future Society, 1980. 265 p.
- 17. Riesman D. The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character. New Haven: Yale University Press, 1950. 420 p.

#### References

- 1. Afield R. Ethics of Ecological Responsibility. [Etika ekologischeskoi otvetstvennosti]. *Globalnye problemy I obschechelovecheskie tsennosti* (Global Problems and Common Human Values). Moscow, Progress, 2000, pp. 23–78.
- 2. Bell D. The Coming of Post-industrial Society [Gryaduschee postindustrialnoe obschestvo]. Moscow, Science, 1999, 310 p.
- 3. Glucksmann A. Philosophy of Hatred [Filosofiya nenavisti]. Moscow, AST, 2006, pp. 58–172.
- 4. Global Problems and Common Human Values [Globalnye problemy I obschechelovecheskie tsennosti]. Moscow, Progress, 1990, 496 p.
- 5. Camus A. A Rebelling Man. Philosophy. Politics, Arts. [Buntuyuschiy chelovek. Filosofiya, politika, iskusstvo]. Moscow, AST, 2005, 289 p.
- 6. Kuznetsova E. V. The Problem of Cultural and Communicative Processes's Development at the Stage of Information Civilization. [Problema razvitiya kulturno-kommunikativnyh protsessov na etape formirovaniya informatsionnoi tsivilizatsii]. *Novye idei v filosofii* (New Ideas in Philosophy), Perm, 2016, Vol. 3 (24), pp. 294–298.
- 7. Mamardashvili M. Consciousness and Civilization. [Soznanie I tsivilizatsiya] *Priroda* (Nature), 1988, № 11, pp. 30–51.
- 8. Marcuse G. One-Dimensional Man [*Odnomernyi chelovek*]. Minsk, Harvest, 2003, 320 p.
- 9. Rakitov A. I. Civilization, Culture, Technology and Market [Tsivilizatsiya, kultura, tekhnologiya i rynok]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 1995, № 5 pp. 46–62.
- 10. Semlen J. A Way Out of Violence [Vykhod iz nasiliya]. *Globalnye problemy I obschechelovecheskie tsennosti* (Global Problems and Common Human Values). Moscow, Progress, 2000, pp. 46–119.
- 11. Teplits K., Shilz A. Theory of Mass Society [Teoriya massovogo obschestva]. *Chelovek: obraz I suschnost* (A Man: An Image and Essence), Moscow, The Institute of Scientific Information of Social Sciences of Academy of Sciences of Russian Federation, 2000, pp. 25–147.
- 12. Toffler A. Metamorphosis of Power [*Metamorfozy vlasti*]. Moscow, AST, 2001, 602 p.
- 13. Toffler A. The Third Wave [*Tretiya volna*]. Moscow, AST, 2002, pp. 221–310.
  - 14. Toffler A. Future Shock [Shok buduschhego]. Moscow, AST, 2001, 558 p.
- 15. Fromm E. Escape from Freedom [*Begstvo ot svobody*]. Minsk, Harvest, 2003, pp. 48–190.
- 16. Masuda Y. *The Information Society as Post-Industrial Society*. Tokio, World Future Society, 1980, 265 p.
- 17. Riesman D. *The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character*. New Haven, Yale University Press, 1950, 420 p.

УДК 7.01:304

# Репрезентация в изобразительном искусстве информационного общества (на примере искусства поп-арт)\*

**Кузина Татьяна Александровна** — федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», институт социальных и политических наук, департамент философии, аспирант, Екатеринбург, Россия.

E-mail: tatialkuz@gmail.com 620083, Россия, Екатеринбург, ул. Ленина, д. 51, тел: +7 (922) 608-92-26.

#### Авторское резюме

**Состояние вопроса**: Культурные трансформации, связанные с развитием информационного общества, способствуют модификации философских оснований и стилевых особенностей изобразительного искусства. Эти модификации изучены еще недостаточно.

Результаты: Репрезентация как один ИЗ ключевых механизмов изобразительного искусства классического периода В новых **УСЛОВИЯХ** трансформируется И переосмысливается. Кризис субъект-объектной конструкции в философии (в том числе в философии искусства) способствует тому, что меняется сама репрезентируемая реальность. В данной ситуации искусство имеет дело с гиперреальностью, возникающей на основании СМИ, медиа и нового мифологизированного сознания эпохи. Техника репрезентации также приобретает свойства, сообразные духу времени: например, трафаретная печать, шелкография, реди-мэйд активно применяются в таком направлении изобразительного искусства, как поп-арт.

**Область применения результатов**: Рассмотрение концепта репрезентации не может осуществляться изолированно в рамках эстетического анализа, оно необходимо предполагает обращение к социокультурным основаниям эпохи информационного общества.

**Выводы**: Репрезентация, будучи основополагающей конструкцией для изобразительного искусства классической эпохи, продолжает функционировать в рамках неклассической парадигмы, отражая новые закономерности развития культуры информационного общества.

**Ключевые слова:** репрезентация; информационное общество; постмодернизм; изобразительное искусство; гиперреальность; медиа; поп-арт; реди-мэйд.

<sup>\* ©</sup> Т. А. Кузина, 2016.

# Representation of Information Society in Fine Art (Taking Pop-Art as an Example)

**Tatyana Aleksandrovna Kuzina** – Ural Federal University Named After the First President of Russia B. N. Yeltsin, Institute of Social and Political Sciences, Department of Philosophy, post-graduate student, Ekaterinburg, Russia.

E-mail: tatialkuz@gmail.com 51, Lenina st., Ekaterinburg, Russia, 620083, tel: +7 (922) 608-92-26.

#### **Abstract**

**Background**: The cultural transformations connected with the development of the information society contribute to modification of the philosophical bases and the stylistic features of fine art. These modifications haven't been studied enough yet.

**Results**: Representation as one of the key mechanisms of fine art of the Classical period is being transformed and reconsidered in the new conditions. Crisis of subject-object construction and in philosophy (including the philosophy of art) promotes the change of represented reality itself. In this situation art deals with the hyper-reality created by means of mass media and the new mythologized consciousness of the epoch. Representation technology also obtains the properties corresponding to the spirit of the age. For example, screen printing, silk-screening, ready-made are actively applied in such genre of fine art as pop-art.

**Research implications**: The concept of representation cannot be considered only in the context of the esthetic analysis. This concept is supposed to be formulated on the sociocultural basis of the information society.

**Conclusion**: Despite the fact that representation is a fundamental construction of classical fine art, it continues to function in the framework of non-classical paradigm and reflects the patterns of this stage of cultural development.

**Keywords:** representation; information society; postmodernism; fine art; hyperreality; media; pop-art; ready-made.

Особенности развития общества в любую эпоху ставят перед искусством определенные задачи и влияют на формы его существования. В информационном обществе появляются новые, специфические для него виды искусства, однако и такой традиционный жанр, как изобразительное искусство, не перестает быть интересным для исследования, поскольку претерпевает существенные изменения, связанные с культурными трансформациями.

В изобразительном искусстве, помещенном в новые условия существования, уникальным образом обнаруживает себя такое явление, как репрезентация. Представляя собой важную категорию классической эстетики, репрезентация в неклассический период подвергается критическому рассмотрению и переосмыслению. Некоторые исследователи стоят на позиции, утверждающей кризис репрезентации и невозможность ее функционирования в

условиях новой эпохи. Однако данная точка зрения может быть в свою очередь критически переосмыслена.

предстает, прежде всего, Изначально репрезентация как механизм замещения объекта его иллюзорным подобием, причем иллюзия не скрывает функции, заместительной напрямую говорит репрезентируемого объекта – об этом пишут М. Ямпольский [8, с. 5–6] и Р. Краусс [4, с. 42]. Особенностью репрезентации – при рассмотрении ее в рамках классической эпохи – также является то, что она строится на бинарных оппозициях: вырастая из проблемы соотношения материального и идеального в античной философии, она вбирает в себя средневековое представление о двоемирии (соотношении мира земного и мира небесного), а также – и это новоевропейскую субъект-объектную важно Репрезентация в классический период базируется на субъекте-художнике, который становится посредником между идеальным и реальным мирами и формирует их образы.

В неклассический период субъект-объектная конструкция разрушается, и появляются основания говорить о кризисе репрезентации, но здесь необходимо обратить внимание на то, что это кризис именно классической репрезентации, связанной с классической парадигмой в философии и эстетике.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари рассматривают постмодернистские трансформации в области искусства и отмечают, что произведение становится независимым как от субъекта, так и от объекта: «Произведение искусства — это существоощущение, и только; оно существует само в себе» [3, с. 208]. Искусство отныне не репрезентирует внешний или внутренний мир художника, активно перерабатывающего их в своем творчестве, оно подчиняется постмодернистскому принципу самовоспроизводящихся систем («пейзаж сам себя видит», «письмо само себя пишет»), не зависящих от субъекта.

Основанием искусства в информационную эпоху становится анонимность как недостаток «авторского присутствия» и «чувства персональной идентичности», что находит отражение в деперсонализованной технике, минимализме и изменении источника материала для работ, — отмечает Сильвия Харрисон (Sylvia Harrison) [9, с. 11].

Исследователь постмодернистской культуры Н. Б. Маньковская, в свою очередь, говорит о том, что в новую эпоху место реальных вещей занимает иллюзия — миф, фетиш, проект [5, с. 59–61]. А симулякр вещи, пришедший на смену классическому образу, связан с реальностью второго порядка — он может существовать самостоятельно, не указывая на нечто реальное.

Об этом пишет М. Ямпольский: «Если раньше знаки были способами познания самих вещей (через *сходство* с ними), то теперь знаки отрываются от вещей и начинают в гораздо большей степени говорить о структуре самого представления, о структуре знака. Теперь один знак отсылает к другому знаку, а репрезентация оказывается репрезентацией репрезентации» [8, с. 324].

Данную особенность подчеркивает и Ж. Бодрийяр: если произведения классической эпохи были явными симулякрами (иллюзорность подобия не скрывалась), то в эпоху постмодерна сама реальность стала гиперреальной и

эстетичной. В итоге все, что дублирует само себя, оказывается под знаком искусства, искусство находится в состоянии бесконечного воспроизводства. «Итак, искусство теперь повсюду, поскольку в самом сердце реальности теперь – искусственность» [1, с. 154].

Очевидно, что классическая репрезентация в таких условиях утрачивает свои основания, однако сам принцип репрезентации из искусства не исчезает. Репрезентация из механизма представления одного в другом превращается в свойство гиперреальности, которая сама всегда является репрезентацией. Когда на смену объективному миру приходит мир медиа, искусство начинает репрезентировать не предметы действительности, а поле культурных смыслов и символов, иллюзорные мифологизированные и фетишизированные псевдовещи, возникающие в искусственном медиа-поле.

Обозначенные особенности наиболее ярко проявляются в искусстве попарт. Данное направление разворачивается как репрезентация реальности, созданной массовой продукцией, рекламой, СМИ, являющимися необходимыми атрибутами информационного общества. Художник в данном случае не пытается представить посредством своего творчества некую «сверхреальность», потому что ее нет – существует только повседневная жизнь, где «сущностью» вещи становится ее марка.

«Если произведения поп-арта и можно назвать картинами, то это "картины картин"» [6, с. 8]. Такие картины воспроизводят тиражированные образы — фотографии, иллюстрации, этикетки и т. д. И само произведение становится вещью среди вещей, подобием этикетки, оторванной от товара.

Джаспер Джонс говорит о своей работе «Флаг», что это одновременно и картина, изображающая флаг, и сам флаг. «В действительности, он рисовал флаг, а не изображал его» [7, с. 46], — пишет К. Хоннеф. В то же время техника создания работы показывает, что это не просто флаг, а живопись. Также и изображенный на картине предмет не тождественен предмету самому по себе — это неотъемлемое свойство искусства подтверждает тот факт, что репрезентация не может исчезнуть.

Картина, представляющая собой своеобразную этикетку, не требует индивидуального почерка автора, она должна выглядеть так, будто создана штамповальным станком – для этого художники обращаются к таким техническим приемам, как фотопечать, шелкография и т. п. Художник также может инсценировать реди-мэйд, создавая копии готовых предметов или фотографий. Этот процесс подчеркивает уничтожение субъективного начала, поскольку работа по созданию копии предмета, максимально похожей на сам предмет, видится бессмысленной. «Субъективность художника демонстрируется, демонстрируется безвозвратная НО как утрата субъективности. <...> Художник изживает свою индивидуальность тем, что путем значительных усилий и при помощи традиционных художественных средств копирует предмет, вместо того чтобы просто присвоить метода реди-мэйда ИЛИ технического посредством репродуктирования» [2, с. 127], – пишет Б. Гройс. Но в данном случае ЭТО преднамеренное индивидуальности, направленное демонстрацию уничтожение на

постмодернистского принципа – художник стремится уподобиться современным анонимным институциям.

Устранение индивидуального художественного начала из искусства способствует тому, что смысл произведения исключает авторские привнесения – смысл является очевидным. «Чтобы расшифровать содержание картины, требуется лишь умение считать» [7, с. 86], – остроумно отмечает К. Хоннеф, рассматривая работу Э. Уорхола, изображающую долларовые банкноты. Купюры и в реальности, и на картине означают одно и то же – деньги. Однако здесь уместно говорить о характерной для поп-арта двухуровневой системе: бумажная купюра репрезентирует ценность денег, работа Уорхола, в свою очередь, репрезентирует купюру как репрезентацию – произведение становится репрезентацией репрезентации.

Поп-арт также осуществляет репрезентацию репрезентации, применяя метод реди-мэйд: вещь, превратившаяся в знак уже в рамках повседневной реальности, помещается в художественное пространство, за счет чего и становится произведением.

Необходимо отметить, что репрезентируемая поп-артом повседневная реальность представляет вместе с тем реальность мифологизированную, воплощает мифологическое коллективное сознание. Изображения Мэрилин Монро, созданные Энди Уорхолом, становятся мифическими иконами [7, с. 84]. Искусство поп-арта репрезентирует мифы, порожденные популярной культурой, мифы, связанные с киноиндустрией и кинозвездами, с марками, брендами и успешностью. Портрет-икона Мэрилин Монро покрыта золотой краской и таким образом формально наделена статусом иконы. А примененная Э. Уорхолом трафаретная печать очищает изначальное фотографическое изображение от объемности и натуралистичности, тем самым превращая его в предмет особой, мифологической реальности.

Таким образом, можно заключить, что в изобразительном искусстве попарт, выражающем тенденции культурных трансформаций в информационном обществе, репрезентация предстает как преломление среды, созданной массовой культурой и средствами медиа. Отходя от классической парадигмы, утверждающей решающую роль субъекта-творца, репрезентация продолжает существовать в изобразительном искусстве в качестве передачи анонимной коллективного сознания, функционирующего Репрезентация внеположной реальности гиперреальности. В искусстве превращается в репрезентацию репрезентации – особую художественную надстройку над структурой вездесущей искусственности и отражающей дух эпохи своими, специфическими средствами.

## Список литературы

- 1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
- 2. Гройс Б. Само-собиратели // Комментарии к искусству. М.: Художественный журнал, 2003. — С. 121–134.

- 3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии: Алетейя, 1998. 287 с.
- 4. Краусс Р. Во имя Пикассо // Подлинность авангарда и другие модернистские мифы. М.: Художественный журнал, 2003. С. 33–51.
- 5. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. 348 с.
- 6. Обухова А. Живопись без границ: От поп-арта к концептуализму: Альбом. М.: Галарт: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 176 с.
  - 7. Хоннеф К. Поп-арт. М.: Taschen: Арт-Родник, 2005. 96 с.
- 8. Ямпольский М. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или о материальном и идеальном в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2007.-616 с.
- 9. Harrison S. Pop Art and the Origins of Post-Modernism. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 280 p.

#### References

- 1. Baudrillard J. The Consumer Society: Myths and Structures [*Obschestvo potrebleniya*. *Ego mify i struktury*]. Moscow, Respublika, Kulturnaya revolyutsiya, 2006, 269 p.
- 2. Groys B. Self-Gatherers [Samo-sobirateli]. *Kommentarii k iskusstvu* (Comments to Art). Moscow, Khudozhestvennyy zhurnal, 2003, pp. 121–134.
- 3. Deleuze G., Guattari F. What Is Philosophy? [*Chto takoe filosofiya?*]. Moscow, St. Petersburg, Institut eksperimentalnoy sotsiologii: Aleteyya, 1998, 287 p.
- 4. Krauss R. In the Name of Picasso [Vo imya Pikasso]. *Podlinnost avangarda i drugie modernistskie mify* (The Originality of the Avant-Garde and Other Modernist Myths). Moscow, Khudozhestvennyy zhurnal, 2003, pp. 33–51.
- 5. Mankovskaya N. Aesthetics of Postmodernism [*Estetika postmodernizma*]. St. Petersburg, Aleteyya, 2000, 348 p.
- 6. Obukhova A. Painting without Borders: From Pop-Art to Conceptualism: Album [*Zhivopis bez granits: Ot pop-arta k kontseptualizmu: Albom*]. Moscow, Galart, OLMA-PRESS, 2001, 176 p.
  - 7. Khonnef K. Pop-Art [Pop-art]. Moscow, Taschen, Art-Rodnik, 2005, 96 p.
- 8. Yampolskiy M. Weaver and Visionary. Representation History Sketches, or About Material and Ideal in Culture [*Tkach i vizioner: Ocherki istorii reprezentatsii, ili O materialnom i idealnom v culture*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2007, 616 p.
- 9. Harrison S. Pop Art and the Origins of Post-Modernism. Cambridge, Cambridge University Press, 2001, 280 p.

Философия и гуминитирные науки в информиционном обществе, 2010,  $N_2$  4(14) — www.jikio.ru

# ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 316.4

# Новые тенденции социокультурных изменений в студенческой среде: причины, особенности, прогнозы\*

Сазонова Наталья Николаевна — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский горный университет», кафедра социологии и психологии, доцент, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: sazonova-nata@yandex.ru 199106, Санкт-Петербург, 21 линия В. О., д. 2, тел: 8(921)780-30-83.

#### Авторское резюме

Состояние Социокультурная вопроса: идентичность студенческой молодежи является сложной и актуальной проблемой информационного Исследования в этой области социологии необходимы для общества. кризисных явлений в российском обществе. Современный разрешения социокультурный контекст детерминируется рядом специфических черт, среди наиболее значимыми являются которых распад советского идентификационного пространства, реорганизация политических И экономических структур, усложнение социально-стратификационной общества, расширение рамок социального взаимодействия, структуры нарастание информационных потоков, культурное многообразие, глубокая модификация нормативно-ценностной Выявление наиболее системы. взглядов студенческой молодежи отношении образования, образа жизни, гражданской позиции в обществе приобретает особое значение.

**Результаты:** Информация о ценностных ориентациях молодых людей была получена в ходе опросов выпускников средних общеобразовательных школ, студентов вузов различных регионов России.

Проведенное исследование свидетельствует о превалировании среди студентов общих социально-психологических установок и ориентаций. Современное поколение отличается оптимистичностью взглядов на будущее, уважением традиционных ценностей, многообразием идейных позиций. Студенты пытаются найти себя, выразить свою индивидуальность, что является важным условием для полноценной самореализации.

**Выводы:** Проведенное исследование позволяет констатировать, что в целом у опрошенных представителей студенчества достаточно полно сформирована социокультурная идентичность различных типов и видов:

<sup>\* ©</sup> Н. Н. Сазонова, 2016.

социальная, моральная, межличностная, профессиональная, поведенческая, коммуникативная. Это может свидетельствовать о разноплановой социальной включенности студенческой молодежи и определенной степени социальной зрелости.

**Ключевые слова:** информационное общество; студенческая молодежь; социокультурная идентификация; социализация; ценностные предпочтения; социальные качества молодежи; социальные ресурсы.

## New Socio-Cultural Trends in Student Communities: Reasons, Characteristics, Forecasts

**Sazonova Natalya Nikolaevna** – Saint Petersburg Mining University, department of Sociology and Psychology, Associate Professor, PhD, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: sazonova-nata@yandex.ru 2, 21 liniya V. O., Saint Petersburg, 199106, Russia, tel: +7(921)780-30-83.

#### **Abstract**

**Background:** Socio-cultural identity of students is considered to be a complicated and topical question of information society. In this sphere of sociology research should be conducted to resolve some social crises in the Russian society. Modern socio-cultural context is determined by a number of specific characteristics, with the most significant being the disintegration of the Soviet identity, reorganization of political and economic structures, complexity of social stratification, extension of social interaction framework, intensification of information flows, cultural diversity, and transformation of value system. The detection of the students' prevailing views on family, education, lifestyle and civil position in society is of particular importance.

**Results:** The information on young people value orientations was received on the basis of interviews with high school graduates and university students in different regions of Russia.

The study shows prevailing of common socio-psychological attitudes and orientations among students. The young generation is characterized by an optimistic view about the future, respect for traditional values, and diversity of ideological positions. Students try to find their own way of life, express their individuality, which is an important condition of full self-realization.

**Conclusion:** According to the study conducted, in general interviewed students have formed their socio-cultural identity of different types: social, moral, interpersonal, professional, behavioral and communicative. This may indicate diverse social inclusion of students and a certain degree of their social maturity.

**Keywords:** information society; students; socio-cultural identification; socialization; value preferences; social qualities of youth; social resources.

Изучению молодёжи как социального феномена посвящено множество работ известных отечественных и зарубежных авторов. Исследование возрастных, социально-исторических, социологических, социально-психологических, культурологических особенностей молодежи плодотворно осуществляется, начиная со второй половины XX века, и связано с именами таких крупных представителей российской социологической науки как И. С. Кон, С. Н. Иконникова, В. Г. Попов, И. М. Ильинский, В. Т. Лисовский, В. Н. Чупров, О. Н. Козлова и др. [3; 5; 6; 7; 9].

Современное российское общество находится в стадии трансформаций, обусловленных распадом советского идентификационного пространства, реорганизацией политических И экономических структур, усложнением социально-стратификационной информационных системы, нарастанием потоков, культурным многообразием, модернизацией нормативно-ценностной системы. Эти и другие факторы определяют особенности социокультурной которой современные россияне вынуждены адаптироваться. Студенческая молодежь обладает целым набором социальных ресурсов, способствующих высокой адаптивности в условиях трансформаций: молодой возраст, образованность, социальная активность, проживание в больших городах. Именно студенчество, обладая таким социокультурным потенциалом, может выступать в качестве проводника социальных инноваций, необходимых для стабилизации общественного развития [1; 2; 4; 8].

идентификационных посвящена анализу статья российского студенческой молодежи современного общества преимущественно эмпирический характер. В ходе исследования был использован метод анкетного опроса. Респондентам была предложена анкета, вопросы которой подбирались с учетом общей концепции социокультурной самоидентификации, предполагающей интеграцию индивидов на основе общих взглядов, ценностных установок, норм поведения, интересов и других особенностей.

Опрошены молодые ЛЮДИ ИЗ числа выпускников средних общеобразовательных школ г. Санкт-Петербурга, Пензенской области Краснодарского края, студенты Санкт-Петербургского Горного университета, РХТУ им. Д. И. Менделеева, МГЮА О. Е. Кутафина, государственного университета, Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», Кубанского государственного университета и Санкт-Петербургского государственного университета. Опрос проводился в сентябре-октябре 2016 года на основе специально разработанной состоящей ИЗ 19 вопросов, ответы на которые проанализировать ценностные ориентации молодых людей, проживающих в Российской Федерации.

В исследовании участвовало 390 респондентов в возрасте от 16 до 23 лет. Ответы молодых людей позволяют судить о превалировании общих социальнопсихологических ориентаций и установок в студенческой среде.

- Какое образование вы считаете обязательным в наши дни? Среднее общее -20.5 %. Среднее специальное -18.7 %. Высшее -59.2 %. Ученая степень -1.6 %.
- С какой целью вы хотите получить/получаете выбранное ранее образование? Ответы: хочу получить желаемую профессию 51,3 %; планирую заниматься научной деятельностью 6,4 %; хочу получить высокооплачиваемую работу 53,1 %; для открытия собственного дела 12,8 %; отсрочка от армии 2,8 %; у всех есть, и мне нужно 3,6 %; так хотят мои родители 4,4 %; другое 2,8 %.
- Чего вы ждете от работы в будущем? Ответы: возможность заниматься любимым делом 38,7 %; всеобщее признание и престиж 5,4 %; возможность приносить пользу обществу 15,4 %; высокий доход 35,6 %; не хочу работать 2,8 %; другое 2,1 %.
- Опрошенные молодые люди считают, что для построения успешной карьеры необходимо: соответствующее образование 34,1 %; знание своего дела (возможно, без наличия образования) 61,3 %; харизма и особенности характера 26,4 %; знание языков 7,9 %; умение пользоваться современной техникой 5,4 %; наличие связей и знакомств 16,4 %.
- Какая форма брака для вас предпочтительнее? Официальный 75,4 %; «гражданский» 15,1 %; не планирую создавать семью 9,5%.
- В каком возрасте, по вашему мнению, нужно вступать в брак? 16–18 лет 1,3 %. 18–23 лет 20,3 %. 23–30 лет 73,3 %. 30 лет и старше 5,1 %.
- Как вы считаете, важнейшим фактором для заключения брака является: любовь и чувства 92.3 %; традиции 1.8 %; непредвиденные обстоятельства 0.3 %; материальная заинтересованность 0.8 %; боязнь одиночества 2.6 %; другое 2.1 %.
- Занимаетесь ли вы физической культурой и спортом в свободное время? Регулярно 29,7 %; время от времени 40,5 %; редко 20,0 %; нет 9,8 %.
- Какие способы саморазвития вам ближе? Чтение художественной литературы -39.2%; походы в театры и музеи -10.5%; чтение научной литературы -11%; просмотр познавательных передач и фильмов -29.7%; вряд ли мне это пригодится в жизни -5.1%; другое -4.4%.
- Респонденты имеют следующие вредные привычки: курение табака 16,2 %; нецензурная брань 44,1 %; курение электронных сигарет 7,2 %; употребляю лёгкие наркотические вещества 1,8 %; не имею вредных привычек 49 %.
- Употребляете ли вы крепкие спиртные напитки? Да, достаточно часто 9,2 %; да, по поводу 51,8 %; нет 39 %.
- Какие способы заработка для вас приемлемы? Честный труд 73,6%; неважно как, главное заработать как можно больше 23,6%; предпочитаю лёгкие деньги за черную работу 1,3%; другое 1,5%.
- Насколько важны для вас деньги? Важны, считаю богатство самым важным в жизни -2.6 %; важны, я хочу жить в достатке -80.3 %; не важны, считаю это далеко не самым главным -15.1 %; другое -2.1 %.

- Интересуетесь ли вы тем, как развиваются события в политической жизни нашей страны? Да, внимательно слежу за развитием ситуации 22,5 %; слежу за развитием событий, но мне это не очень интересно 54,9 %; нет, меня это не интересует 22,6 %.
- Принимаете/будете ли принимать участие в выборах? Всегда, не пропуская -27.2 %; редко, от случая к случаю -13.1 %; считаю, что выбор сделан за меня -26.7 %; мне это не интересно -15.9 %.
- Считаете ли вы нужным принимать участие в поддержании чистоты и порядка двора/подъезда в котором вы проживаете? Да, я стараюсь поддерживать чистоту там, где живу 70,3 %; мне нравится чистота, но убираться я не намерен(а) 24,9 %; мне абсолютно безразлично, кто, сколько и когда убирается на этой территории 4,8 %.
- Считаете ли вы обязательным доброжелательно относиться к соседям по дому/лестничной клетке/комнате в общежитии? Да, я хорошо общаюсь с каждым соседом 72,1 %; наше общение можно назвать вынужденным 14,9 %; нет, меня не интересует жизнь этих людей 13,0 %.

Анализ результатов исследования показывает, что несмотря на крупные социальные изменения последних десятилетий традиционная система ценностей, сформировавшаяся в российском обществе в советский период, продолжает сохранять большое влияние в студенческой среде.

Более половины респондентов считают необходимым получить высшее образование, чтобы иметь высокооплачиваемую работу, связанную с выбранной профессией. Для многих из них главное — знать своё дело. Вторым фактором успешности считают харизму и отличительные особенности характера.

В вопросах семьи современная молодёжь очень категорична. Большинство опрошенных считают приемлемым только официальный брак. Представления о возрасте вступления в брак изменились: по мнению респондентов, это период от 23 до 30 лет. 92,3 % молодёжи считает, что для создания семьи необходимы любовь и чувства, и менее 8 % респондентов будут заключать брак из-за боязни одиночества, вековых традиций, материальной заинтересованности или непредвиденных обстоятельств.

Среди других приоритетов студенческой молодежи следует выделить здоровый образ жизни, честный труд, активную гражданскую позицию.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод что современное поколение отличается оптимистичностью взглядов на будущее, уважением традиционных ценностей, многообразием в идейных позициях. Студенты пытаются найти себя, выразить свою индивидуальность, что является важным условием для полноценной самореализации. В целом у опрошенных представителей студенчества достаточно полно сформирована социокультурная различных типов И видов: социальная, межличностная, профессиональная, поведенческая, коммуникативная. Это свидетельствовать разноплановой социальной включенности тэжом O студенческой молодежи и определенной степени социальной зрелости.

#### Список литературы

- 1. Авходеева Е. А. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации и открытого культурного пространства // Клио. -2015. -№ 6 (102). C. 174–177.
- 2. Гаврилюк В. В., Голиков И. Н. Роль молодежи в инновационном преобразовании России // Теория и практика общественного развития. 2015. N  $\sim 7.$  С. 33  $\sim 35.$
- 3. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: УСПиМ, 2010. 592 с.
- 4. Косинцева Т. Д., Кулешова Н. Д. Преодоление межкультурных барьеров в студенческой среде. // Теория и практика общественного развития. 2016. № 9. С. 68—72.
- 5. Кострякин А. В., Иваненков С. П. Теория и практика повышения социальной активности молодежи: монография. СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2013. 171 с.
- 6. Лисовский В. Т. Социология молодежи. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1996. 361 с.
- 7. Молодежь современной России. Антология / Редактор: Д. Шкаев. Издательство: ИНИОН, 2012. 296 с.
- 8. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р // Российская газета. -2015. № 6693 (122).
- 9. Чупров В. И. Социология молодежи. М.: Инфра-М, Норма, 2014. 336 с.

#### References

- 1. Avkhodeeva E. A. National and Cultural Identity in Terms of Globalization and Open Cultural Environment [Natsionalno-kulturnaya identichnost v usloviyah globalizatsii i otkryitogo kulturnogo prostranstva]. *Klio* (Clio), 2015, № 6 (102), pp. 174–177.
- 2. Gavrilyuk V. V., Golikov I. N. The Role of the Youth in Innovational Transformation of Russia [Rol molodezhi v innovatsionnom preobrazovanii Rossii]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya* (Theory and Practice of Social Development), 2015, № 7, pp. 33–35.
- 3. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. The Youth in Russia: the Sociological Portrait [Molodezh Rossii: sotsiologicheskiy portret]. Moskow, USPiM, 2010, 592 p.
- 4. Kosintseva T. D., Kuleshova N. D. Overcoming of Intercultural Barriers in Student Environment [Preodolenie mezhkulturnyih barerov v studencheskoy srede]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya* (Theory and Practice of Social Development), 2016, № 9, pp. 68–72.
- 5. Kostryakin A. V., Ivanenkov S. P. Theory and Practice of Increase of Social Activity of the Youth: Monography [*Teoriya i praktika povyisheniya sotsialnoy aktivnosti molodezhi: monografiya*]. Saint Petersburg, SPGUTD, 2013, 171 p.
- 6. Lisovsky V. T. Sociology of the Youth [Sotsiologiya molodezhi]. Saint Petersburg, SPbGU, 1996, 361 p.

- 7. Shkaev D. (Ed.) The Youth in Modern Russia: Anthology [Molodezh sovremennoy Rossii: Antologiya]. Moskow, INION, 2012, 296 p.
- 8. The Strategy of the Development of Upbringing in Russia Until 2025 Year: The Order of the Government of the Russian Federation, 29 May 2015. № 996-p [Strategiya razvitiya vospitaniya v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda: rasporyazhenie Pravitelstva Rossiyskoy federatsii ot 29 maya 2015 g. N 996-r]. *Rossiyskaya gazeta*. (Russian Newspaper), 2015, № 6693 (122).
- 9. Chuprov V. I. Sociology of the Youth [Sotsiologiya molodezhi]. Moskow, Infra-M, Norma, 2014, 336 p.

УДК 316

# Из опыта регионального учреждения высшего профессионального образования Беларуси по социальной адаптации иностранных студентов

Канашевич-Адыгезалова Дарья Анатольевна – Государственное научное учреждение «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси», аспирант, Минск, Республика Беларусь.

> E-mail: darya.adigezalova@mail.ru Беларусь, 220072, Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2,

тел: +375296595995.

#### Авторское резюме

Состояние условиях вопроса: В стремительного развития интернационализации образования и присоединения Республики Беларусь к Болонскому процессу национальная образовательная система сталкивается не только с необходимостью оптимизации процесса обучения и профессиональной подготовки иностранных студентов, но и с потребностью формирования поликультурных коммуникативных компетенций собственных специалистов. профессионально-образовательной адаптации иностранных студентов и влияния на этот процесс межкультурных коммуникаций пока не стала предметом специальных теоретических и эмпирических исследований в белорусской социологии. Данные обстоятельства обусловливают актуальность социальную востребованность теоретических эмпирических социологических исследований влияния межкультурной коммуникации на профессиональное образование иностранных студентов в региональных вузах Республики Беларусь с целью оптимизации и повышения социальной эффективности процесса их обучения и профессиональной подготовки.

Результаты: Включение иностранных студентов в образовательное и социальное пространство региональных учреждений образования протекает относительно успешно, вместе с тем процесс интенсификации студенческой мобильности нередко обгоняет адаптацию самих учреждений образования к новым реалиям. Как показывает социологический опрос, большинство иностранных студентов хотя и испытывают временный культурный шок, начиная учебу в другой стране, но в итоге достаточно успешно адаптируются к новой обстановке. Значительные трудности связаны с необходимостью общения на неродном языке. В процессе адаптации к новой культурной среде обнаруживаются сравнительно небольшие гендерные различия.

Область применения результатов: Результаты можно использовать в международных отделов практической деятельности целью совершенствования деятельности по привлечению и обучению иностранных студентов.

<sup>\* ©</sup> Д. А. Канашевич-Адыгезалова, 2016.

**Выводы:** Эффективность профессионально-образовательной адаптации иностранных студентов во многом определяется интенсивностью и характером межкультурных коммуникаций в социально-образовательном пространстве регионального учреждения высшего образования, а также глубиной включенности студентов в институциональные структуры как внутри вуза, так и в более широкой внешней социальной среде.

**Ключевые слова:** иностранные студенты; социальная адаптация; профессионально-образовательная адаптация; глобализация; евразийская интеграция; евразийское образовательное пространство; национальная система высшей школы.

# Social Adaptation of Foreign Students in Regional Institution of Higher Education in Belarus

**Kanashevich-Adigozalov Daria Anatolievna** – Institute of Sociology of the National Academy of Science of Belarus, postgraduate student, Minsk, Belarus.

darya.adigezalova@mail.ru

1, Surganov st., block 2, Minsk, 220072, Belarus,

tel: +375296595995.

#### **Abstract**

Background: Rapid development of the internationalization of education and the accession of the Republic of Belarus to the Bologna Process causes the national education system to face not only the necessity to optimize the process of education and training of foreign students, but also the need for the formation of multi-cultural communication competence of Belarusian professionals. The problem of vocational and educational adaptation of foreign students and the cross-cultural communication impact on the process has not yet become a subject of special theoretical and empirical studies in Belarusian sociology. These circumstances determine the actuality and social relevance of the theoretical and empirical sociological studies of cross-cultural communication effect on foreign students training in regional higher education institutions in Belarus in order to improve and increase the efficiency of their education and training.

**Results:** The inclusion of foreign students in the educational and social space of regional higher schools takes place rather successfully; however, the process of intensification of student mobility often leaves behind the adaptation of these educational institutions to the new reality. According to a survey conducted, although the majority of foreign students experience temporary cultural shock, starting their studies in a foreign country, in the end they adapt to the new situation quite successfully. Some statistically significant difficulties are connected with the need to communicate in a foreign language. In the process of adapting to a new culture some relatively small gender differences have been found.

**Research applications:** The results can be used by university international departments in order to improve their efforts to recruit and train foreign students.

**Conclusion:** The effectiveness of foreign student adaptation is largely determined by the intensity and peculiarity of cross-cultural communication in the socio-educational space of regional higher schools, as well as the extent to which students are involved in institutional structures both within the university and in the external social environment.

**Keywords:** foreign students; social adaptation; vocational and educational adaptation; globalization; Eurasian integration; Eurasian educational space; national higher school system.

Исследование феномена информационного общества сегодня невозможно вне процессов глобализации. Обратив внимание на эту взаимосвязь, Мануэль Кастельс определил глобализацию экономики как одну из атрибутивных характеристик информационного (у него – информационального) общества [1, с. 81]. Одной из определяющих тенденций глобализации в современных явственнее выступает интернационализация условиях международное образование всё более превращается образования, a глобальную отрасль мировой экономики. Академическая мобильность обучение за рубежом в иной культурной среде стали неотъемлемой частью жизни людей в различных странах и регионах. Университетское образование XXI века не представляется возможным вне «встречи цивилизаций», без академической мобильности, без изучения опыта и интеграции позитивных национальных образовательных программ и стратегий.

Динамика университетского образования в Беларуси развертывается в типичную глобальных процессов, обнаруживая ДЛЯ мировой образовательной системы тенденцию интернационализации высшей школы и международно-ориентированных учреждений высшего профессионального образования (далее – УВО). Обучение иностранных Белорусский нашей стране имеет давние традиции. государственный университет обучает иностранных студентов с 1958 года. В советский период высшей школой Беларуси накоплены значимые достижения в области обучения иностранных граждан. Согласно данным Министерства образования Республики Беларусь, с 1958 по 1991 гг. в БГУ прошли обучение около 3,5 тысяч иностранных граждан, из более чем 120 стран мира. В 90-е годы численность иностранных студентов, обучавшихся в нашей стране на контрактной основе, стабилизировалась на уровне 3000 человек, а 2005/2006 учебном году в Беларуси обучался уже 6391 иностранный студент. Начиная с 2006 г. Республика Беларусь все более вовлекается в процессы международной мобильности, региональной академической наметилась тенденция постоянного увеличения численности иностранных граждан, приезжающих в Беларусь за образованием. Если в 2005/2006 учебном году в нашей стране обучался 6391 иностранный студент, в 2012/2013 гг. – уже почти 14 тыс., то в 2015/2016 гг. – 16 437 иностранных граждан. Сегодня в общем числе студенческой молодежи Беларуси на долю иностранных студентов приходится 2,5 %, и это в 2,1 раза больше, чем, например, в 2005/2006 учебном году.

Иностранные граждане обучаются почти во всех учреждениях высшего образования нашей страны. Наибольшее число иностранных граждан обучаются в Белорусском государственном университете (БГУ) -15,1%, Белорусском государственном медицинском университете (БГМУ) -10%, Белорусском национальном техническом университете (БНТУ) -5,9% от общего числа иностранных студентов [3].

За период суверенного развития национальной высшей школой Беларуси накоплены значимые достижения, получившие признание на международной арене. В качестве важнейшего ресурса развития высшей школы Беларуси следует отметить тенденцию нарастающей диверсификации предоставляемых образовательных услуг. Когда иностранные студенты только больше приезжать В нашу страну, ИХ интересовали начали сельскохозяйственные специальности, механика и машиностроение. Сегодня из общего числа обучающихся иностранных граждан 22,6 % изучают медицину и фармакологию, 21,5 % – специальности технического профиля, 20.3 % -12 % общенаучные специальности университетского профиля, 7,4 % педагогические, 11,5 % экономические юридические, сельскохозяйственные, 3,8 % – искусствоведческие [3].

Продвижению образовательных услуг на международный способствуют высокий образовательный потенциал нашей республики, качество и доступность образовательных услуг, широкий спектр предлагаемых специальностей (свыше 300), высокий уровень практико-ориентированного дискриминации отсутствие В образовательном процессе, благоприятные условия для пребывания в нашей стране в связи с толерантной ментальностью населения и отсутствием проявлений национализма.

Социальный заказ на подготовку Беларусью конкурентоспособных иностранных специалистов сделан во многих государствах учреждениях высшего образования Беларуси сегодня обучаются иностранные граждане из 88 стран. Однако пока Республика Беларусь позиционируется евразийском образом И азиатском сегментах образовательного рынка. В целом география отечественных образовательных услуг, предоставляемых Республикой Беларусь, выглядит следующим образом. Наибольшая доля экспорта образовательных услуг Беларуси приходится на страны СНГ – 63,1 %, на Азию – 29,2 %, Африку – 5,8 %, Европу – 1,5 %, Северную и Южную Америку – 0,4 % от общей численности обучающихся в высших учреждениях профессионального образования республики. В первой десятке государств по численности обучающихся в Беларуси студентов и магистрантов находятся Туркменистан – 6469, Китай – 1476, Российская Федерация – 1426 человек. Затем в порядке убывания идут Азербайджан – 250, Шри-Ланка – 244, Нигерия – 242, Иран – 208, Ливан – 154, Украина – 151, Ирак – 96 студентов и магистрантов, которые постоянно проживают на территории иностранных государств [2].

Максимальное использование отечественного образовательного потенциала и международного сотрудничества для продвижения образовательных услуг — один из стратегических приоритетов Республики

Министерство образования совместно подведомственными образовательными учреждениями проводит активную маркетинговую деятельность по продвижению белорусского образования в других регионах мира. В числе важнейших направлений деятельности по увеличению притока иностранных учащихся намечено: активнее открывать специальности с обучением на английском языке; развивать дистанционные формы обучения; интерактивные формы работы с зарубежными учреждениями образования; использовать возможности дистанционного консультирования; организовывать и реализовывать посредством Интернета совместные проекты, образовательные структуры И совместные образовательные создавать заинтересованными учреждениями образования программы образовательными компаниями за рубежом; продвигать рекламные материалы на иностранных языках, создавать сеть посредников в других странах, в том числе использовать возможности выпускников белорусских ВУЗов из числа иностранных граждан.

В рамках проводимой образовательной политики по диверсификации экспорта образовательных услуг проделана определенная работа по открытию белорусских образовательных структур в странах дальнего зарубежья. В Computer System Institute (CSI, штат Иллинойс, США) по инициативе американской стороны открыт филиал кафедры проектирования информационно-компьютерных систем Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (БГУИР). При участии Белорусского национального технического университета (БНТУ) открыты Белорусско-Вьетнамский содействия научно-техническому центр сотрудничеству, совместная научно-исследовательская лаборатория в Научном энергетическом институте при Вьетнамской академии наук (вьетнамское отделение). БГУ организована работа Белорусско-Вьетнамского инновационно-образовательного и научно-технического центра. Изучается вопрос о создании филиала (возможно, факультета или подготовительного белорусского ВУ3а Вьетнаме, во филиала доуниверситетского образования в Бангладеш, филиала подготовительного факультета в Нигерии, а также консолидированной образовательной структуры белорусского учреждения высшего образования в Китае [6].

В настоящее время возможности интеграции в мировое образовательное пространство и укрепления представительства учреждений высшего образования Республики Беларусь расширились в связи с присоединением к Болонскому процессу, что открывает дополнительные перспективы участия в международных проектах, а для студентов и преподавателей – в академических обменах с университетами других стран. Одновременно вхождение в европейский образовательный рынок предъявляет жесткие требования к качеству высшего образования, и в этом контексте возникают вопросы касательно адаптации национальной системы высшей школы к его принципам и требованиям.

Привлекательность университетов для абитуриентов и авторитетность диплома для работодателя сегодня во многом определяется рейтинговой

позицией учебного заведения в международных рейтингах университетов, которые можно рассматривать как рекламную площадку качества образования и эффективный инструмент в конкурентной борьбе на рынке образовательных услуг. Международные и национальные рейтинги университетов, безусловно, важны, так как они помогают определить международную, региональную и национальную значимость того или иного учреждения высшего образования. Однако пока имеющиеся международные рейтинги существенно отличаются по критериям оценки и нередко отдают преференцию западным университетам.

Одним из самых авторитетных рейтингов сегодня считается QS World University (QS), который создается британской консалтинговой компанией Quacquarelly Symonds (QS), основанной в 1990 г., и ранжирует более 800 (ранее – 700) университетов мира. В топ-200 QS в 2016 г. включен только один российский университет – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, который занял в нем 108-е место. В полную версию рейтинга QS 2016 г. (свыше 800 университетов) включены 20 российских учреждений высшего образования. В 2014/2015 БГУ вошел в топ-500 университетов, занимающих 491–500 позиции [3]. В полной версии рейтинга QS 2016 г. белорусские учреждения высшего образования не представлены.

Еще более неблагоприятен для стран СНГ Академический мировой рейтинг университетов – ARWU (Academic Ranking of World Universities), включающий 100 университетов, показатели которого дают преференции университетам США и Великобритании. В этом рейтинге учитываются выпускники и сотрудники-лауреаты Нобелевских премий; награжденные медалью Филдса за достижения В математике; высоко цитируемые престижных журналах, индекс цитирования, статьи численность обучающихся. В 2014 г. места с 1 по 19-е здесь занимали университеты США (кроме 5 И 10-го, отданных университетам Великобритании). МГУ им. М. В. Ломоносова в этом рейтинге занял 86 место. УВО Беларуси не представлены.

Удачнее ситуация для белорусских вузов в Мировом вебометрическом рейтинге университетов (Webometrics Ranking of World Universities), который ранжирует 30 тыс. университетов по присутствию в Интернете. В 2014 г. в этот рейтинг включены 51 белорусский вуз. Среди них лидировал БГУ (881 место из 30 000 университетов), в пятерку лучших белорусских вузов вошли также Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники (БГУИР), Белорусский государственный медицинский университет (БГМУ), Белорусский национальный технический университет (БНТУ), Полесский государственный университет [4]. Для более гибкой и объективной системы оценки деятельности университетов под руководством Европейской комиссии Академический рейтинг-2013 или, разработан как Еврорейтинг-2013 (Academic Ranking of World Universities: European standard). Главным параметром в нем определено образование, и в этом контексте востребованность добавлены новые критерии: выпускников, работодателей, мониторинг администрацией образовательного и научного процесса, информатизация учебного процесса, оценка студентами качества

квалификации В сфере научной преподавания, повышение кадров. деятельности добавлены пункты: международное сотрудничество, международное признание преподавательского состава, количество публикаций с участием иностранных соавторов, количество иностранных студентов и преподавателей. В высшую группу Еврорейтинга-2013 включены семь российских университетов, самую высокую оценку получил Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. В другие (выделено пять категорий университетов) попали 33 российских университета. Белорусские университеты в этом рейтинге не представлены.

В рейтинге учреждений высшего образования стран — участниц СНГ, Грузии, Латвии, Литвы и Эстонии — 2013 ранжировалось 405 учреждений высшего образования из 15 стран, в том числе 21 из Беларуси. В качестве основных критериев учитывались образовательная, международная и научно-исследовательская деятельность, участие в международном рейтинге Webometrics. В этом рейтинге Белорусский государственный университет (БГУ) оказался вторым (после Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова), Белорусский национальный технический университет (БНТУ) занял 32 место [5].

Международные и национальные рейтинги университетов, безусловно, важны, так как они помогают определить значимость того или иного ВУЗа и его роль в экспорте национальных образовательных услуг. В аспекте эффективной образовательной политики важно постоянно диагностировать знания и рынок, выясняя, правильны ли и актуальны ли наши знания, значимы ли они для потребителей образовательных услуг и за пределами национальной системы образования, насколько привлекательны наши вузы для иностранных граждан. Однако пока международные рейтинги существенно отличаются по своим результатам, так как основаны на различных критериях оценки. Обозначенные проблемы требуют разработки системы оценки качества образования, учитывающей не только международные, традиционные принципы, на которых основывалась наша отечественная высшая школа. Главная проблема образования, с позиций евразийской образовательной традиции – содержание и актуальность получаемого знания, ценности, которые скрепляют образовательное пространство, способность выпускников к мышлению и самоопределению. Чтобы получить ответ на вопрос о качестве образования в этом аспекте, необходимы не просто рейтинги, а экспертные заключения.

Евразийское образовательное пространство продолжает важнейшим резервом продвижения образовательных услуг Беларуси. С 2012 г. Республики Казахстан, Кыргызской Российской Федерации, гражданам и Республики Таджикистан предоставлена дополнительная возможность поступать на платной основе в учреждения среднего и высшего собеседования. образования Беларуси результатам ПО межгосударственное взаимодействие в рамках евразийской интеграции по созданию единого образовательного пространства пока существенно отстает от интеграционных процессов в экономической, правовой, культурной сферах. Евразийская интеграция в ее различных институционально-правовых формах – СНГ, Союзное государство России и Беларуси, Организация Договора о коллективной безопасности, Таможенный союз, Единое экономическое пространство (ЕЭП), Евразийский экономический союз (ЕАЭС) — выявила сложную многоуровневую и, так сказать, «разноскоростную» природу интеграционных процессов.

Показателем евразийского определенных успехов В развитии пространства стало создание Сетевого открытого образовательного университета Содружества Независимых Государств (2000 r.),который функционирует на правах Консорциума при равноправном участии всех вузовпартнеров. Его целью является разработка и внедрение в рамках единого (общего) образовательного пространства государств-участников СНГ аналога Мундус», основными «Эразмус a задачами академической мобильности, укрепление сотрудничества и межвузовских высшего образования, повышение связей сфере его качества привлекательности. Однако эта структура пока не стала эффективным инструментом академической мобильности. Можно обратить внимание на два более успешных научно-образовательных проекта, набирающих силу филиалов ведущих евразийских университетов и создание совместных университетов. Применительно к нашей республике, можно отметить активную деятельность Ереванского филиала Международного государственного экологического университета имени А. Д. Сахарова совместный инженерно-технический факультет БНТУ Таджикского университета им. академика М. С. Осими В Душанбе. технического Прорабатывается возможность открытия на базе созданного инженернотехнического факультета БНТУ в Таджикском техническом университете им. М. С. Осими Инженерно-технического института БНТУ. стадии завершения находится центров создание ресурсных начального профессионального образования строительным профессиям ПО машиностроительного профиля в Азербайджане.

Получила также признание деятельность совместных славянских университетов, В разное время открытых Российской Федерацией территории государств – участников СНГ. В 1999 г. был открыт Российско-Армянский (Славянский) университет (г. Ереван), в 1993 г. – Киргизско-Российский (Славянский) университет (г. Бишкек), в 2003 г. – Белорусско-Российский университет (г. Могилев). Славянские университеты являются образовательными учреждениями высшего профессионального образования и в своей деятельности руководствуются Конституцией Российской Федерации и Конституцией национального суверенного государства. Университеты совместного ведения – это самостоятельные субъекты с правами юридического лица, пользующиеся статусом государственных высших учебных заведений Российской Федерации и национального суверенного государства (проходят двойное лицензирование, аккредитацию, аттестацию). Об славянских университетов, действующих в образовательном пространстве СНГ, говорит тот факт, что в национальных рейтингах своих стран они занимают

лидирующие позиции. Вместе с тем, данные учреждения образования сталкиваются с целым рядом проблем, в числе которых отсутствие достаточной законодательной базы, неоднозначность решения проблемы финансирования и государственной поддержки.

Формирование единого евразийского образовательного пространства – не одномоментное явление: это длительный процесс выстраивания взаимно признаваемых образовательных программ; участия студентов и преподавателей в академических обменах с университетами других стран; предоставления взаимовыгодных образовательных услуг И обмена опытом; образовательных структур; принятия модельных законодательных актов и рекомендаций, отвечающих целям сближения национального законодательства государств-участников в соответствии с нормами международного права и задачами интеграционного взаимодействия, что будет способствовать модернизации научно-образовательного потенциала каждого участника евразийской интеграции. В соответствии с принятыми межгосударственными обязательствами ЕАЭС будет базироваться не только на согласованных действиях В ключевых институциональных макроэкономики. Большие перспективы открываются для гуманитарного сотрудничества в науке, культуре, образовании, как на межгосударственном, так и на региональном уровне.

Если во времена существования Советского Союза иностранные граждане обучались преимущественно в столичных республиканских центрах, то сегодня их внимание все больше привлекают утвердившие себя региональные учреждения высшего профессионального образования, имеющие давние культурно-исторические традиции. Международное образование в Беларуси сегодня обеспечивается и усилиями региональных учреждений высшего образования. Причем региональные образовательные центры успешно конкурируют со столичными, развивают партнерские отношения с зарубежными образовательными центрами, стремятся создать привлекательные условия для обучения студентов и аспирантов из стран ближнего и дальнего зарубежья. По данным национальной статистики в 2015/2016 гг. из 16 437 иностранных граждан, обучавшихся в учреждениях высшего образования Республики Беларусь, в региональных учреждениях образования получали высшее образование 6598 человек.

Представляется, что среди факторов, обуславливающих повышение значения региональных учреждений высшего образования Беларуси как социального института профессионального обучения и социализации иностранных граждан, можно обратить внимание на следующие:

- вовлечение Республики Беларусь в процессы международной академической мобильности и продвижение на мировом рынке образовательных услуг;
- специфика контингента иностранных граждан, обучающихся в Беларуси, подавляющая часть которых представлена гражданами еще во многом традиционных обществ;

- наличие среди студентов-иностранцев большого количества людей,
   проживающих у себя на родине в маленьких городах и испытывающих дискомфорт в мегаполисах;
- сохранение в городах белорусской «глубинки» большей патриархальности и толерантности во взаимоотношениях между людьми по сравнению со столичным Минском;
- успешное развитие деловых контактов между регионами Беларуси и отдельными зарубежными государствами и регионами.

Исследование адаптации иностранных студентов к условиям проживания и обучения в региональных учреждениях высшего образования Беларуси является на сегодня не только крайне актуальной, но и социально значимой условиях стремительного развития интернационализации В образования и присоединения страны к Болонскому процессу национальная сталкивается только необходимостью образовательная система не оптимизации процесса обучения и профессиональной подготовки иностранных потребностью формирования поликультурных cсобственных коммуникативных компетенций специалистов. обусловливают потребность в проведении социологических исследований процесса профессионально-образовательной адаптации и социализации иностранных студентов в региональных вузах Республики Беларусь с целью оптимизации и повышения эффективности их обучения и профессиональной подготовки.

Базой для изучения заявленной в статье проблемы было избрано Государственное учреждение высшего профессионального образования «Белорусско-Российский университет» (далее – БРУ), г. Могилев. Выбор этого образования качестве базы высшего В эмпирического исследования обусловлен рядом обстоятельств. Это один из университетов, совместных славянских открытый соответствии Соглашением между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации в 2003 на базе Могилевского государственного технического университета. В стенах этого учебного заведения подготовлены десятки тысяч инженеров. Среди его выпускников большое количество директоров крупных предприятий и организаций, главных инженеров, главных специалистов. Подготовка специалистов здесь ведется по 18 специальностям (26 специализациям) по белорусским и 6 специальностям по российским образовательным стандартам.

Государственное учреждение «Белорусско-Российский университет» — второй (после БНТУ) университет в Республике Беларусь, которому выдан международный сертификат качества и единственный, который работает в рамках законодательства двух стран. Это известный за пределами республики научно-образовательный центр. Кадры высшей научной квалификации здесь готовят по 10 специальностям аспирантуры и 2 специальностям докторантуры. Имена ученых данного учреждения образования, достигших больших научных успехов, включены в энциклопедии «Кто есть Кто, Деловой мир СНГ», «Кто

есть Кто в Республике Беларусь», Российской академии наук «Современный интеллектуальный потенциал России», «Кто есть Кто в Мире» (США).

К настоящему времени университетом заключено 70 договоров с учреждениями образования Российской Федерации, Украины, Болгарии, Марокко, Франции, Китая, Германии, других государств ближнего и дальнего зарубежья о сотрудничестве по трем основным направлениям: образовательное, инновационное, научно-техническое. Диплом этого учреждения образования получили граждане из 44 стран мира по специальностям, востребованным на рынке труда. Наибольшее количество выпускников университета живет и работает в Непале, Ливане, Йемене, Сирии и Эфиопии. Среди закончивших университет есть представители и таких стран, как Маврикий, Того, Сенегал, Гана, Буркина-Фасо, Мали, Габон.

До 1992 года набор иностранных студентов осуществлялся на основе межправительственных соглашений, и они получали стипендию. В настоящее время набором студентов университет занимается самостоятельно, все иностранные студенты университета обучаются на основе договоров и самостоятельно оплачивают свою учебу. В 2015/2016 гг. в Белорусско-Российском университете обучается 217 иностранных граждан из стран дальнего зарубежья, в их числе: из Туркменистана — 199, Сирии — 5, Ирака — 3, Китая — 3, Вьетнама — 2, Монголии — 2, Саудовской Аравии — 1.

Работу университета с иностранными студентами курирует международный отдел, деятельность которого охватывает сопровождение всего процесса получения ими образования от поступления отдельного иностранного гражданина до получения диплом.

При содействии международного отдела методом анкетного опроса эмпирическое социологическое исследование, проведено направленное на выявление проблем, с которыми сталкиваются обучающиеся граждане. Опрошены иностранные 108 иностранных преимущественно граждане Туркменистана, ряда стран Азии и Африки, отделении. Средний на дневном возраст опрошенных иностранных студентов БРУ составляет примерно от 17 до 25 лет, из них 69,4 % обучаются на экономическом факультете, 1,9 % – на инженерноэкономическом, 14,8 % – на строительном. Остальные респонденты обучаются на электротехническом (4.6 %) и машиностроительном (1.9 %).

Большинство иностранных студентов – юноши (80,6 %), 19,4 % – девушки. На первый взгляд такое соотношение иностранных студентов по полу можно объяснить спецификой специальностей, по которым осуществляется обучение в Государственном учреждении высшего профессионального образования, каким является «Белорусско-Российский университет». Однако и в Могилевском государственном университете им. А. А. Кулешова, который оформился на основе педагогического института и имеет другой набор специальностей, юноши также составляли 69,8 % всех иностранных студентов. Очевидно, что доминирующим фактором здесь выступает то, что основной контингент иностранных студентов представлен гражданами Республики Туркменистан – традиционного мусульманского общества, в котором девушка (женщина) еще

значительно отстает от мужчины по уровню своей социальной активности. В связи с этим представлялось важным при анализе данных, полученных в процессе проведенного исследования, учитывать гендерный фактор.

Полученные результаты свидетельствуют об укреплении регионального учреждения высшего образования Беларуси на мировом рынке образовательных услуг. Данные, представленные международным отделом, свидетельствуют о постоянном увеличении количества иностранных студентов, приезжающих учиться в БРУ. Если в 1990 г. диплом данного учреждения образования получили 12 иностранных граждан, в 2009 г. учились 67 иностранных студентов, то в 2011 г. их было уже 128, в 2014 – 190, в 2016 – 217. Все респонденты назвали четыре ключевых фактора (по степени важности), повлиявших на выбор страны обучения, хотя их соотношение в мотивации не одинаково: высокое качество белорусского образования, по совету знакомых, значимость белорусского образования на родине, низкая плата за обучение. Слабо, но просматривается влияние фактора «здесь учились мои родители».

Отвечая на вопрос: «Что Вам понравилось, когда Вы приехали в Республику Беларусь (г. Могилев)», среди наиболее сильных впечатлений респонденты назвали следующие: университет (85,2%), город и достопримечательности (42,6%), погода (36,1%), белорусские люди (30,6%), но, одновременно, белорусская культура по приезде понравилась лишь 15,7%, другой образ жизни — 14,8% из них. Интересно отметить, что наличие здесь земляков понравилось еще меньше — так ответили лишь 9,3% респондентов.

Приезжая на учебу в другую страну, иностранные граждане часто ее идеализируют. По приезде в Беларусь погода понравилась почти 1/3 респондентов (это был конец лета, начало золотой осени). Однако при дальнейшем анализе анкет выявилось, что воздействие климата весьма сказывается на общем адаптационном процессе студента-иностранца и на его психологическом состоянии. По результатам опроса 36,1% респондентов полагают, что климат «влияет на состояние их здоровья» и для 14,8% климатические условия «скорее влияют, чем не влияют».

Обучение в другой стране связано с изменением не только природных и климатических условий, но и социальной среды – нарушением привычных коммуникативных связей с семьей, соотечественниками и воздействием социокультурных явлений. Анализ результатов новых проведенного опроса выявил, что самым сложным по приезде в страну обучения для наших респондентов оказалось отсутствие родных и друзей (46,3 %) и жизнь в студенческом общежитии (32,4 %), а затем, по убывающей – необходимость говорить на русском языке (28,7 %), другой климат (26,9 %), привыкание к чужой социальной среде (23,1%). Менее значительными факторами оказались «новое питание» (11,1%) и «отношение окружающих» (11,1%).

Отсутствие родных и друзей одинаково тяжело и для юношей, и для девушек, но одновременно были выявлены гендерные отличия в восприятии иностранными студентами дискомфорта новой природно-климатической и

социокультурной среды. Так, по приезде в страну у юношей после «отсутствие родных и друзей», вторым по значимости фактором адаптационного процесса стала необходимость говорить на русском языке, третьим — жизнь в общежитии, четвертым — привыкание к новой социальной среде; у девушек, соответственно, — «отсутствие родных и друзей», жизнь в общежитии, необходимость говорить на русском языке, другой климат.

Одной из задач проведенного исследования было выяснение наличия, глубины и форм проявления состояния, которое в мировой социологической практике принято называть «культурным шоком». Анализ полученных в процессе опроса материалов подтвердил, что иностранные студенты, в отличие от остальных студентов исследуемого вуза, оказавшись в новом природно-климатическом и социокультурном окружении, также испытывают подобное состояние. На так называемые психосоматические признаки «культурного шока» – повышенную нервозность, бессонницу и утомляемость, стресс, общее недомогание – пожаловалась в совокупности половина респондентов (55,6 %) и это в большей степени характерно для девушек (не испытывали таких физиологических расстройств 40,7 % юношей и лишь 3,7 % – девушек).

Симптомами глубокого «культурного шока» принято считать ощущение человеком чувства полной беспомощности, того, что его никто не понимает и у него ничего не получается. В процессе нашего исследования респондентам задавался вопрос: «Приходилось ли им испытывать подобные чувства по приезде в Республику Беларусь?». Только 36,1 % респондентов ответили, что никогда не испытывали чувство полной беспомощности по приезде в нашу страну; 38 % респондентов испытывали подобное чувство только в первое время после приезда в страну обучения; доля тех, кто признал, что постоянно испытывает подобные чувства, значительна и составила 12 %.

В ответах юношей на данный вопрос на первое место вышли – «никогда не испытываю такого чувства» (31,5 %) и «только в первое время после приезда» (31,5 %), а затем, с большим отрывом, следуют «испытываю постоянно» (9,3 %) и «испытываю, но очень редко» (8,3 %). В ответах девушек дифференциация в ответах не столь явственна, для них характерна несколько иная картина переживаний. Доминирующим чувством y девушек также является «испытывала только в первое время после приезда», но на второе место вышло «испытываю, но очень редко» (у юношей эта позиция занимает четвертое место), «никогда не испытываю такого чувства» находится у девушек на третьем месте по значимости (у юношей – одно из двух первых), «испытываю постоянно» – занимает четвертое место (у юношей это второе по силе переживание).

С первых дней пребывания в Беларуси иностранные студенты не только как все первокурсники находятся в непривычной для них учебной, но и в непривычной социокультурной среде, к которой им предстоит приспособиться в кратчайшие сроки. Это непосредственно влияет и на успешность их адаптации и обучения. Одной из задач проведенного исследования было выявление проблем, решение которых представляется иностранным студентам наиболее сложным. С этой целью респондентам был задан вопрос: «Скажите,

пожалуйста, что в Республике Беларусь Вам делать сложнее всего?». Оказалось, что 19,4 % иностранных студентов, задействованных в нашем опросе, адаптировались к новым для себя условиям жизни, не видя для себя «ничего сложного» – как в процессе учебы, так и в жизни.

Однако для большинства респондентов сложность представляет, прежде всего, сама учеба в университете (37%) и организация быта (22,2%). Значительно меньше респондентов испытывают трудности в организации отдыха (11,1%) и в общении с белорусскими людьми (10,2%), хотя, как отмечалось выше, 28,7 % респондентов ответили, что по приезде в нашу ОНИ испытывали сложности В связи c необходимостью разговаривать на русском языке. Выявлены гендерные различия в социальной адаптации иностранных студентов. Если 18 % юношей считают, что для них нет ничего сложного в стране пребывания, то так ответили лишь 2,8 % девушек. У студентов-юношей наибольшие проблемы адаптации по степени их важности связаны, прежде всего, с учебой, затем организацией быта, общением с белорусскими людьми, организацией отдыха. У девушек наибольшие трудности связаны с бытовой сферой и учебой, затем с большим отрывом следует отдых и весьма незначительна доля испытывающих затруднения в общении с белорусскими людьми.

При изучении процесса профессионально-образовательной адаптации иностранных студентов в ходе проведения исследования внимание обращалось на их привыкание к характеру, содержанию и условиям организации учебного студентами-иностранцами усвоение норм профессиональной среды, формирование навыков самостоятельной учебной и научной работы. В результате исследования было выявлено, что включение иностранных студентов в образовательное и социальное пространство регионального вуза протекает относительно успешно. Иностранные граждане в целом удовлетворены качеством предоставляемых им образовательных услуг и отношениями с субъектами образовательного процесса. У иностранных студентов сложилось свое представление о белорусской системе высшего образования способах оптимизации образовательного процесса (планирование работы, посещение занятий, конспектирование лекций, подготовка к семинарам, самостоятельная и научная работа, работа в библиотеке, сдача коллоквиумов, экзаменов и зачетов, др.). Они отмечают важность использования в учебном процессе современных информационных технологий - 71,3 %, высказывают положительное мнение о значении воспитательной работы 88,8 %, об организационно-методическом обеспечении учебного процесса -88%, производственной практике -85.2%, о правилах внутреннего распорядка – 88,9 % от всех опрошенных.

Самая сложная область адаптации иностранных студентов — учебная деятельность. У 57,4 % опрошенных иностранных студентов не возникает особых трудностей в учебе, но 38 % респондентов ответили, что учиться им тяжело и 4,6 % затруднились ответить на этот вопрос. Трудности профессионально-образовательной адаптации респондентов во многом связаны с недостаточным знанием русского языка для приобретения профессионально

значимых знаний, а также с отсутствием навыков самостоятельной работы. Если 44,4 % опрошенных иностранных студентов считают свой уровень владения русским языком достаточным для повседневного общения, то 41,7 % респондентов отметили, что им сложно учить предметы не на родном языке, а 13,9 % респондентов признались, что знают русский язык недостаточно хорошо для усвоения учебного материала. Наибольшие языковые трудности у иностранных студентов возникают при восприятии лекционного материала (52,5 %), при ответах в устной форме (50 %), работе с учебной литературой (45 %), ведении конспектов и написании рефератов (25 %).

На вопрос о том, что необходимо сделать, чтобы иностранным студентам было проще учиться в университете, 32,4 % иностранных граждан отвечают, что необходимо увеличить количество часов изучения русского языка. 15,7 % респондентов пояснили, что следует создать условия для учебы в общежитии и практически половина респондентов (49,5 %) не удовлетворены условиями жизни в общежитии. Среди основных причин такой неудовлетворенности было выявлено, что респондентов в первую очередь не устраивают санитарные условия (34,4 %), отношение к себе работников (17,2 %), перенаселенность (15,6 %), отсутствие покоя и ощущение беспокойства (12,5 %), работа воспитателей – (7,8 %). Никто из иностранных граждан не отметил высокую стоимость оплаты за общежитие.

Международный опыт обучения иностранных студентов свидетельствует, что оптимальным способом их «включения» в учебный процесс является интеграция в новое культурное окружение, при которой происходит активное освоение иной национальной культуры и формирование новой социальной идентичности при сохранении собственной национальной идентичности. Именно степень интеграции в новое культурное окружение считается главным фактором и показателем успешной адаптации и обучения иностранных студентов.

Однако в процессе проведенного исследования было выяснено, что не у всех иностранных студентов, обучающихся в БРУ, возникает интерес к стране пребывания и принятие ее. Нельзя исключать, что, хотя со страной пребывания связаны 4-5 лет жизни, заветная мечта получения высшего образования и надежды на будущее, иностранные студенты противопоставляют свою культуру тому, что видят и многое из окружающей их действительности в стране с иной ментальностью и конфессиональной ситуацией вызывает у них не только удивление, непонимание и отторжение, но и «культурный шок». Исходя из анализа результатов опроса, можно говорить о том, что возможности для осуществления такой «культурной интеграции» в исследуемом вузе имеются, но они не в полной мере используются всеми субъектами, ответственными за процесс адаптации и обучения иностранных студентов. что большинство иностранных студентов обучающихся в Государственном учреждении высшего профессионального образования «Белорусско-Российский университет», хотели бы больше узнать о культуре Республики Беларусь и ее жителей. И лишь 4,6 % респондентов ничего не желают знать о культурных традициях нашей республики, а 13,9 %

опрошенных затруднились дать ответ на данный вопрос. В основном это те, кто приехал в Республику Беларусь, «потому что так захотели родители» или «отправило государство».

Насколько проявляют интерес к стране и культуре иностранных студентов представители тех социальных групп, с которыми они непосредственно взаимодействуют в процессе обучения – руководство университета, деканат, преподаватели, кураторы, студенты в группе? Исходя из полученных данных, половина опрошенных иностранных студентов отметили недостаточный интерес к своей культуре со стороны кураторов. В тоже время 75 % опрошенных иностранных студентов полагают, что руководство учреждения образования проявляет должный интерес к культуре их страны, но 13,9 % респондентов дали отрицательный ответ на этот вопрос и столько же (13,9 %) – затруднились ответить. По мнению 84,4 % опрошенных иностранных студентов деканат также проявляет максимально возможный интерес и достаточное внимание к культуре их страны, 70,8 % студентов придерживаются такого же отношении преподавателей, меньше респондентов опрошенных) отмечают такой интерес со стороны местных студентов своей учебной группы.

Важно отметить, что в целом, оценивая деятельность руководства и важнейших структурных подразделений университета, абсолютное положительные оценки. большинство иностранных студентов дают ИМ деятельность ректората 94,4 % респондентов, Положительно оценивают деканатов – 96,3 %, отдела международных связей – 97,3 %, соответственно. Вместе с тем, 24,1 % респондентов не одобрили деятельность профкома, а 31,5 % респондентов – деятельность органа студенческого самоуправления – студенческого совета.

Немаловажным показателем адаптации иностранных студентов являются их отношения с другими членами студенческого коллектива. Нередко бывает так, что местные студенты не стремятся заводить дружбу с иностранцами, что может сформировать у последних негативное отношение к обществу, где проходило обучение. Однако в ходе проведенного исследования была выявлена другая ситуация. Отвечая на вопрос «Успешно ли Вы общаетесь с белорусскими студентами?», 43,5 % респондентов ответили, что успешно, а 46,3 % респондентов ответили, что «скорее да, чем нет». Вместе с тем 0,9 % респондентов ответили, что вообще не общаются с белорусскими студентами. Сам по себе этот факт должен стать предметом раздумий для агентов, ответственных за социализацию иностранных студентов.

Отвечая на вопрос, «кто Вам помогает, когда у вас возникают проблемы?», большая часть респондентов считают, что необходимую помощь оказывают прежде всего друзья (68,5 %) и руководство университета (61,1 %). Студенты в своей группе также не отказывают в помощи, но такого мнения придерживаются только 37 % опрошенных иностранных студентов, еще меньше они надеются на помощь со стороны преподавателей (16,7 %), рассчитывают при возникновении проблем только на себя 21,3 % респондентов. 37 % респондентов уверены, что в случае необходимости преподаватели дадут

им дополнительные консультации после занятий -5,6% респондентов отрицательно ответили на этот вопрос, 10,2% — затруднились с ответом. Практически половина респондентов (47,2%) считает, что дополнительные консультации преподаватели предоставляют не всегда, и, по мнению 22,2% респондентов, преподаватель выполняет только свои минимальные обязанности, возникающие проблемы его не интересуют.

По результатам исследования было выявлено и то, что респондентам приходилось сталкиваться в повседневной жизни и в процессе учебы с недоброжелательным поведением co стороны местных студентов отношению к себе и представителям их национальности. Так, 32,4 % респондентов отмечают холодность в общении с ними и высказывания «за спиной». 21,3 % респондентов указывают на то, что, хотя внешних признаков нет, они чувствуют недоброжелательность. Только 23,1 % студентов высказали мнение, что никогда не сталкивались с недоброжелательным отношением к себе и 31,5 % опрошенных респондентов вообще не задумывались по поводу этого вопроса.

Итак, в числе новых тенденций развития национальной высшей школы Беларуси можно отметить то, что сегодня ряд региональных учреждений высшего профессионального образования все более позиционируют себя как международно-ориентированные учреждения образования, осуществляющие экспорт отечественных образовательных услуг. Примером этого является Государственное учреждение высшего профессионального образования «Белорусско-Российский университет» (г. Могилев), который не только идет в ногу с лучшими столичными учреждениями образования, но и лидирует по многим показателям. Полученные результаты свидетельствуют об устойчивом укреплении позиций этого регионального белорусского вуза на мировом рынке образовательных услуг и повышении его роли как социального профессионально-образовательной адаптации И социализации иностранных студентов.

Анализ данных проведенного социологического исследования позволяет ряд особенностей процесса обучения и профессиональной подготовки иностранных студентов в региональных вузах страны, которые необходимо учитывать в организации образовательного маркетинга и в управлении процессом профессионально-образовательной иностранных граждан: у них не всегда присутствует мотивация на получение образования в региональном учреждении образования; многие не подготовлены к этому по причине отсутствия достаточных знаний о стране и регионе, опыта межкультурного общения, хорошего знания русского языка. В целом иностранные студенты проходят достаточно успешную профессиональнообразовательную адаптацию, однако в силу меньших коммуникативных возможностей по сравнению со столичным городом возникают и серьезные проблемы в области социокультурной адаптации. Для них характерна ограниченность и невысокая эффективность межкультурных коммуникаций при переходе с социально-группового на межиндивидуальный уровень отношений.

Процесс профессионально-образовательной и социокультурной адаптации иностранных студентов осложняет не только наличие нередко значимой культурной дистанции от принимающего общества и слабое знание русского языка, но и опыт негативных коммуникативных практик, низкая эффективность групп социальной поддержки. Имеющийся опыт обучения иностранных студентов свидетельствует, что для их успешной учебы и более легкого вхождения в белорусскую культуру необходимо, чтобы процесс обучения осуществляется не только на уровне педагогической коммуникации в рамках аудиторных занятий, но и группами социальной поддержки на уровне межкультурной межличностной и межгрупповой коммуникации. Социальная поддержка субъектов образовательного процесса и общественных организаций, коммуникация и дружба с белорусскими студентами выступают более значимым фактором межкультурной адаптации иностранных студентов в образования. Необходима региональном учреждении также межкультурного образования, субъекты которой должны обучать молодых людей навыкам межкультурной коммуникации и решения конфликтных ситуаций в условиях поликультурного образовательного пространства.

Дальнейший поиск возможностей максимального использования образовательного потенциала региональных учреждений высшего образования в целях эффективной профессионально-образовательной и социокультурной адаптации иностранных студентов — одна из важнейших задач развития национальной образовательной системы Беларуси на современном этапе.

## Список литературы

- 1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура // Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
- 2. Образование в Республике Беларусь (учебный год 2014/2015) // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <a href="http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/obrazovanie/operativnye-dannye\_15/obrazovanie-v-respublike-belarus-uchebnyy-god-2015-2016/">http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/obrazovanie/operativnye-dannye\_15/obrazovanie-v-respublike-belarus-uchebnyy-god-2015-2016/</a> (дата обращения 08.12.2016).
- 3. Интервью: Число иностранных студентов в Беларуси за 5 лет увеличилось вдвое // Министерство образования республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <a href="http://www.edu.gov.by/news-201306">http://www.edu.gov.by/news-201306</a> (дата обращения 08.12.2016).
- 4. Top Universities // QS World University Rankings® 2015/16 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <a href="http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015">http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015</a> (дата обращения 08.12.2016).
- 5. Полный список белорусских вузов в мировом рейтинге: от первого места до последнего // Onliner [Электронный ресурс]. Режим доступа: <a href="https://people.onliner.by/2014/08/06/rating-2">https://people.onliner.by/2014/08/06/rating-2</a> (дата обращения 08.12.2016).
- 6. По данным самых авторитетных международных рейтинговых агентств БГУ входит в 2 % лучших университетов мира, занимая высокие позиции среди 30 тысяч существующих учреждений высшего образования // Белорусский

государственный университет – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bsu.by/main.aspx?guid=146761 (дата обращения 08.12.2016).

#### References

- 1. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture [Informatsionnaya epokha: ekonomika, obschestvo i kultura]. Moscow, GU VShE, 2000, 608 p.
- 2. Education in the Republic of Belarus (Academic Year 2014/2015) [Obrazovanie v Respublike Belarus (uchebnyy god 2014/2015)]. Available at: <a href="http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-statistik
- 3. Interview: The Amount of Foreign Students Increased 2 Tines during Last 5 Years [*Intervyu: Chislo inostrannykh studentov v Belarusi za 5 let uvelichilos vdvoe*]. Available at: <a href="http://www.edu.gov.by/news-201306">http://www.edu.gov.by/news-201306</a> (accessed 08 December 2016).
- 4. *QS World University Rankings*® *2015/16*. Available at: <a href="http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015">http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015</a> (accessed 08 December 2016).
- 5. Full List of Belarusian Universities in the World Rankings from the First Place to the Last [*Polnyy spisok belorusskikh vuzov v mirovom reytinge: ot pervogo mesta do poslednego*]. Available at: <a href="https://people.onliner.by/2014/08/06/rating-2">https://people.onliner.by/2014/08/06/rating-2</a> (accessed 08 December 2016).
- 6. According to the Most Reputable International Rating Agencies Belarusian State University Is Included in the 2 % of the World's Best Universities, Occupying a High Position among 30 Thousand Existing Institutions of Higher Education [Podannym samykh avtoritetnykh mezhdunarodnykh reytingovykh agentstv BGU vkhodit v 2 % luchshikh universitetov mira, zanimaya vysokie pozitsii sredi 30 tysyach suschestvuyuschikh uchrezhdeniy vysshego obrazovaniya]. Available at: http://www.bsu.by/main.aspx?guid=146761 (accessed 08 December 2016).

УДК 372.881.111.1

# Компенсаторные стратегии как компонент развития коммуникативной компетенции при овладении иностранным языком на раннем этапе<sup>\*</sup>

**Петрова Ирина Юрьевна** — государственное бюджетное общеобразовательное учреждение лицей № 226 Фрунзенского района г. Санкт-Петербурга, учитель иностранного языка, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: minagi@mail.ru

192071 Россия, Санкт-Петербург, ул. Бухарестская д. 33, корп. 6,

тел: 8(812)774-53-56.

#### Авторское резюме

Состояние вопроса: В информационном обществе целью обучения иностранному языку является формирование личности, готовой и способной к межкультурному общению. Это подразумевает формирование коммуникативных компетенций, в отличие от традиционной утвердившейся модели – общение на иностранном языке как на родном.

коммуникативной компетентностью Результаты: Под способность решать средствами языка актуальные задачи общения. Основными компетенциями, необходимыми для реализации межкультурного общения, психосоциальная являются: лингвистическая, социокультурная, Лингвистическая компетенция предполагает знание системы языка; социокультурная – знание особенностей речевого носителей языка, включая историю, поведения культуру психосоциальная компетенция означает умение вступать в коммуникацию с другими людьми, способность ориентироваться в ситуации общения. Наиболее важной представляется компенсаторная компетенция, поскольку она позволяет общение и реализовывать собственные коммуникативные намерения на основе сформированных стратегий восполнения пробелов в знании языка, в речевом и социальном опыте общения в иноязычной среде. Оптимизация методики обучения иностранному языку на раннем этапе в стратегий развития компенсаторных позволяет контексте повысить коммуникативную компетентность в целом.

**Область применения результатов:** Формирование компенсаторной компетенции в процессе обучения иностранному языку позволяет эффективно овладеть языком для дальнейшего использования его как средства коммуникации, обеспечить оптимальный уровень межкультурного общения. Наиболее сензитивным возрастным периодом формирования компенсаторной компетенции выступает ранний этап (дошкольный возраст).

**Выводы:** Информационное общество связано с активизацией различных форм коммуникации, что мотивирует к наращиванию коммуникативных компетенций, в том числе в рамках изучения иностранного языка. Изучение

<sup>\* ©</sup> И. Ю. Петрова, 2016.

иностранного языка не является самоцелью. Необходимо развивать эффективные стратегии коммуникации (компенсаторные стратегии) для достижения должного уровня коммуникации.

**Ключевые слова:** общение; коммуникативная компетенция; коммуникативные затруднения; компенсаторные стратегии; психолингвистика; лингводидактика; ранний возраст.

## Compensatory Strategies as a Component of Communicative Competence When Learning a Foreign Language at an Early Stage

**Petrova Irina Yurievna** – Lyceum number 226, Frunze district of St. Petersburg, the teacher of a foreign language, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: minagi@mail.ru

33, Bucharest st., block 6, Saint Petersburg, 192071, Russia,

tel: +7 (812) 774-53-56.

#### **Abstract**

**Background:** In information society the purpose of learning a foreign language is the formation of the person willing and able to establish cross-cultural communication, which involves the formation of communicative competence, as opposed to the traditional model-established - i. e. communication in a foreign language as their mother tongue.

**Results:** The communicative competence refers to the ability to solve language problems by means of actual communication. The basic competencies needed for the implementation of cross-cultural communication are linguistic, socio-cultural, psychosocial and compensatory. Linguistic competence requires specific knowledge of the language system; social and cultural – i. e. characteristics knowledge of native speaker's verbal behavior, including history, culture and etiquette; psychosocial competence means the ability to start communication with others, the ability to navigate the situation of communication. The most important is the compensatory competence, as it gives the possibility to carry out communication and implement speaker's own communicative intentions based on of the generated strategies to fill gaps in language knowledge, in speech and social experience of communication in a foreign language environment. Optimization methodology of teaching a foreign language at an early stage in the context of compensatory strategies development can improve the communicative competence in general.

**Research applications:** Compensatory competence formation in learning a foreign language allows to master effectively the language for its future use as a means of communication, as well as to ensure the optimum level of cross-cultural communication. The most sensitive age of compensatory competence formation appears to be an early stage (pre-school age).

**Conclusion:** Information society is associated with the activation of various forms of communication, which motivates to acquire communicative skills, with a foreign language studies being included. Learning a foreign language is not an end in

itself. We need to develop effective communication strategies (compensatory strategies) to reach a proper level of communication.

**Keywords:** communication; communicative competence; communication difficulties; compensatory strategies; psycholinguistics; linguodidactics; early age.

В современном информационном обществе активизируются различные формы коммуникации. Особенно значимой становится проблема общения – не только на родном языке, но и на иностранном. В настоящее время целью обучения иностранному языку является формирование личности, готовой и способной к межкультурному общению, что подразумевает формирование коммуникативных компетенций. Под коммуникативной компетентностью понимается способность решать средствами языка актуальные задачи общения, т. е. непосредственно осуществлять коммуникацию [1; 3].

К понятию «коммуникативной компетенции» обращаются не только лингвисты, социолингвисты, психолингвисты, нейролингвисты (Л. Л. Федорова, В. В. Казаковская, В. Н. Овчинников, А. М. Шахнарович, И. М. Румянцева и др.), но также специалисты по когнитивной психологии и общей педагогике, лингводидактике и методике обучения иностранному языку (Н. П. Ерастов, Т. Н. Новожилова, Ю. Г. Елизарова, Л. И. Божович и др.). В методике термин «коммуникативная компетенция» понимается в широком и узком смыслах.

При интерпретации коммуникативной компетенции в широком смысле это понятие, как правило, связывают с проблемой «компетенции носителя языка», которая обнаруживается в знании языка, норм речевого поведения, в эмпирической осведомленности в областях, изучаемых социологией, психологией и психолингвистикой [4]. Более детально компоненты и содержание коммуникативных компетенций применительно к овладению иностранным языком разработал ван Эк [11]. Он выделял следующие:

- 1) собственно лингвистическая владение знаковой системой;
- 2) дискурсивная использование языка в более крупных, чем предложение, объединениях (к числу которых относится диалог);
- 3) прагматическая, или стратегическая владение коммуникативными функциями языка и традициями, регулирующими его использование в целях коммуникации;
- 4) социолингвистическая использование языка в различных функциях и ситуациях, учитывающих, например, социоэкономический статус, гендерную принадлежность собеседников;
- 5) социокультурная знание национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей изучаемого языка, включающих обычаи, этикет, социальные стереотипы, историю и культуру; а также умение пользоваться полученными знаниями в процессе общения;
- 6) социальная, или, точнее, психосоциальная желание и умение вступать в коммуникацию с другими, способность ориентироваться в ситуации общения,

строить высказывание в зависимости от коммуникативного намерения говорящего.

В узком смысле понятие «коммуникативной компетенции» используется работах преимущественно В ПО психолингвистике И психологии (А. М. Шахнарович, И. М. Румянцева, Л. Л. Федорова, В. Н. Овчинников, М. К. Кабардов, Г. С. Васильев). Коммуникативные компетенции в данном аспекте можно рассматривать как способность с помощью системы языка понимать чужие мысли и выражать собственные намерения как в устной, так и в письменной форме, учитывая национально-культурные особенности и прагматически-стратегические цели задачи. Стратегия общения компенсаторной непосредственно связана компетенцией, которая определяется как восполнение пробелов в знании языка, в речевом и социальном опыте общения в иноязычной среде.

Таким образом, обобщив существующие трактовки, уровни понимания, содержание коммуникативных компетенций, можно схематически отразить их компоненты (см. рисунок).



Рисунок – Компоненты коммуникативной компетенции

Компенсаторная компетенция – актуальный и важный компонент речевой коммуникативной компетентности, которая предполагает использование компенсаторных стратегий.

По мнению некоторых исследователей (Р. Эллис, Г. В. Ейгер, И. А. Рапопорт), под компенсаторными стратегиями (далее – КС) следует понимать способы поиска участниками общения выхода из коммуникативных затруднений, когда они не располагают необходимыми речевыми средствами и ищут им соответствующую замену. КС можно рассматривать как эффективное средство обучения иностранному языку.

Общепринятой точкой зрения является целесообразность раннего (дошкольного) обучения иноязычному общению. Между вопрос использования компенсаторных стратегий в обучении детей дошкольного возраста иностранному языку практически не исследован. представляется важным, поскольку ребенок дошкольного возраста испытывает потребность в общении, но не имеет достаточного опыта иноязычного общения, а также языковых средств, и, как результат, большая часть его интенций (намерений) оказывается нереализованной. коммуникативных Следовательно, его необходимо обучать эффективно, использовать минимум

доступных ему языковых средств и, что очень важно, учить преодолевать коммуникативные затруднения. Дошкольный возраст, по мнению современных Р. С. Немов, М. И. Лисина (Л. С. Выготский, др.) сензитивным для развития общения (как на родном, так и иностранном языках). Поэтому с достаточной долей уверенности можно утверждать, что закладывать основы коммуникативной компетентности следует в дошкольном возрасте, а необходимо строить и соответствующие методики. методических публикациях, посвященных обучению детей дошкольного возраста иностранному языку (Н. А. Малкина, О. А. Сафонова, Н. В. Фёдорова), рассматриваются отдельные компоненты коммуникативной компетентности (чаще невербальные), но нет методики развития компенсаторной компетенции ребенка в целом, и использования КС на занятии иностранным языком, в частности [4; 7].

Специально обратим внимание на то, что представляется целесообразным изучать проблему формирования КС на примере старшего дошкольного возраста, поскольку, во-первых, дошкольный возраст является, как уже отмечалось, сензитивным для развития общения, а во-вторых, в этом возрасте происходит подготовка к школьному обучению, целью которого является формирование личности, готовой и способной к межкультурному общению.

Разработка понятия «стратегия», охватывающего понятия «стратегия учения» и «стратегия овладения иностранным языком» началась еще в семидесятых годах XX века, прежде всего за рубежом. Результаты проведенных исследований отражены в работах многих ученых (D. J. Leach, E. C. Raybould, B. K. Keohg, K. Wedell, H. H. Stern, J. Rubin, N. Naiman, M. Frohlich, H. H. Stern, A. Todesco, M.-A. Reiss, L. Wong Fillmore, J. Gaskins, T. T. Elliot и др.). Одним из первых о необходимости мотивировать обучаемых находить вариантные решения при говорении писал ещё в 1949 году чешский исследователь Ф. Малирж. Й. Веселы развил идеи Малиржа и подробно разработал проблему компенсации языкового дефицита при обучении устной и письменной речи на русском языке в чешской школе. В сборнике педагогических мыслей Й. Веселы называл средства преодоления коммуникативных затруднений «компенсаторными выражениями» [10; 11].

Как отмечает А. А. Залевская, на сегодняшний день нет единого мнения касательно классификации стратегий. В психолингвистике под стратегией (в общем виде) понимают «некоторый способ приобретения, сохранения и использования информации, служащей достижению определенных целей» [3]. Большинство авторов, как в нашей стране, так и за рубежом, выделяют стратегии пользования языком и стратегии овладения языком [11].

Стратегии пользования языком определяются (Р. Оксфорд, Р. Эллис) как специфические способы переработки информации, которые усиливают понимание, усвоение и сохранение информации [1; 9].

Под стратегиями овладения языком принято понимать попытки использовать имеющиеся знания с минимальными усилиями (Е. Тарон, Р. Эллис). Стратегии овладения языком, в свою очередь, делятся на две группы: стратегии планирования и корректирования, которые связаны с успешным

ходом процесса производства речи, и коммуникативные стратегии. КС понимаются в психолингвистике как различные способы поиска обучаемым выхода из положения, когда он не располагает необходимыми языковыми средствами и ищет им замену [1; 3]. Отечественными исследователями принята американская модель классификации КС (Р. Эллис) как наиболее полная [3].

компенсаторных стратегий Р. Эллис предлагает неязыковые и языковые КС. К неязыковым КС относят жесты, мимику, (И. Н. Горелов, Российские исследователи А. А. Леонтьев, движения. Г. В. Колшанский) указывали, что жесты и мимика являются основными невербальными средствами общения, за счёт них осуществляется значительная коммуникации. Важность неязыковых стратегий подчёркивают разработчики педагогических методик. Существует ряд публикаций (Н. А. Малкина, О. А. Сафонова, Н. В. Фёдорова), в которых освещается роль невербальных средств общения в обучении дошкольников иностранному языку. Так, Н. В. Фёдорова приходит к выводу, верность которого подтверждается практическим наблюдением: невербальная часть высказывания говорит не только об эмоциях и настроениях, но и замещает слова и высказывания в определенных ситуациях общения [7].

По обозначенной классификации Р. Эллиса, языковые КС разделяются на кооперативные и некооперативные КС. Кооперативные КС подразумевают обращение за помощью к окружающим для преодоления коммуникативных затруднений. Кооперативные КС МОГУТ быть прямые Некооперативные языковые КС означают переключение кодов, подгонку под формы иностранного языка, перифраз. Отдельно стоит обратить внимание на апроксимацию. Под ней понимается использование лексической единицы или конструкции, о которой говорящий знает, что она неверна, но имеет достаточно общих с искомой единицей семантических признаков, чтобы удовлетворить задачи общения – на практике это воплощается в словотворчестве (например, слово ріре используется вместо waterpipe, или airball вместо balloon), т. е. «изобретается» какое-то новое слово для передачи желаемого понятия; осуществляется подмена описанием, т. е. говорящий описывает определенные свойства, признаки, элементы некоторого объекта или действия вместо слова или структуры, буквальный перевод использования нужного переструктурирование высказывания [1]. Перечисленные КС в разной мере привлекают внимание исследователей.

Работу Г. В. Ейгера и И. А. Рапопорта «Язык и личность» [2], в которой авторы указывают на необходимость выделения новой предметной области в методике обучения неродному языку — стратегий речевого поведения, изучающих язык, можно считать «поворотным пунктом» в российской лингводидактике. В отечественной научно-методической литературе термин «коммуникативные стратегии» закреплен за ситуацией преодоления коммуникативных затруднений, его нельзя распространять на говорение в целом или сводить только к компенсационным приемам.

Целесообразно обратиться к исследованиям проблемы преодоления коммуникативных затруднений обучаемых дошкольного возраста в рамках

онтолингвистики (лингвистики детской речи). В таком контексте становление коммуникативных компетенций дошкольников изучается применительно к овладению родным языком. Специалисты В области детской (С. Н. Цейтлин, Т. А. Круглякова) обращают внимание на то, что ребенок копирует стратегии взрослого (чаще матери) и на этапе становления использует как неязыковые, так и языковые КС. При этом неязыковые КС являются первичными и проявляются уже на доречевом этапе развития ребенка. Указанные исследователи также отмечают, что дети дошкольного возраста демонстрируют разнообразие неязыковых КС (жесты, гримасы, движения), применяемых неосознанно, и языковых КС (просят взрослого пояснить нечто постороннему человеку, активно используют словотворчество, перефразируют своё высказывание) [7]. Неязыковые стратегии являются первичными в основании чего можно заключить, при обучении иностранном (английском) дошкольников общению на языке следует учитывать то, что первичными являются именно неязыковые КС.

Обучаемые используют те стратегии, которые демонстрировал обучающий (учитель, игровой персонаж), следовательно, для того, чтобы разнообразить перечень неязыковых КС детей дошкольного возраста, обучающий сам должен демонстрировать КС.

Из языковых некооперативных КС дошкольники чаще всего используют смешивание двух языков или переход на родной язык. Обе эти стратегии нарушают естественность общения, и их следует пресекать, методично формировать неприятие таких стратегий общения.

Как показали наблюдения, кооперативные КС представляются сложными для детей дошкольного возраста — они либо не сигнализируют обучающему о затруднении, либо ожидают от него помощи. Дошкольники не могут (не умеют, не имеют навыка) обратиться за помощью на иностранном языке и этот момент необходимо учесть при выборе оптимальных педагогических технологий.

В развитии коммуникативной, а, значит, и компенсаторной компетенции главенствующую роль играет общение как таковое. Прежде всего, ребенок общается с близким взрослым, который даёт ему некий образец общения, ведет и направляет его. Позже круг его общения расширяется, речь и формы взаимодействия с людьми меняются, обогащаются способы общения. Как В. В. Казаковская, коммуникативная компетенция выражается в диалоге со взрослым: умение вступить в диалог, поддержать диалог, закончить диалог, дать ответную реплику, адекватно использовать доступные средства общения, а в условиях их дефицита – использовать КС. Из этого следует, что оптимальным является построение занятия по иностранному языку с включением ситуаций общения. «Ситуация» является формой функционирования общения, единицей общения. Н. А. Малкина и Е. И. Пассов выделяют несколько типов ситуаций: игровые, реальные, нереальные, и т. д. [5]. При обучении дошкольников необходимо говорить о ситуации игрового общения. Важными условиями создания ситуации игрового общения являются игрового персонажа участника общения наличие как наличие затруднения. Выделяют коммуникативного определенные группы

коммуникативных затруднений. Первая связана с непониманием обучаемым реплики-стимула обучающего (игрового персонажа) на иностранном языке. Вторая связана с отсутствием реакции обучаемого на реплику-стимул (ребенок молчит или не выполняет требуемое действие). Основная причина таких затруднений типична — нехватка языковых средств у ребенка (ребенок не знает или забыл слово) [5]. В такой ситуации преимущественными средствами общения могут выступать невербальные — главным образом, жесты. Жесты, использующиеся на занятии для семантизации лексики, в ситуации игрового общения выполняют функцию средства преодоления коммуникативного затруднения. И если при традиционном построении занятия жесты выполняют вспомогательную функцию, то при коммуникативном построении занятия они становятся КС, что позволяет развивать коммуникативную компетенцию в целом.

Перспективы исследования и развития КС связаны с применением виртуальных ресурсов. По убеждению некоторых современных исследователей, виртуальное общение становится все более весомым в структуре коммуникативных связей – соцсети, мессенджеры и т. п. [6]. Интернет-средства общения, с одной стороны, помогают снизить психологический барьер, организовать управляемую и контролируемую самопрезентацию, с другой – позволяют установить коммуникацию даже не применяя ни вербальные, ни невербальные стратегии (например, функции «Like» и «Share») [6, с. 99–102].

Еще более техничным и лаконичным современным изобретением для передачи информации, эмоций, настроения, желаний становятся так называемые «модзи». Оценить положительные и отрицательные стороны виртуальных средств общения в овладении иностранным языком и формировании компенсаторной компетенции чрезвычайно интересно.

Коммуникативный подход к обучению иностранным языкам необходимо развивать на всех этапах и при любых формах образования, систематически и планомерно. В этом случае обучающимся не придется «учить» иностранный язык, а они эффективно будут «овладевать» им, что позволит использовать язык не как самоцель обучения, а как средство общения, чем он, по сути, и является.

# Список литературы

- 1. Горлова Н. А. Методика обучения иностранному языку дошкольников как система, реализующая личностный подход // Иностранные языки в школе. -2001. № 3. С. 34–37.
- 2. Ейгер Г. В., Рапопорт И. А. Язык и личность: Учебное пособие. Харьков: ХГУ, 1991. 79 с.
  - 3. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 2007. 643 с.
- 4. Коростелёв В. С., Пассов Е. И., Кузовлёв В. П. Принципы создания системы коммуникативного обучения иноязычной культуре // Иностранные языки в школе, 1988. № 2. C. 40–46.

- 5. Малкина Н. А. Коммуникативные трудности на занятии английским языком и пути их преодоления // Раннее обучение английскому языку: теория и практика. СПб.: Детство-Пресс, 2004. С. 49—64.
- 6. Пекарникова М. М. Генерирование индивидуального виртуального пространства: психологический аспект // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. Санкт-Петербург. 2014. № 1 (3). С. 95–104. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <a href="http://fikio.ru/?p=969">http://fikio.ru/?p=969</a> (дата обращения 18.12.2016).
- 7. Фёдорова Н. В. Невербальные средства общения в деятельности учителя: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук. М., 1995. 16 с.
- 8. Щепилова А. В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному: учеб. пос. для студентов вузов. М.: Владос, 2005. 245 с.
- 9. Яковлева Л. Н. Проблема межкультурной коммуникации в процессе изучения второго иностранного языка // Центр развития межличностных коммуникаций. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <a href="http://www.ruscenter.ru/22.html">http://www.ruscenter.ru/22.html</a> (дата обращения 18.03.2013).
- 10. Girard D., Trim J. L. M. (Eds.) Project no. 12. Learning and Teaching Modern Languages for Communication: Final Report of the Project Group (Activities 1982–87). Strasbourg: Council of Europe, 1988. 115 p.
- 11. Van Ek J. A. Objectives for Foreign Language Learning. Vol. II. Levels. Strasbourg: Council of Europe, 1987. 99 p.

#### References

- 1. Gorlova N. A. Technique of Teaching a Foreign Language for Preschool Children as the System Realizing Personal Approach [Metodika obucheniya inostrannomu yazyku doshkolnikov kak sistema, realizuyuschaya lichnostnyy podkhod]. *Inostrannye yazyki v shkole* (Foreign Languages at School), 2001, № 3, pp. 34–37.
- 2. Eyger G. V., Rapoport I. A. Language and Personality [*Yazyk i lichnost*]. Kharkov, KhGU, 1991, 79 p.
- 3. Zalevskaya A. A. Introduction in Psycholinguistics [Vvedenie v psikholingvistiku]. Moscow, RGGU, 2007, 643 p.
- 4. Korostelev V. S., Passov E. I., Kuzovlev V. P. The Principles of Creation of System of Communicative Training in Foreign-Language Culture [Printsipy sozdaniya sistemy kommunikativnogo obucheniya inoyazychnoy culture]. *Inostrannye yazyki v shkole* (Foreign Languages at School), 1988, № 2, pp. 40–46.
- 5. Malkina N. A. Communicative Difficulties on Occupation English and Ways of Their Overcoming [Kommunikativnye trudnosti na zanyatii angliyskim yazykom i puti ikh preodoleniya]. *Rannee obuchenie angliyskomu yazyku: teoriya i praktika* (Early Training in English: Theory and Practice). Saint Petersburg, Detstvo-Press, 2004, pp. 49–64.
- 6. Pekarnikova M. M. Generating Individual Virtual Space: The Psychological Aspect [Generirovanie individualnogo virtualnogo prostranstva: psikhologicheskiy

aspect]. *Filosofija i gumanitarnyie nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2014, № 1, pp. 95–104. Available at: <a href="http://fikio.ru/?p=969">http://fikio.ru/?p=969</a> (accessed 18 December 2016).

- 7. Fedorova N. V. Nonverbal Means of Communication in Activity of the Teacher: Abstract of the Ph. D. Degree Thesis in Pedagogical Sciences [Neverbalnye sredstva obscheniya v deyatelnosti uchitelya: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk]. Moscow, 1995, 16 p.
- 8. Schepilova A. V. Theory and Technique of Training in French as the Second Foreign Language [*Teoriya i metodika obucheniya frantsuzskomu yazyku kak vtoromu inostrannomu*]. Moscow, Vlados, 2005, 245 p.
- 9. Yakovleva L. N. A Problem of Cross-Cultural Communication in the Course of Studying of the Second Foreign Language [*Problema mezhkulturnoy kommunikatsii v protsesse izucheniya vtorogo inostrannogo yazyka*]. Available at: <a href="http://www.ruscenter.ru/22.html">http://www.ruscenter.ru/22.html</a> (accessed 18 March 2013).
- 10. Girard D., Trim J. L. M. (Eds.) Project no. 12. Learning and Teaching Modern Languages for Communication: Final Report of the Project Group (Activities 1982–87). Strasbourg, Council of Europe, 1988, 115 p.
- 11. Van Ek J. A. Objectives for Foreign Language Learning. Vol. II. Levels. Strasbourg, Council of Europe, 1987, 99 p.

#### $\Psi$ илософия и гуминитирные ниуки в информиционном обществе, 2010, 512 +(1+) — www.jikio.ru

## ИСТОРИЯ

УДК 94

# Современная оценка феномена массовых политических репрессий 1937–1938 годов на Черноморском флоте<sup>\*</sup>

**Горохов Вячеслав Витальевич** — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Михайловская военная артиллерийская академия», кафедра физической подготовки, начальник кафедры, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: gorohov\_babr@mail.ru 195009, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, 22, тел: 8(911)2203297.

#### Авторское резюме

Состояние вопроса: Существуют разные исторические оценки эпохи массовых политических репрессий в СССР. Установление истины требует продолжения конкретных исторических исследований – в том числе по вопросу о влиянии этих репрессий на состояние и боеготовность Рабоче-крестьянской Красной армии.

Результаты: Исследования показывают, что в 1937–1938 годах из состава Черноморского флота были уволены 1040 человек командно-начальствующего состава, из них 81 человек приговорены к расстрелу. Репрессии среди личного состава ЧФ и возникшие негативные настроения среди моряков имели своим следствием общее падение дисциплины и ослабление требовательности со стороны командиров и начальников. В итоге, в конце 1930-х годов было зафиксировано неуклонное увеличение количества дисциплинарных проступков в Морских Силах РККА, и не только среди краснофлотцев и старшин, но и среди командиров и политработников. Среди наиболее распространенных проступков были: пререкания и грубость, самовольные отлучки, нарушение правил несения службы в карауле.

Выводы: Массовые политические репрессии исключительно отрицательно повлияли на состояние таких основных компонентов боевой способности сил флота, как организованность и воинская дисциплина, морально-боевые качества личного состава. Стереотипы поведения в период политической чистки командно-начальствующего состава аккумулировались в устойчивые способствующие дезорганизации службы войск, тенденции, росту происшествий, снижению морально-боевых качеств, падению уровня организованности и воинской дисциплины.

<sup>\* ©</sup> В. В. Горохов, 2016.

**Ключевые слова**: Черноморский флот; политические репрессии; командный состав; оперативная подготовка штабов; НКВД.

# Modern Assessment of Mass Political Repressions within the Black Sea Fleet in 1937–1938

**Vyacheslav Vitalievich Gorokhov -** Mikhailov Military Artillery Academy, Department of Physical Training, Head of the Department, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: gorohov\_babr@mail.ru

22, Komsomol St., St. Petersburg, Russia, 195009,

tel: 8 (911) 2203297.

#### **Abstract**

**Background:** There are various historical assessments of the period of mass political repressions in the USSR. The truth requires the continuation of specific historical research, including the impact of those repressions on the conditions and preparedness of the Workers' and Peasants' Red Army.

**Results:** The studies have shown that 1040 commanders and senior officers were dismissed from the Black Sea Fleet during 1937–1938, with 81 people being sentenced to death. Repressions among military personnel of the BSF resulted in negative sentiments among the marines and, as a consequence, in general violation of discipline and weakening of commanders' exactingness. As a result, in the late 1930s disciplinary offenses increased in the Navy of the Workers' and Peasants' Red Army, and not only among marines and petty officers, but also among the commanders and political workers. Bickering and rudeness, unwarranted absence, violation of duties being on guard were among the most common offenses.

**Conclusion:** Mass political repressions had a negative impact on the main components of the Navy combatant value, such as the organization and military discipline, morale and combat effectiveness of personnel. Behavior patterns in the period of political repressions of commanders and senior officers accumulated in sustainable trends, which contributed to the disruption of the military service, increased incidents, lower morale and combat qualities, the decline in the level of organization and military discipline.

**Key words:** Black Sea Fleet; political repressions; commanders; operational training of staffs; the NKVD.

Тема массовых политических репрессий в Советском Союзе накануне Второй мировой войны привлекает внимание не только историков, но и политологов, социологов и философов. В широком смысле репрессии трактуются как наказание, карательная мера, применяемая государственными органами с целью защиты и сохранения существующего строя. Любые политические репрессии являются проявлением политического насилия [см.: 1, с. 31, 54–55]. Как указывает российский исследователь М. Г. Степанов, политические репрессии по своей природе «являются порождением

неправового государства, служат неправовым целям и являются составляющим компонентом "закрытого общества" любого тоталитарного политического режима. Выступая в качестве инструмента текущей политики, они регулируются исключительно интересами правящего режима и могут быть внезапно востребованы и так же внезапно отменены» [2, с. 205].

В современном российском законодательстве политическими репрессиями, согласно Закону России № 1761-1 «О реабилитации жертв политических 18.10.1991 OT признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или ИХ органами, наделявшимися административными полномочиями [3].

Взятый сталинским руководством второй половине 1920-годов BO внутриполитический курс на форсированные темпы создания крупного индустриального государства требовал жесткой централизации управления. Трудности просчеты строительстве экономическом привели абсолютизации насильственных методов управлении государством. Значительную роль в этом сыграли субъективные факторы. Господство одной политической партии, которая боролась с оппозиционными силами, привело в конечном счете к подавлению любого инакомыслия в государстве и в обществе.

После окончания гражданской войны идеология гражданского мира так и не утвердилась в сознании людей, искусственное разжигание классовой борьбы в обществе стало в СССР частью внутренней политики. Ставка на насильственные методы в процессе коренных преобразований в стране, широкое использование карательных органов подкреплялось ужесточением уголовного законодательства, отступлением от цивилизованных норм судопроизводства, применением внесудебных органов для осуществления репрессий.

В постсоветской отечественной историографии политические репрессии в СССР рассматриваются как феномен противоправного характера, включенный в систему политического режима периода диктатуры И. В. Сталина. При этом выделяется целый спектр причин перехода к активному использованию репрессивного механизма во внутренней политике государства. К этим причинам можно отнести, прежде всего, следующие: политические (внутрипартийная борьба в связи с отсутствием единства по вопросам строительства нового общества; наличие капиталистического окружения и

необходимость ликвидировать так называемую «пятую колонну»; укрепление дисциплины в партийном, государственном и хозяйственном управленческом аппарате; подавление местнических настроений и обеспечение абсолютной власти центра над периферией); экономические (создание стимулов общественно полезному труду через систему прямого принуждения; отсутствие поддержки большинства населения в методах проведения преобразований в промышленности и сельском хозяйстве; экономические трудности, проблемы развития государства и необходимость, наряду с принятием экстренных мер по борьбе с экономическими преступлениями, продемонстрировать народу «виновных» в провалах и сбоях экономической политики); социальные (перестройка общества, направленная на разрыв межличностных связей; непонимание большей частью населения проводимых социальных преобразований); идеологические (направленность марксистской идеологии на беспощадное подавление эксплуататорских классов).

Феномен советских государственных репрессий являлся постоянно действующим фактором внутренней и внешней политики тех лет.

Министерством внутренних дел СССР в конце 1953 г. была подготовлена справка, в которой на основе статистической отчетности 1-го спецотдела МВД СССР называлось число осуждённых за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления за период с 1 января 1921 г. по 1 июля 1953 г. – 4 060 306 человек [см.: 4, с. 92]. Общая цифра слагалась из 3 777 380 осужденных за контрреволюционные преступления и 282 926 – за другие особо опасные государственные преступления. Последние были осуждены не по 58-й, а по другим приравненным к ней статьям; прежде всего по пп. 2 и 3 ст. 59 (особо опасный бандитизм) и ст. 193-24 (военный шпионаж).

Согласно статистическим сведениям данной справки, за 4,5 предвоенных года (с 1937 г. по середину 1941 г.) за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления были осуждены 1 516 521 человек, при этом 689 898 человек, или 45,5 % осужденных, были приговорены к расстрелу; в военные годы (с середины 1941 г. по 1945 г.) за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления были осуждены 438 909 человек, при этом 38 144 человек, или 8,7 % осужденных, были приговорены к расстрелу.

Таким образом, количество осужденных за политические преступления в предвоенный период превышало количество осужденных преступления в годы войны в 4 раза, при этом в предвоенный период расстреливали в 18 раз больше, чем в годы войны. Характерной особенностью предвоенного периода является то, что к высшей мере наказания был приговорен практически каждый второй осужденный, тогда как в годы войны – 1 из 18 осужденных. В годы «большого террора» (1937–1938 гг.) общее число осужденных за политические преступления превышало 790 тысяч в год, а количество расстрелянных составляло до 60 % осужденных; в 1937 г. было приговорено к расстрелу в 9 раз больше, чем за все военные годы. Это является свидетельством политики геноцида, проводимого тоталитарным политическим режимом против собственного народа в предвоенный период.

Российский историк А. Н. Медушевский называет «Большой террор» «ключевым инструментом сталинской социальной инженерии». По его словам, существует несколько различных подходов к интерпретации сущности «Большого террора», истоков замысла массовых репрессий, влияния различных факторов и институциональной основы террора. «Единственное, – пишет он, – что, по-видимому, не вызывает сомнений, – это определяющая роль самого Сталина и главного карательного ведомства страны – ГУГБ НКВД в организации массовых репрессий» [5].

В ходе массовых политических репрессий 1937—1938 гг. значительные потери понес командно-начальствующий состав армии и флота: до 33 458 командиров были изгнаны из Красной армии по политическому недоверию, значительная часть из них — 11 022 человека подверглась арестам органами НКВД [6, л. 4]. Причинами увольнения по политическим мотивам в предвоенный период являлись: наличие в прошлом связей с политической оппозицией или с теми, кто был объявлен «врагами народа», служба в белых армиях, наличие несоветской национальности или родственников за границей. Из общего числа уволенных подверглись арестам по обвинению в политических преступлениях — до 16 тысяч человек, более половины из них были потеряны для вооруженных сил на длительный срок.

По данным Архива Военной коллегии Верховного суда СССР за контрреволюционные преступления были осуждены лица высшего, старшего, среднего и младшего командного и начальствующего составов, а также рядового состава по годам:  $1936 \, \Gamma. - 925 \, \text{человек}$ ,  $1937 \, \Gamma. - 4079$ ,  $1938 \, \Gamma. - 3132$ ,  $1939 \, \Gamma. - 1099 \, \mu$   $1940 \, \Gamma. - 1603 \, \text{человекa}$ .

В ходе массовых политических репрессий Красная армия потеряла около 65 % высшего командного состава: из числа «красного генералитета» были уволены 715 человек, из них арестованы 499 человек [6, л. 12]. Из 85 высших руководителей армии и флота, входивших в Военный Совет при наркоме обороны, были подвергнуты в 1937–1938 гг. репрессиям 76 человек, при этом 71 был потерян безвозвратно (расстреляны и погибли в местах лишения свободы). Всего же количество уничтоженных представителей высшего командно-начальствующего состава РККА в 1936–1941 гг. 802 человека. Цифра значительная по сравнению с боевыми потерями советского генералитета за годы Великой Отечественной войны – 293 человека.

Неслучайно проблема «большого террора» в вооруженных силах СССР в 1937—1938 гг. представляет интерес для более глубокого понимания эволюции военного дела в России. Отдельной темой отечественной историографии является изучение как явления процесса политических репрессий в РККА во второй половине 1930-х годов, так и влияния их последствий на все отрасли военного строительства. Особую значимость приобретает изучение влияния внутриполитических событий на состояние обороноспособности государства в военных округах и на флотах накануне Второй мировой войны. Одним из таких флотов являлся Черноморский флот.

Исследование массовых политических репрессий 1937–1938 гг. на ЧФ в рамках отдельно взятого стратегического формирования ВМС позволяет более

детально изучить ход процесса политической чистки в армии и на флоте накануне Второй мировой войны, объективно оценить масштабы потерь в ходе репрессий и доказать пагубность их влияния на боеспособность сил флота.

Проведенное исследование показывает, что в 1937–1938 гг. на ЧФ были уволены по политическим мотивам 1040 командиров (начальников), которые по категориям воинских званий распределяются следующим образом: высший командно-начальствующий состав — 29 чел.; старший командно-начальствующий состав — 443 чел.; средний командно-начальствующий состав — 536 чел.; без воинского звания — 32 чел.

Таким образом, почти весь высший состав флота и значительная часть старшего командно-начальствующего были в 1937–1938 гг. по политическому недоверию уволены в запас. Судьба изгнанных с флота командиров и начальников сложилась по-разному. Около трети из них (287 человек) были НКВД, причем 141 человек был арестованы органами контрреволюционные преступления (приговорен к расстрелу 81 человек, к различным срокам пребывания в исправительно-трудовых лагерях и тюрьмах – 60 человек). В результате арестов и увольнений по политическим причинам многие структурные единицы ЧФ оказались фактически обезглавленными [7, c. 215].

Среди репрессированного высшего командно-начальствующего состава ЧФ оказались: командующий флотом флагман флота 2 ранга И. К. Кожанов, член Военного совета ЧФ армейский комиссар 2 ранга Г. И. Гугин, сменивший его дивизионный комиссар С. И. Земсков, а затем и дивизионный комиссар Ф. С. Мезенцев, начальник политуправления ЧФ дивизионный комиссар П. М. Фельдман и его заместитель дивизионный комиссар И. А. Мустафин, командир Севастопольского главного военного порта дивизионный интендант К. И. Гурьев, помощник командующего ЧΦ дивизионный командир укрепрайона комбриг М. Ф. Киселев, П. И. Курков, начальник политотдела бригады крейсеров бригадный комиссар М. М. Субоцкий, военный прокурор ЧФ бригвоенюрист П. С. Войтеко, начальник гидрографической службы ЧФ капитан 1 ранга М. А. Доминиковский, командир линкора «Парижская Коммуна» капитан 1 ранга А. Я. Пуга, начальник курсов комсостава ЧФ капитан 1 ранга С. И. Тиличеев. Все они были расстреляны [8, c. 375; 376; 396]. Некоторые представители высшего начальствующего состава ЧФ были осуждены к длительным срокам лишения свободы, например, командир 1-й бригады подводных лодок флагман 2 ранга Г. В. Васильев.

Репрессии среди личного состава ЧФ и возникшие негативные настроения среди моряков имели своим следствием общее падение дисциплины и ослабление требовательности со стороны командиров и начальников. В итоге, в конце 1930-х годов было зафиксировано неуклонное увеличение количества дисциплинарных проступков в Морских Силах РККА, и не только среди краснофлотцев и старшин, но и среди командиров и политработников. Среди наиболее распространенных проступков были: пререкания и грубость, самовольные отлучки, нарушение правил несения службы в карауле.

Особенностью последствий массовых политических репрессий командноначальствующего состава ЧФ являлись распространение пьянства и венерических заболеваний.

Следовательно, период политических репрессий 1937–1938 гг. характеризуется значительным падением уровня организованности и воинской дисциплины на Черноморском флоте, их последствия оказали исключительно отрицательное влияние на морально-боевые качества личного состава, как и на состояние основных компонентов боевой способности сил флота, который в сложный исторический период являлся форпостом на юге страны.

Репрессии 1937–1938 годов обострили проблему нехватки командноначальствующего состава. Первопричиной кадрового дефицита они не были, но оказали своё существенное влияние на полноту и качество укомплектованности сил флота. В это время шло формирование большого числа новых соединений флота, требовавших новых командиров. Возможности военно-морских учебных заведений, а также краткосрочных курсов младших лейтенантов были использованы командованием флота полностью, но они не могли обеспечить увеличивавшиеся потребности ЧФ в командно-начальствующем составе. Кадровый состав флота после волны политических репрессий претерпел качественные изменения. Многие молодые командиры заняли должности на 1— 2 ступени выше своего должностного предназначения, но при этом не проявляли достаточного усердия и примерности в службе.

Текущий некомплект командных кадров регулярно не покрывался и переносился на будущее. Большие потребности ВМФ в командирах также объяснялись слабо подготовленным младшим командным составом, который не мог полноценно выполнять свои обязанности. Оставляло желать лучшего и качество подготовки части командно-начальствующего состава флота, не обладавшего для этого необходимыми данными. В силу сложившихся обстоятельств многие вновь назначенные командиры соединений и начальники штабов не имели необходимого опыта службы и образования, не вполне соответствовали своим должностям. Ситуация усугублялась непродуманными и частыми перемещениями лиц командного состава на вышестоящие должности.

Несмотря увеличивающееся постепенно количество вооружения и техники, уровень боеспособности сил ЧФ снижался весь период репрессий. Однако в ходе развернутой кампании по очистке флотских рядов от «врагов народа», «вредителей» и «шпионов» боевая подготовка морских соединений и частей постепенно сместилась на второй план. Командный состав не спешил проявлять инициативу, проявлять профессиональное мастерство, поскольку любое происшествие в ходе боевой учебы (авария самолета, посадка корабля на мель или травма у личного состава) воспринималось как умышленное действие. Значительное число опытных моряков, призванных руководить боевой подготовкой и лично обучать подчиненных, оказались вне флота (были уволены или арестованы органами НКВД по подозрению в совершении политических преступлений). Командно-начальствующий состав флота не представлял собой монолитную массу товарищей по службе, во распространились флотских коллективах подозрительность,

неуверенность за свою судьбу и судьбу своих близких, увеличилось доносительство.

Политические репрессии застигли ЧФ как и все другие флоты ВМС в период их интенсивного развертывания. Увеличивалось число управлений, штабов, учреждений, частей, но количества подготовленного командного и начальствующего состава, особенно старшего и высшего звена, явно не хватало. При сохранении кадров, подвергшихся репрессиям в те годы, командного состава было бы достаточно для укомплектования вновь создаваемых воинских частей на флоте — даже с учетом напряженной международной обстановки и возможных угроз со стороны военно-морских сил Германии, Италии и других капиталистических государств.

Следует признать, что массовые политические репрессии исключительно отрицательно повлияли на состояние таких основных компонентов боевой способности сил флота, как организованность и воинская дисциплина, морально-боевые качества личного состава. Стереотипы поведения в период политической чистки командно-начальствующего состава аккумулировались в устойчивые тенденции, способствующие дезорганизации службы войск, росту происшествий, снижению морально-боевых качеств, падению уровня организованности и воинской дисциплины [9].

### Список литературы

- 1. Дмитриев А. В., Залысин И. Ю. Насилие: социополитический анализ. М.: РОССПЭН, 2000. 328 с.
- 2. Степанов М. Г. Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 гг.): взгляд советской и постсоветской историографии. Абакан: ХРИПК И ПРО, 2009. 238 с.
- 3. Закон Российской Федерации № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года (с изменениями и дополнениями на 10.09.2004).
- 4. Земсков В. Н. О масштабах политических репрессий в СССР // Мир и Политика. № 6 (33). -2009. С. 89–105.
- 5. Медушевский А. Н. Сталинизм как модель // Вестник Европы. 2011. Т. XXX. – С. 147–168.
- 6. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37837, Оп. 18, Д. 749.
- 7. Черушев Н. С. Удар по своим. Красная армия 1938—1941. М.: Вече,  $2003.-480~\mathrm{c}.$ 
  - 8. Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М.: Терра, 1998. 528 с.
- 9. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. Р-886, Оп. 1, Д. 738.

#### References

- 1. Dmitriev A. V., Zalysin I. Yu. Violence: Social and Political Analysis [Nasilie: sotsiopoliticheskiy analiz]. Moscow, ROSSPEN, 2000, 328 p.
  - 2. Stepanov M. G. Political Repressions in the USSR in the Period of Stalin's

Dictatorship (1928–1953 years): The View of Soviet and Post-Soviet Historiography [*Politicheskie repressii v SSSR perioda stalinskoy diktatury (1928–1953 gg.): vzglyad sovetskoy i postsovetskoy istoriografii*]. Abakan, KhRIPK I PRO, 2009, 238 p.

- 3. The Law of the Russian Federation "On Rehabilitation of Victims of Political Repression" № 1761-1, October 18, 1991 (With the Changes and Additions on September 10, 2004) [Zakon Rossiyskoy Federatsii № 1761-1 "O reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy" ot 18 oktyabrya 1991 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami na 10.09.2004)].
- 4. Zemskov V. N. On the Scales of Political Repressions in the USSR [O masshtabakh politicheskikh repressiy v SSSR]. *Mir i Politika* (World and Politics), № 6 (33), 2009, pp. 89–105.
- 5. Medushevskiy A. N. Stalinism as a Model [Stalinizm kak model]. *Vestnik Evropy* (Herald of Europe), 2011, Vol. XXX, pp. 147–168.
- 6. Russian State Military Archive [Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyy arkhiv]. F. 37837, Op. 18, D. 749.
- 7. Cherushev N. S. Blow on Their Own. The Red Army 1938–1941 [*Udar po svoim. Krasnaya armiya 1938–1941*]. Moscow, Veche, 2003, 480 p.
- 8. Suvenirov O. F. The Tragedy of the Workers' and Peasants' Red Army 1937–1938 [*Tragediya RKKA 1937–1938*]. Moscow, Terra, 1998, 528 p.
- 9. Russian State Naval Archive [Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv Voenno-Morskogo Flota]. F. R-886, Op. 1, D. 738.

# ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

УДК 159.91; 159.98; 612.821

# Психофизиологический подход В. С. Дерябина к изучению вопросов прикладной психологии

Забродин Олег Николаевич – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Первый Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения Российской кафедра анестезиологии и реаниматологии, старший научный сотрудник, доктор медицинских наук.

E-mail:ozabrodin@yandex.ru

197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 6–8,

тел.: 8 950 030 48 92

### Авторское резюме

Предмет исследования: Обзор и анализ исследований В. С. Дерябина 20-40-хх гг. XX в. области медицинской, военной психологий и психологии труда ученого.

**Результаты:** Выполненные В. С. Дерябиным в середине 20-х гг. XX в. исследования психических нарушений у больных эпидемическим энцефалитом привели его к убеждению о важной роли аффективности (чувств, влечений и эмоций) в психической деятельности и поведении человека. С этих позиций он подошел в 1926 г. к написанию статьи «Задачи и возможности психотехники в военном деле». Главный вывод этой работы: в военной психотехнике оценка качеств военнослужащих только на основании показателей интеллекта недостаточной представляется И необходима разработка экспериментальных условиях эмоционально-волевой сферы, в влияния испуга на скорость психических и двигательных реакций. В отличие от традиционного мнения психологов, что психофизиологические показатели (темперамент, тип высшей нервной деятельности, конституция) не относятся к характеристике личности, В. С. Дерябин на примере воспоминаний об учителе – И. П. Павлове – показал значение этих показателей для творческой личности ученого.

Выводы: В. С. Дерябин в своих приоритетных работах в области прикладной психологии реализовал психофизиологический метод исследования и показал ведущее значение аффективности (чувств, влечений, эмоций) для психической деятельности и двигательных реакций.

Ключевые слова: прикладная психология; психофизиологический анализ;

<sup>\* ©</sup> О. Н. Забродин, 2016.

аффективность.

# The Psycho-Physiological Approach of V. S. Deryabin to the Study of Applied Psychology

**Zabrodin Oleg Nikolaevich** – The First Saint Petersburg State Medical University Named after Academician Pavlov, Ministry of Public Health of Russian Federation, Anesthesiology and Resuscitation Department, senior collaborator, Doctor of Medical Sciences, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: ozabrodin@yandex.ru 6–8 Lew Tolstoy st., Saint Petersburg, 193232, Russia, tel: +7 950 030 48 92.

#### **Abstract**

**Subject of research:** A review and analysis of V. S. Deryabin's research in the 1920-1940s in the field of medical, military and occupational psychology of the scientist.

Results: In the middle of the 1920s V. S. Deryabin conducted the study of mental disorders of patients suffering from epidemic encephalitis. These investigations led him to the conviction that affectivity (feelings, inclinations and emotions) plays an important role in mental activity and human behavior. Using the data obtained, he wrote the article "Challenges and opportunities of psychotechnique in military affairs" in 1926. He drew to the conclusion that in military psychotechnique the evaluation of servicemen's qualities only on the basis of IQs seemed to be insufficient. The development and assessment of emotional-volitional sphere and the effects of fear on the speed of mental and motor responses, in particular, were required under experimental conditions. The traditional view of psychologists consists in negation of psychophysiological parameters (temperament, type of higher nervous activity, constitution) in the characteristics of the individual. V. S. Deryabin, on the basis of the memoirs about his teacher – I. P. Pavlov, emphasized the importance of these indicators for the creative individuality of the scientist.

**Conclusion:** V. S. Deryabin in his priority works in the field of applied psychology adopted a psychophysiological method of research and stressed the importance of affectivity (feelings, inclinations, emotions) for mental activity and motor responses.

**Keywords:** applied psychology; psychophysiological analysis; affectivity.

В. С. Дерябин (1875–1955) — известный физиолог и психиатр, ученик и продолжатель дела И. П. Павлова. В его научных исследованиях ведущей была психофизиологическая проблема, изучение соотношения психического и физиологического в сознании и поведении человека. К изучению этой проблемы ученый подходил с позиций материалистического монизма и психофизиологического единства [7, 9, 10–13].

Согласно его представлениям и работам, проводимым с середины 20-х гг. прошлого века, для решения психофизиологической проблемы важнейшим является изучение аффективности — чувств, влечений и эмоций, поскольку они представляют собой по сути явления психофизиологические [см.: 9]. Хотя парадигмой психофизиологических исследований В. С. Дерябина является учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности (ВНД), им были выполнены также исследования в различных областях психологии. К области теоретической психологии принадлежат его монографии: «Чувства Влечения Эмоции» [4], первое издание которой относится к 1974 г., и «Психология личности и высшая нервная деятельность» [5], впервые опубликованная в 1980 г.

К 1926 г. — моменту написания работ В. С. Дерябина — прикладная психология была еще в зачаточном состоянии. Еще не существовало ее разделов — таких, как инженерная, медицинская, военная психология; они носили общее название «психотехника». Основы психотехники были заложены в начале XX века в Германии психотерапевтом А. Шаквитцем, который описал методику оценки психологической устойчивости вагоновожатых, включающую в себя, в частности, отсортировку тех, кто заведомо был не способен к этой профессии [1].

Статьи В. С. Дерябина, написанные в 1926 г.: «Задачи и возможности психотехники в военном деле», «Психотехническое обследование дорожного мастера», «Психотехническое обследование стрелочника» не были в свое время опубликованы. В. С. Дерябин в это время работал заместителем главного врача по медицинской части областной психиатрической больницы г. Томска и старшим ассистентом кафедры нервных и душевных болезней Томского университета. При кафедре государственного ИМ была экспериментально-психологическая лаборатория, в которой была выполнена работа «О восприятии объемов», изданная в виде одноименной монографии [2]. Работа была выполнена с целью выяснения роли осязательных восприятий в развитии представлений пространства. С этой целью исследования были проведены у зрячих и слепых испытуемых. Было обнаружено, что у последних осязательные ощущения существенно не отличались от таковых у зрячих.

Интерес В. С. Дерябина к проблеме аффективности усилился в результате изучения им психических нарушений у больных с краевой патологией – исходных состояниях эпидемического энцефалита, поражающего стволовую часть мозга. У этих больных сохранялись такие показатели психики, как восприятие, устойчивость внимания, память, суждения и умозаключения. Однако глубокие нарушения были выявлены в эмоционально-волевой сфере: отсутствие высших интересов, равнодушие к родным – т. н. «эмоциональная тупость», пассивность [3].

Исследования, которые уместно отнести к области медицинской психологии, привели его к убеждению, что субстратом эмоций являются подкорковые образования головного мозга (ствол мозга), которые оказывают активирующее влияние на кору больших полушарий, мобилизуя тем самым

интеллектуальные процессы и являясь, по выражению И. П. Павлова, «источником силы» [17] для нее.

Из этих позиций он исходил при написании статьи, посвященной военной психологии – «Задачи и возможности психотехники в военном деле» [6]. В. С. Дерябин отмечал, что психотехника в Красной Армии в средине 20-х гг. находилась «на пороге к делу». Психотехника имеет две главные задачи. психофизиологических Первая анализ физических требований, предъявляемых к различным видам военных профессий (авиация, артиллерия, пехота и др.). Вторая задача – выявление у военнослужащих качеств, необходимых для военной службы в различных родах войск, т. е. речь идет о профориентации, определении рода войск, в которых оптимально проявятся психические и физические качества испытуемых. Если до него упор делался в основном на такие психические свойства военнослужащих, как внимание, память, общее интеллектуальное развитие, быстроту реакции, то заслугой В. С. Дерябина является включение в этот набор эмоциональных, волевых и моральных качеств, что представляется особенно важным в военных условиях.

В. С. Дерябин поставил вопрос об изучении в военной психологии физиологии эмоций, в частности, состояния вегетативной нервной и эндокринной систем.

У животных в экстремальных ситуациях отмечены три вида реакций:

- 1) «двигательная буря» или борьба,
- 2) оцепенение, «затаивание» или «рефлекс мнимой смерти»,
- 3) бегство от опасности.

Эти реакции, выработанные эволюцией с целью победить врага или избежать опасности, являются проявлением базовых эмоций – страха, ярости и связаны с гиперактивацией симпатико-адреналовой системы [14].

У людей тормозная реакция — оцепенение, связанное с повышенным мышечным тонусом, физический и психический паралич, наблюдались во время землетрясений [19]. В военных условиях под влиянием страха отмечается тенденция к проявлению описанных выше реакций. Страх способен подавляться высшими эмоциями — чувствами долга и патриотизма. Поэтому В. С. Дерябин [6] приходит к выводу о том, что в военной психотехнике оценка качеств военнослужащих только на основании показателей интеллекта представляется недостаточной и необходима разработка и оценка в экспериментальных условиях эмоционально-волевой сферы, в частности, влияния испуга на скорость психических и двигательных реакций (курсив мой — О. 3.).

Таким образом, ученый подчеркивает важность психофизиологической характеристики военнослужащих при определении их пригодности к несению военной службы в различных родах войск. При этом уделяет большое внимание соотношению эмоциональной и мыслительной сферы испытуемых, подчеркивая как положительную, так и отрицательную роль эмоций, которые могут способствовать успеху в минуту военной опасности, а могут и затормозить принятие быстрых решений.

К сожалению, статья «Задачи и возможности психотехники в военное время», написанная в 1926 г., была опубликована только в 2009 г. Статья получила признание в Интернете (на сайте «Русская семерка» в блоге: «Психотехники спецназа: как это работает»), где писалось следующее: «Первым из наших ученых, кто, опираясь на учение Шаквитца, занялся вопросами военной психотехники, был физиолог и психиатр В. С. Дерябин. Он доказал, что физические способности не всегда отражают потенциал солдат. При этом он писал: "Во время войны (Первой мировой – О. З.) на моих глазах два солдата, служившие нестроевыми, попали в команду разведчиков. Один оказался очень дельным на новом месте, а другой – выдающимся, до дерзости предприимчивым. И это сразу же изменило обстановку на данном участке фронта". Ученый-психиатр сделал вывод, что в будущих войнах роль психотехники может стать решающей, особенно, когда речь идет о бойцах, выполняющих особо важные боевые задачи».

При подготовке статьи о военной психологии В. С. Дерябин детально ознакомился с книгой Вильгельма Оствальда «Великие люди» [15]. Книга, изданная периферийным Вятским издательством в 1910 г., давно стала библиографической редкостью и заслуживает переиздания. В ней представлен подробный анализ факторов, способствующих или препятствующих научной деятельности, а также условий работы исследователя, позволяющей делать великие открытия. В. С. Дерябина привлекла позиция автора книги известного физикохимика, философа, лауреата Нобелевской премии, который считал, что как материя, так и психика являются проявлением различных видов энергии, что лишает их непреодолимой грани. В. Оствальд писал по этому поводу следующее. «Допущение психической энергии позволяет без натяжек и скачков присоединить психические явления к ряду других процессов природы, и применение основных законов энергетики к психическим явлениям делает возможным интегрирующую систематизацию последних» [15, с. 298]. Такая близка В. С. Дерябину быть как последователю идеи психофизиологического единства. К сожалению, в книге известного психолога Михаила Григорьевича Ярошевского «История психологии» [18] нет даже упоминания об В. Оствальде.

Книга В. Оствальда оказалась полезной для В. С. Дерябина несколькими моментами. В. Оствальд убедительно показал бесполезность экспериментальной психологии для понимания человеческих поступков, которое (понимание) базируется скорее на жизненном опыте, чем на экспериментальных данных.

Другим важным моментом явился анализ предпосылок плодотворных научных исследований в различных странах, наличия в них государственных и общественных институтов, способствующих научной деятельности. В. Оствальд писал: «Наука отстает везде, где отсутствуют такие формы гражданской жизни, которые освобождали бы человека науки от повседневных забот. Университеты страдают от общей ограниченности бюджета, мешающей профессорам свободно отдаваться научной деятельности» [15, с. 313]. Это

высказывание, сделанное в начале XX в., представляется актуальным и в наше время.

В. С. Дерябин рассматривал «человекознание» как науку о человеке, поэтому ему было близко высказанное В. Оствальдом в его книге представление о существовании известной совокупности опытных законов распознавания человека, которые можно собрать и привести в известный систематический порядок для создания базиса соответствующей науки.

Наряду с ролью государства и общества в развитии науки В. Оствальд в своей книге уделил большое внимание психограмме ученого, т. е. совокупности психических свойств, определяющих значимость и успех его научной деятельности. К этим свойствам он относил: ранние физическое и психическое созревание, пробуждение интереса к будущему предмету исследования (эмоциональная заряженность – О. З.), связанные с таким наблюдательность, пытливость, суждений, также независимость определяющуюся независимостью характера, способность наблюдать факты и правильные выводы, высокую работоспособность, них обусловленную хорошим физическим развитием, способность к длительной концентрации внимания, неустанное раздумье над проблемой. Гениальность В. Оствальд рассматривал как мозаичную совокупность благоприятных наследственных и социальных факторов. Но и при таком благоприятном сочетании наличие даже одного «слабого звена» портит всю картину и не дает «избраннику» создать гениальные произведения.

Взгляды В. Оствальда оказались близкими В. С. Дерябину, однако в описанной психограмме в своих работах он особое внимание уделил тем качествам выдающихся ученых, которые имеют психофизиологическую основу. Все эти качества в общем виде можно представить как проявление доминанты, ведущей потребности — докопаться до истины, понять сущность вещей. Эта потребность свойственна не всем людям и далеко не сразу реализуется в конкретной области науки.

В своей главной книге «Чувства. Влечения. Эмоции» [4] В. С. Дерябин изложил основы учения о физиологических основах аффективности и писал о том, что аффективность, сигнализируя о доминирующей потребности, интегрирует восприятие, внимание, отбор ассоциаций, память, психическую и двигательную активность с целью удовлетворения этой потребности. Сказанное в полной мере уместно отнести к потребности ученого «во всем дойти до самой сути».

Психограмма творческого работника, в частности, ученого, т. е. совокупность психических и психофизиологических свойств, определяющих значимость и успешность научной деятельности, о которой писал и В. Оствальд, давно интересовала В. С. Дерябина. Эта тема занимала его еще в средине 20-х гг., но к работе над ней он вернулся в 1949 г. при подготовке воспоминаний об учителе — Иване Петровиче Павлове [7]. Указанные исследования в наше время возможно отнести к области «психологии труда» в определении, данном в Большой советской энциклопедии 1969—1978 гг.:

«Психология труда – отрасль прикладной психологии, изучающая психологические аспекты и закономерности трудовой деятельности человека».

Если психологи (Мясищев В. И., Платонов К. К. и др.) психофизиологические особенности человека — темперамент, тип ВНД, конституцию — не относили к характеристике личности, то В. С. Дерябин на примере И. П. Павлова показал важность этих свойств для успеха научных исследований.

В. С. Дерябин в своих воспоминаниях писал по этому поводу: «В психотехнике важно знать не только психограмму, то есть качества, которые требует данная работа, но и те личности, те *психофизические конституции* (курсив мой – О. 3.), которые наиболее удачно справляются с данным видом труда. <...> Если изучается мозг ученых как субстрат умственной работы, то не меньший интерес имеет изучение психофизической личности (курсив мой – О. 3.) великих ученых, ибо из такого изучения должен быть сделан ряд практических выводов, имеющих большое общественное значение.

У Ивана Петровича было пикническое сложение тела, хорошее здоровье, пламенный страстный характер с наклонностью к веселью и юмору, пламенная воля... Он говаривал, что чувство удовлетворенности от удачной мышечной которое иногда носило характер «мышечной радости», значительно ярче удовольствия от решения каких угодно умственных задач... Уже при игре в городки сказывался огромный азарт. Элемент активности, борьбы слишком глубоко был заложен в его натуре, и это сказывалось даже в мелочах и шутках. С детства у него наблюдалось сильное упорство в преследовании поставленной цели, какова бы она не была. В его увлечениях и играх сказывались существенные черты характера, которые и помогли ему в дальнейшем достигнуть блестящих результатов. Прежде всего, большой темперамент вызывал чрезвычайную страстность ко всякому делу, но эта страстность всегда сдерживалась и контролировалась. Ясно, что процессы сильного возбуждения достаточно хорошо регулировались собственным торможением» [7, с. 140–141]. Уместно сопоставить наиболее благоприятный в жизни и работе сангвинический темперамент И. П. Павлова с исследованным им сильным, уравновешенным и подвижным типом ВНД у собак, при котором сила процессов возбуждения уравновешивалась развитыми торможения.

Сам И. П. Павлов в «Письме к молодежи» [16] отметил главные качества ученого, определяющие успех научной деятельности и в полной мере присущие ему самому: страстность в искании истины, скромность, объективность в оценке результатов своих трудов и в особенности — последовательность в накоплении знаний и фактов, в проведении научных исследований, основанную на бесконечном терпении. Нетрудно заметить, что описанные качества имеют психофизиологическую основу, что особенно подчеркивал В. С. Дерябин при анализе личности И. П. Павлова.

#### Литература

- 1. Баумгартен Ф. Психотехника. Исследование пригодности к профессиональному труду. Ч. І. Берлин: Бюро иностранной науки и техники, 1922. 248 с.
- 2. Дерябин В. С. О восприятии объемов. Иркутск: Издательство Иркутского университета. 1928. 32 с.
- 3. Дерябин В. С. Эпидемический энцефалит в психопатологическом отношении // Сибирский архив теоретической и клинической медицины. 1928. Т. 3. № 4. С. 317—323.
- 4. Дерябин В. С. Чувства, влечения, эмоции: О психологии, психопатологии и физиологии эмоций. М.: ЛКИ, 2013.-224 с.
- 5. Дерябин В. С. Психология личности и высшая нервная деятельность: Психологические очерки. М.: ЛКИ, 2010. 202 с.
- 6. Дерябин В. С. Задачи и возможности психотехники в военном деле // Психофармакология и биологическая наркология. 2009. Т. 9. В. 3—4. С. 2598—2604.
- 7. Забродин О. Н. Воспоминания В. С. Дерябина об И. П. Павлове. Опыт психофизиологического анализа творческой личности учёного // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. 1994. Т. 80. № 8. С.139—143.
- 8. Забродин О. Н. «Письмо к молодежи» И. П. Павлова и три условия долголетия // Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова. 2000. N 1–2. С. 207 212.
- 9. Забродин О. Н. Психофизиологическая проблема сквозная в творчестве В. С. Дерябина // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2014. № 1 (3). С. 128—146. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <a href="http://fikio.ru/?p=949">http://fikio.ru/?p=949</a> (дата обращения: 01.12.2016).
- 10. Забродин О. Н. О жизненном и научном пути В. С. Дерябина (к 140-летию со дня рождения) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2015. № 4 (10). С. 84–114. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fikio.ru/?p=1923 (дата обращения: 10.12.2016).
- 11. Забродин О. Н. Психофизиологическая проблема и проблема аффективности: Викторин Дерябин: Путь к самопознанию М.: ЛЕНАНД, 2017. 208 с.
- 12. Забродин О. Н., Дерябин Л. Н. О жизни и научных трудах В. С. Дерябина (К 120-летию со дня рождения) // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. -1998. Т. 34, № 1. С. 122-128.
- 13. Забродин О. Н., Дерябин Л. Н. В. С. Дерябин ученик и продолжатель дела И. П. Павлова // Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова. 2003. –№ 1–2. С. 200–207.
  - 14. Кеннон У. Физиология эмоций. М. Л.: Прибой, 1927. 173 с.
- 15. Оствальд В. Великие люди. Вятка: Вятское книгоиздательское товарищество, 1910. 398 с.
- 16. Павлов И. П. Письмо к молодежи. Полное собрание сочинений. Т. 1. М. Л.: АН СССР, 1950. С. 22–23.

- 17. Павлов И. П. Физиология и патология высшей нервной деятельности // Полное собрание сочинений. Т. 3. Кн. 2. М. Л.: Издательство АН СССР, 1950. С. 383–408.
  - 18. Ярошевский М. Г. История психологии. М.: Мысль, 1985. 576 с.
- 19. Störring G. Psychologie des menschlichen Gefühlslebens. Bonn: Verlag von Friedrich Cohen, 1922. 289 s.

#### References

- 1. Baumgarten-Tramer F. Psychotechnique. Professional Labor Fitness Research. Part 1 [*Psikhotekhnika*. *Issledovanie prigodnosti k professionalnomu trudu*. *Ch. I.*]. Berlin, Byuro inostrannoy nauki i tekhniki, 1922, 248 p.
- 2. Deryabin V. S. On the Perception of the Volumes [O vospriyatii obemov]. Irkutsk, Izdatelstvo Irkutskogo universiteta, 1928, 32 p.
- 3. Deryabin V. S. Epidemical Encephalitis in the Psychopathological Relation [Epidemicheskiy entsefalit v psikhopatologicheskom otnoshenii]. *Sibirskiy arkhiv teoreticheskoy i klinicheskoy meditsiny* (Siberian Archive of Theoretical and Clinical Medicine), 1928, Vol. 3, № 4, pp. 317–323.
- 4. Deryabin V. S. Feelings, Inclinations, Emotions: About Psychology, Psychopathology and Physiology of Emotions [*Chuvstva, vlecheniya, emotsii: O psikhologii, psikhopatologii i fiziologii emotsiy*]. Moscow, LKI, 2013, 224 p.
- 5. Deryabin V. S. Personality Psychology and Higher Nervous Activity: Psycho-Physiological Essays [*Psikhologiya lichnosti i vysshaya nervnaya deyatelnost*. *Psikhologicheskie ocherki*]. Moscow, LKI, 2010, 202 p.
- 6. Deryabin V. S. Problems and Opportunities of Psychotechnique in Military Affairs [Zadachi i vozmozhnosti psikhotekhniki v voennom dele]. *Psikhofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya* (Psychopharmacology and Biological Narcology), 2009, Vol. 9, № 3–4, pp. 2598–2604.
- 7. Zabrodin O. N. V. S. Deryabin's Memories of I. P. Pavlov. The Experience of the Psycho-Physiological Analysis of the Creative Personality of the Scientist [Vospominaniya V. S. Deryabina ob I. P. Pavlove. Opyt psikhofiziologicheskogo analiza tvorcheskoy lichnosti uchenogo]. *Rossiyskiy fiziologicheskiy zhurnal im. I. M. Sechenova* (Russian Journal of Physiology), 1994, Vol. 80, № 8, pp. 139–143.
- 8. Zabrodin O. N. "Letter to the Young" by I. P. Pavlov and the Three Conditions of Longevity ["Pismo k molodezhi" I. P. Pavlova i tri usloviya dolgoletiya]. *Rossiyskiy mediko-biologicheskiy vestnik* (I. P. Pavlov Russian Medical Biological Herald), 2000, № 1–2, pp. 207–212.
- 9. Zabrodin O. N. Psycho-Physiological Problem Is a Fundamental Problem in V. S. Deryabin's Works [Psikhofiziologicheskaya problema skvoznaya v tvorchestve V. S. Deryabina]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2014, № 1 (3), pp. 128–146. Available at: <a href="http://fikio.ru/?p=949">http://fikio.ru/?p=949</a> (accessed 01 December 2016).
- 10. Zabrodin O. N. V. S. Deryabin's Life and Research (To Mark the 140-th Anniversary of His Birth) [O zhiznennom i nauchnom puti V. S. Deryabina (k 140-letiyu so dnya rozhdeniya)]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom*

- obschestve (Philosophy and Humanities in Information Society), 2015, № 4 (10), pp. 84–114. Available at: <a href="http://fikio.ru/?p=1923">http://fikio.ru/?p=1923</a> (accessed 01 December 2016).
- 11. Zabrodin O. N. Psycho-Physiological Problem and the Problem of Affectivity: Victorin Deryabin: The Way to Self-Knowledge. [Psikhofiziologicheskaya problema i problema affektivnosti: Viktorin Deryabin: put k samopoznaniyu]. Moscow, LENAND, 2017, 208 p.
- 12. Zabrodin O. N., Deryabin L. N. About V. S. Deryabin's Life and Scientific Works (To the 120 Anniversary Since Birth) [O zhizni i nauchnykh trudakh V. S. Deryabina (K 120-letiyu so dnya rozhdeniya)]. *Zhurnal evolyutsionnoy biokhimii i fiziologii* (Journal of Evolutionary Biochemistry and Physiology), 1998, Vol. 34, № 1, pp. 122–128.
- 13. Zabrodin O. N., Deryabin L. N. V. S. Deryabin a Follower and Successor of I. P. Pavlov [V. S. Deryabin uchenik i prodolzhatel dela I. P. Pavlova]. *Rossiyskiy mediko-biologicheskiy vestnik imeni akademika I. P. Pavlova* (I. P. Pavlov Russian Medical Biological Herald), 2003, № 1–2, pp. 200–207.
- 14. Cannon W. B. Physiology of Emotion [Fiziologiya emotsiy]. Leningrad, Priboy, 1927, 173 p.
- 15. Ostwald V. Great People [*Velikie lyudi*]. Vyatka, Vyatskoe knigoizdatelskoe tovarischestvo, 1910, 398 p.
- 16. Pavlov I. P. Letter to the Young [Pismo k molodezhi]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. 1* (Complete Works. Vol. I). Moscow Leningrad, AN SSSR, 1950, pp. 22–23.
- 17. Pavlov I. P. Physiology and Pathology of Higher Nervous Activity. [Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatelnosti]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. III, Kn. 2* (Complete Works, Vol. III, Book 2). Moscow Leningrad, AN SSSR, 1951, pp. 383–408.
- 18. Yaroshevsky M. G. History of Psychology [*Istoriya psihologii*]. Moscow, Mysl, 1985, 576 p.
- 19. Störring G. Psychology of Human Emotional Life [*Psychologie des menschlichen Gefühlslebens*]. Bonn, Verlag von Friedrich Cohen, 1922, 289 p.

#### $\Psi$ илософил и гуминитирные науки в информиционном обществе, 2010, N2 4(14) — www.jtkio.ru

# РЕЦЕНЗИИ

УДК 316.324.8

# Монография А. А. Лазаревича «Становление информационного общества: коммуникационно-эпистемологические и культурноцивилизационные основания»<sup>\*</sup>

Научный редактор – И. Я. Левяш. – Минск: Беларуская навука, 2015. – 537 с.

**Орлов Сергей Владимирович** — федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», профессор кафедры истории и философии, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: orlov5508@rambler.ru

196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,

тел.: 8(812) 708-42-13.

**Бусел Дмитрий Валерьевич** — федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра рекламы и современных коммуникаций, преподаватель, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: busel.guap@gmail.com

196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,

тел: 8(812)373-20-02.

## Авторское резюме

монографии А. А. Лазаревича проанализированы основные коммуникационно-эпистемологические и культурно-эволюционные основания исследований современного информационного общества. Информационный общественный пришел индустриальному уклад на смену постиндустриальному, значительно перестроив при ЭТОМ информационное пространство, но и все другие сферы социального организма. В информационном обществе изменилась роль знания и механизмы его социализации, система коммуникаций, усложнились взаимодействия материальной и виртуальной реальности, проблемы безопасности, тип научной механизмы управления рациональности, И планирования, процессы глобализации и т. п.

\_

<sup>\* ©</sup> С. В. Орлов, Д. В. Бусел, 2016.

# The Monograph of A. A. Lazarevich "The Coming of Information Society: Communication-Epistemological and Cultural-Civilizational Foundations"

Scientific editor I. Y. Levyash. Minsk, Belaruskaya navuka, 2015, 537 p.

**Orlov Sergei Vladimirovich** – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, professor, Doctor of Philosophy, professor, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: orlov5508@rambler.ru 15, Gastello st., Saint Petersburg, 196135, Russia, tel: +7(812) 708-42-13.

**Busel Dmitriy Valerievich** – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Advertising and Modern Communications, teacher, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: busel.guap@gmail.com 15, Gastello st., Saint Petersburg, 196135, Russia, tel: +7(812)373-20-02.

#### **Abstract**

The monograph of A. A. Lazarevich analyzes the main communication and epistemological, cultural and evolutionary research foundations of modern information society. Informational social structure has replaced industrial and post-industrial ones, having reorganized to some extent not only the information space, but also all other spheres of social organism. Information society has changed the role of knowledge and its socialization mechanisms, as well as communication system; it has complicated interaction of material and virtual reality, information security issues, the type of scientific rationality, planning and management mechanism, globalization processes, etc.

Исследование информационного общества является типичной научной областью, находящейся в стадии становления. С одной стороны, эта проблематика довольно часто затрагивается, например, в социальной философии и философии информатики. С другой – крупных исследований по философии информационного общества или хотя бы общепринятых подходов к его изучению пока немного.

Монография директора Института философии Национальной академии наук Беларуси Анатолия Аркадьевича Лазаревича, члена редакционного совета нашего журнала, является обширным исследованием, во многом подводящим итог современным философским представлениям об этом новейшем этапе общественного развития, разработанным учеными России, Беларуси и ряда других стран. В монографии 7 глав:

Глава 1. Природа и сущность социальной информации и коммуникации.

Глава 2. Противоречия индустриализма и дилеммы становления постиндустриального и информационного уклада общества.

Глава 3. Горизонты общества, основанного на знании.

Глава 4. Информационные основы безопасности человека и общества.

Глава 5. Трансформация статуса науки и научной рациональности в информационную эпоху.

Глава 6. Информатизация и межкультурная коммуникация в контексте глобализации.

Глава 7. Реванш идеологии в информационном обществе.

Таким образом, автор рассматривает процессы формирования постиндустриального и информационного общества в широком социальном контексте.

Важно отметить, что в Республике Беларусь и ученые, и государственные структуры целенаправленно ставят проблему исследования нового этапа общественного развития и поддержки связанных с ним прогрессивных тенденций. «Не случайно, – отмечает А. А. Лазаревич, – в Послании Президента Республики Беларусь к белорусскому народу и Национальному собранию Беларуси задача информатизации общества артикулирована как первостепенная» (с. 268–269 монографии). Не менее важно также, теоретический интерес к проблемам информационного общества дополняется прямым практическим участием в его формировании. Так, автор работы пишет: «Под эгидой Института философии НАН Беларуси вот уже несколько лет разрабатываются вопросы социализации инноваций, психологии инновационного процесса. Создана обучающая методика повышения креативной и инновационной компетентности руководящих и инженернотехнических кадров, с помощью которой проводятся обучающие семинары на предприятиях реального сектора экономики. В 2012 г. создано специальное научно-практическое подразделение – Центр управления компетенциями, специалисты которого решают теоретико-методологические задачи создания поисково-творческой среды на предприятиях, вопросы перспективного управления профессиональным развитием их работников, постановки цикла прогнозирования и непрерывного совершенствования управленческих и производственных процессов» (с. 267). Представляется, что опыт такой деятельности очень актуален и для Российской Федерации.

В содержании монографического исследования можно выделить, с нашей точки зрения, три наиболее важных смысловых пласта. Во-первых, это теоретическое исследование понятий и концепций, возникших при описании информационного общества. Во-вторых — изменения в понимании широкого круга проблем социальной философии, вызванные переходом к информационному обществу. В-третьих — рассмотрение конкретных действий, которые целесообразно предпринять для поддержки процессов формирования этой новой ступени общественного развития.

Начнем с первого, наиболее общего «пласта» проблем. Важной теоретической основой концепции информационного общества является само понимание информации. Как известно, существует несколько десятков ее определений. В общефилософском плане она является атрибутивным свойством материи и может рассматриваться как «объективное свойство материальных объектов и явлений порождать множество состояний, которые

посредством фундаментальных взаимодействий материи передаются от одного объекта (процесса) другому и запечатлеваются в их структуре» (с. 19). Социальная информация, создаваемая человеком, выражает уже не только материальные процессы, но и духовную жизнь общества, вследствие чего «в данной связи можно говорить еще и о различных вариантах соотношения духовных и материальных начал» (с. 24). В отличие от природных форм материи информационный продукт, создаваемый в процессе труда, «превращается в реальность, конструируемую сознанием человека» (с. 25).

Новая реальность, служащая основой формирующегося информационного общества, исследована в монографии довольно подробно. Так, отмечается, что компьютер, превращающийся в своеобразный предмет-посредник, позволяет дополнить традиционные субъект-субъектные отношения, в которых рождалась человеческая психика, отношениями человека с искусственным «субъектреферентом» (с. 94). Виртуальная коммуникация развертывается в особом киберпространстве, становящемся специфической формой существования социальной реальности (с. 272). Появление виртуальной реальности, как нам кажется, порождает фактически новую сферу философской поскольку традиционное противопоставление материального и идеального, объективного и субъективного дополняется теперь новой, еще требующей осмысления и интерпретации оппозицией – она определена в монографии как «виртуальное – объективное», «виртуальное – реальное» (с. 276). «Объекты виртуальной реальности обычно ведут себя близко к поведению аналогичных объектов материальной реальности. Пользователь (компьютерной техники – С. О.) может воздействовать на эти объекты в согласии с реальными законами физики (гравитация, свойства воды, столкновение с предметами, отражение и т. п.)» (с. 277). В то же время виртуальность рассматривается как проявление новых, нематериальных процессов, которые начинают главенствовать в развитии цивилизации современную эпоху. «Отличительной В постиндустриального и информационного укладов общества, - отмечает А. А. Лазаревич, – выступает качественно иная их основа – интеллектуальные технологии, информация важнейшие факторы И знания как нематериального, в сравнении с ценностями индустриализма, характера. изменение базисных элементов организации отношений в сторону их нематериальных проявлений само по себе выступает актом относительной виртуализации общественного бытия» (с. 273). Здесь, как представляется, глубокие проблемы нам схвачены сущностные информационного общества и виртуальной реальности взаимосвязи. Можно ли охарактеризовать новый тип общественного устройства как «общество знаний», главной движущей силой которого становятся нематериальные явления? Или характеристика его как общества знаний, широко используемая в современной науке и, в частности, в данной монографии, не является достаточно полной сущностной характеристикой и требует определения природы более сложных материальных процессов, стоящих за развитием «знаниевых» компонентов? Существуют различные попытки решения этой проблемы. Еще в советской философской литературе

высказывалась точка зрения, что труд в обществе будущего будет преимущественно умственным, то есть предполагалась некая дематериализация общественного производства и жизни в целом. Более точный, углубленный анализ взаимодействия материальных и духовных факторов в развитии информационного общества — один из главных запросов общества XXI века к социальной философии. Подход автора является шагом в направлении выработки ответа на этот запрос, хотя и не формулирует такой ответ в окончательном виде.

Второй пласт проблем теории информационного общества разнообразные вопросы социальной философии, которые эта теория заставляет по-новому сформулировать или увидеть в новом свете. А. А. Лазаревич преодолевает существующую философской успешно В литературе обособленность определенную замкнутость исследований информационного общества, ИХ центрирование на экономических информационных аспектах. В эпоху развития шестого технологического уклада необходимо анализировать, в частности, глубокую перестройку образа жизни в процессе формирования экономики услуг (с. 169), процессы компьютерной знаний (с. 230–245), феномен технобиоэволюции Интернета как фактора дестабилизации использование И социальной системы (с. 127). В информационном обществе формируются новые каналы социальной коммуникации, и современная информационнокоммуникативная практика требует формирования особого информационной культуры (гл. 1). Изменяются аппарат управления, планирования, и постепенно все основные механизмы \_ механизмы деятельности государства. Так, информационная безопасность включает в себя все новые и новые аспекты – от безопасности при передаче секретной информации в компьютерных системах до безопасности, связанной сохранением гуманитарных, нравственных ценностей традиций: И «...Национальная безопасность становится комплексной проблемой общества, его гражданских институтов, каждого конкретного человека и по многим своим признакам выглядит как проблема информационной безопасности» (с. 305).

К третьему «пласту» проблем мы отнесли практическую деятельность по прогрессивных тенденций становления информационного укреплению общества. Одной ИЗ сложных гуманитарных, философских обсуждаемых сейчас и в Беларуси, и в России является определение национальной идеи, учитывающее всю особенность исторического момента. А. А. Лазаревич специально подчеркивает, что «национальная формируется "на кончике пера", а выводится из латентного состояния в состояние очевидности, то есть отыскивается и определяется на основе изучения историко-культурных и детального социально-демографических Необходимые для национальной идеи Беларуси отражаются в эмпирическом материале (в данных истории, археологии, этнографии, фольклористики, социологии, лингвистики, искусствоведения, демографии и др.» (с. 489). Национальная идея имеет достаточно сложную структуру – в ней автор выделяет понятийный и образно-символический блоки,

в последний в свою очередь входят: девиз, визуальный образ и персонаж (с. 489). Смысловое содержание, которое автор формулирует далее (с. 492), является, по-видимому, близким и к содержанию российской национальной идеи. Как нам представляется, национальные идеи различных народов имеют как различия, так и многочисленные сходные черты, обусловленные сходством человеческих потребностей, способностей, религиозных традиций, общностью истории и т. п.

В «Заключении» к монографии автор приходит к выводу о необходимости четкой, целенаправленной политики по построению информационного общества, которую должно проводить государство. Приоритетные направления этой работы, сформулированные А. А. Лазаревичем, являются, с нашей точки зрения, одинаково актуальными и для Беларуси, и для России. К ним отнесены:

- «Содействие процессу информатизации экономики и общественного пространства и достижение на этой основе более высоких показателей качества жизни, удовлетворения материальных и нематериальных потребностей людей (в том числе потребности в познании, творчестве, общении, понимании и др.);
- обеспечение защиты национальных интересов и безопасности в информационно-коммуникационной сфере, предупреждение разрушительного воздействия на психику и ценности людей, в том числе целенаправленного воздействия, преследующего военно-политические цели, мотивы принуждения к потребительскому поведению (агрессивная реклама), снижения синтезных показателей человеческого потенциала (по принципу «коллективного обмана», «зомбирования» и т. п.);
- повышение медиакомпетентности широких слоев граждан и улучшение общественного понимания задач науки, научно-технического прогресса;
- более тесную интеграцию национальных научно-образовательных систем в мировое коммуникационное пространство; популяризацию достижений науки и техники, национального интеллектуального и духовно-культурного наследия» (с. 508–509).

В целом можно сделать вывод, что в монографическом исследовании А. А. Лазаревича представлена целостная философская картина современных коммуникационно-эпистемологических представлений культурноцивилизационных основаниях становления информационного общества. Автор монографии удачно уточняет многие аспекты этой картины и намечает наиболее важные направления дальнейших исследований. С нашей точки также дальнейшего зрения, книга показывает важность информационного общества на основе принципов философского материализма. Представляется, что дальнейшие исследования ПО всем направлениям потребуют более пристального внимания механизмам функционирования информационной экономики и к изменениям характера труда (развитие всеобщего труда, по выражению К. Маркса, и его современной формы – компьютерного труда). Усложнение и качественное изменение процесса труда будет, с нашей точки зрения, во многом детерминировать направления развития человеческой личности и общества в целом.

# Указатель содержания журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» за 2016 год

Концепции взаимодействия культур Запада и Востока Н. В. Выжлецова	№ 1(11)	56–75
Современная оценка феномена массовых политических репрессий 1937–1938 гг. на Черноморском флоте В. В. Горохов	№ 4(14)	80–88
Духовно-нравственные права человека как основа семьи и российской культуры С. С. Гузенко	№ 3(13)	52–59
Презентация теоретического семинара при журнале «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»	№ 2(12)	76–87
Н. А. Дмитренко, С. Н. Коробкова, С. В. Орлов В. С. Дерябин — ученик и последователь И. П. Павлова. Психофизиологический подход к анализу личности Учителя	№ 2(12)	38–55
О. Н. Забродин В. С. Дерябин: ученый и человек	№ 2(12)	56–70
О. Н. Забродин Вклад В. С. Дерябина в учение о физиологических основах аффективности	<b>№</b> 1(11)	96–121
О. Н. Забродин О трудной судьбе научного наследия В. С. Дерябина	<b>№</b> 1(11)	76–95
О. Н. Забродин Психофизиологический подход В. С. Дерябина к изучению вопросов прикладной психологии	<b>№</b> 4(14)	89–98
О. Н. Забродин Шестьдесят лет секции кибернетики как метанауки и современные киберфизические системы М. Б. Игнатьев	№ 3(13)	12–20
Консюмеризм и реклама в романе Ф. Бегбедера «99 франков»	№ 3(13)	102–118
А. Н. Ильин Необходимость управления рекламой в обществе потребления	<b>№</b> 1(11)	39–55
А. Н. Ильин Из опыта регионального учреждения высшего профессионального образования Беларуси по социальной адаптации иностранных студентов Д. А. Канашевич-Адыгезалова (Республика Беларусь)	№ 4(14)	51–69

Репрезентация в изобразительном искусстве информационного общества (на примере искусства попарт)	Nº 4(14)	38–43
Т. А. Кузина Бытие человека в эпоху информационной цивилизации: выработка новой концепции социального футуризма	<b>№</b> 4(14)	24–37
Е. В. Кузнецова Креативный потенциал личности в субстанциировании традиции и становлении национального эстетического канона	<b>№</b> 3(13)	60–75
В. А. Максимович (Республика Беларусь) Образование как ключевой фактор социальной дифференциации в информационном обществе Н. К. Оконская, М. А. Ермаков	<b>№</b> 1(11)	26–38
Специфика методологии мышления в информационном	<b>№</b> 4(14)	14–23
обществе <i>Н. К. Оконская, М. А. Ермаков, О. А. Резник</i> Виртуальная реальность как искусственно созданная форма материи: структура и основные закономерности	<b>№</b> 1(11)	12–25
развития  С. В. Орлов  Монография А. А. Лазаревича «Становление информационного общества: коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные	№ 4(14)	99–104
основания».  С. В. Орлов, Д. В. Бусел  Компенсаторные стратегии как компонент развития коммуникативной компетенции при овладении иностранным языком на раннем этапе	№ 4(14)	70–79
И. Ю. Петрова Новые тенденции социокультурных изменений в студенческой среде: причины, особенности, прогнозы	<b>№</b> 4(14)	44–50
Н. Н. Сазонова Национальные театры Петрограда – Ленинграда в системе советских учреждений культуры (1917–1941 гг.)	№ 3(13)	76–101
Т. М. Смирнова Субстратная, энергетическая и информационная составляющие жизненных циклов виртуальных продуктов (методологический аспект)	№ 3(13)	21–36
<ul><li>Т. Н. Соснина</li><li>Ноосферизм как новая научно-мировоззренческая система</li><li>в XXI веке (в контексте императива выживаемости)</li><li>А. И. Субетто</li></ul>	№ 2(12)	71–75

Философия и гуманитарные науки	в информационном обществе	. 2016, № 4(14)	www.fikio.ru
	- · · · T · T · · · · · · · · · · · · ·	,,	

Революции как предмет научной и философской № 2(12) 12–37 рефлексии А. И. Субетто Концепции «общества знания» и «сетевого общества»: № 3(13) 37–51 наука или идеология? И. Н. Тяпин

*Философия и суманитарные наука в информационном обществе, 2010, № 1(11)* www.j.mo.ru

# ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

# Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Более подробная информация о её требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом, как правило, до 80 000 знаков (2 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. При повторном опубликовании материалов в других на журнал «Философия изданиях ссылка и гуманитарные информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензиярекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация материалам должен научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи принимаются, правило, соавторстве аспирантов как В руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

- 2) Основной текст:
- формат листа А4, ориентация книжная
- формат файла doc или rtf
- шрифт Times New Roman
- масштаб 100%
- интервал обычный
- смещение нет

- отступы от полей 0 см
- междустрочные интервалы перед и после абзаца -0 пт
- междустрочный интервал одинарный
- размер шрифта 14 пт
- поля по 2,0 см со всех сторон
- абзацный отступ 1,0 см

### 3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева — ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации, место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание. Ниже справа указываются электронная почта, ниже — служебный почтовый адрес (с указанием страны и города) и телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех). Далее приводятся авторское резюме (обычно 100–250 слов — подробнее см. пункт 7) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Вся эта информация, кроме УДК, приводится сначала на русском, потом — на английском языках.

- 4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 10 шрифтом.
- 5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ 7.1 2003. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «—», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Использование сокращений нежелательно (например, правильнее написать не «J Clin Endocrinol», а «Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism»). Пожалуйста, сверяйтесь с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия.

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно

иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

a	б	В	Γ	Д	e	ë	ж	3	И	й	К	Л	M	Н	0	П	p	c	T	y	ф	X	Ц	Ч	Ш	Щ	ъ	ы	Ь	Э	Ю	Я
a	b	V	g	d	e	e	zh	Z	i	y	k	1	m	n	o	p	r	S	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net, в окошечке в верхнем правом углу ввести число 45848 и нажать кнопку «Загрузить настройки» (при переходе по гиперссылке с сайта нашего журнала или с pdf-версии номера эти настройки загружаются автоматически), ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Orlov»), либо по другим, если их иное написание является более распространённым и встречается в англоязычных источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey», «Ignatyev» вместо «Ignatev»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

При составлении списка литературы желательно не пользоваться автоматической нумерацией, а проставлять цифры вручную.

## Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

# Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [Транслитерированное название книги курсивом]. Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [Gryaduschee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya]. Moscow, Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma]. Moscow, Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm, Izdatelstvo Permskogo universiteta, 2005, 264 p.

# Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [Транслитерированное название книги]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. Monadology [Monadologiya]. *Sochineniya, Tom 1* (Works, Vol. 1). Moscow, Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [K kritike politicheskoy ekonomii]. *Sochineniya, T. 13* (Works, Vol. 13). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1–784.

Pavlov I. P. Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals [Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatelnosti. Dvadtsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatelnosti (povedeniya) zhivotnykh]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. III. Kn. 2* (Complete Works, vol. III, book 2). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 383–408.

Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [Printsip dominanty]. *Sobranie sochineniy, T. 1* (Collected Works, vol. 1). Leningrad, Izdatelstvo LGU, 1950, pp. 197–201.

# Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. -2012. -№ 10. -C. 3-19.

# Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. - год. - страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб. – 2008. – С. 109–116.

Игнатьев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы конференция «Применение ПЗС-методов для Международная научная исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98–106.

# Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления английском на [Транслитерированное название выступления]. Транслитерированное название конференции курсивом (Название конференции на английском языке). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak nravstvennaya problema]. Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyy 70letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg, 2008, pp. 109–116.

Ignatyev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZSmetodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy» (Proceedings of International Scientific Conference "Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration"). Nikolaev, 2003, pp. 98–106.

# Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://free-voina.org/post/3289581310 (дата обращения 10.07.2013).

# Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи курсивом]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list "Innovations": Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme]. Available at: <a href="http://free-voina.org/post/3289581310">http://free-voina.org/post/3289581310</a> (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце. Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без всяких скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

- 6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, р. 51]).
- 7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3 5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском

языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
  - структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
  - написанными качественным английским языком;
  - имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: "The study tested", а не "It was tested in the study".

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать

употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О. В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНИТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». <a href="http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf">http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf</a>.

# Пример оформления авторского резюме и списка ключевых слов

#### Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

### Авторское резюме

**Состояние вопроса:** В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

**Результаты:** Труд в сфере информационных технологий — преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности — особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи — «квазиидеальность» и «квазисубъективность» — внешне напоминают главные свойства духовных явлений — идеальность и субъективность.

**Область применения результатов:** Предложен подход к концепции информационного общества, требующий ее построения с учетом переосмысления фундаментальных понятий материального и духовного, проведенного на основе анализа виртуальной реальности и трудовой деятельности в сфере информационных технологий.

**Выводы:** Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

**Ключевые слова:** информацинное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

## The Philosophy of the Information Society: New Ideas and Problems

#### **Abstract**

**Background:** The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

**Results:** Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called "quasi-ideality" and "quasi-subjectivity". They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

**Research implications:** The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusion: The forming of the information society doesn't mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

**Keywords:** information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

- 8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.
- 9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Желательно эти рисунки также прикреплять к письму отдельными файлами.
- 10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, всегда без пробелов, например, «сине-зелёный»; выглядит коротко) и тире (ставится между словами, обозначениями и т. п., например, «с. 45–48»; выглядит длинно). Тире между цифрами ставится без пробелов, в любом другом случае перед и после тире должны стоять пробелы (например, «1950–1960 годы», «движение жизнь»). Также необходимо обращать внимание, что между инициалами, в сокращениях и в других случаях, когда несколько слов или символов неразрывно связаны друг с другом, между ними ставится неразрывный пробел, который сохраняет соседние слова на одной

строчке и не делает большое расстояние между ними при выравнивании по ширине (ctrl+shift+пробел; например, «и т. п.», «№ 8», «Рh. D.»«А. А. Иванов»).

- 11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.
- 12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме необходимо указать, для какого раздела журнала предназначена статья (философия, культурология, социология, психология, педагогика, политология, история, филология).
  - 13) Периодичность выпуска журнала 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

# Образец оформления статьи

УДК 111

#### Название статьи

**Иванов Иван Петрович** — федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, доцент, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

**Иванов Пётр Иванович** — федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, аспирант.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,

телефон: +7 (812) 708-42-13.

#### Авторское резюме

Текст резюме 100-250 слов.

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

#### **Title**

**Ivanov Ivan Petrovich** – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, Ph. D. (philosophy).

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

**Ivanov Petr Ivanovich** – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru. 196135, Russia, Saint Petersburg, Gastello st., 15, phone number: +7 (812) 708-42-13.

#### **Abstract**

Text of abstract (100–250 words).
<b>Keywords:</b> word number one; word number two (up to 12 words).
Текст статьи
Список литературы
1 2
References
1
2



# Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ЭЛ №ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

www.fikio.ru

16+

# Контакты редакции

Адрес: 196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15, ауд.14-09.

Телефон: 8 (812) 708-42-13 E-mail: fikio@rambler.ru



Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».



© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2016.